ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО АНДРЕЯ БЕЛОГО

Обзор К. Бугаевой и А. Петровского

I. ДОЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРИОДА

Андрей Белый начал писать около 1896 г.: «В эту эпоху начинается мое авторство; я пишу: пишу много, но про себя; стыдливость моя не знает пределов: если бы меня уличили в те дни в писании стихов, я мог бы повеситься; пишу я и нескончаемую поэму в подражание Тассу [1],— и фантастическую повесть, в которой фигурирует иог-американец, убивающий взглядом, и лирические отрывки, беспомощные, но с большой дозой «доморощенного», еще не вычитанного декадентства... Эпитеты «дикий» и «странный» — мои излюбленные» («На рубеже двух столетий», 1930, стр. 351).

К 1896 г. относился и написанный пятистопным ямбом «Тристан».

Весной 1898 г., в седьмом классе гимназии, были написаны конспекты и наброски отроческой мистерии-драмы «Антихрист», на тему — пришествие антихриста под маской Христа (автограф сохранился в архиве Белого и находится в Литературном музее); впоследствии в переделанном виде два отрывка из этой мистерии были напечатаны: в 1903 г.— «Пришедший» и в 1906 г.— «Пасть ночи». Об этом периоде своей литературной работы Андрей Белый писал: «С начала 1899 г. читаю Соловьевым стихи и отрывки в прозе и усиленно самоопределяюсь, как начинающий писатель; написаны две весьма дикие драмы, которые читаны только Сереже; перед выпускным экзаменом пишу трактат, разбирающий творчество Ибсена» («На рубеже двух столетий», стр. 402; см. также журнал «Записки Мечтателей», 1919, № 1, стр. 59).

Летом 1899 г. была начата поэма в прозе, в форме симфонии, предшествующая «Северной симфонии», — так называемая «Предсимфония». В 1903—1905 гг. автор сжег рукопись, «как недоношенное юношеское произведение» [2]. Не сохранилось также и большинство из вышеперечисленных детских и отроческих набросков в стихах и прозе, относящихся к, так сказать, долитературному периоду творчества Б. Н. Бугаева.

В 1899—1900 гг. писалась первая «Северная симфония». Она была закончена в декабре 1900 г., а в марте—июле 1901 г. была написана «Московская симфония» (2-я драматическая), появившаяся в печати раньше первой под псевдонимом Андрей Белый. В своих воспоминаниях А. Белый отметил: «Кстати, в этом псевдониме я неповинен; его придумал М. С. Соловьев, руководствуясь лишь сочетанием звуков, а не аллегориями; я, ломая голову над псевдонимом, предложил мне нравящийся псевдоним «Борис Буревой», а М. С., рассмеявшись, сказал: — Когда потом псевдоним откроется, то будут каламбурить: «Буревой — Бори вой!» И придумал мне «Андрея Белого» («На рубеже двух столетий», стр. 487). Псевдоним был необходим прежде всего для отца: «Мне, как студенту, нельзя было, ради отца, появиться в печати Бугаевым» («Начало века», стр. 128).

Вторая симфония, напечатанная в 1902 г. под маркой изд. «Скорпион» при содействии М. С. Соловьева, и была первым печатным произведением Б. Н. Бугаева, ставшего с той поры Андреем Белым.

С этого (1902) года и до 1934 г. им было выпущено в свет 46 отдельных книг, не считая переизданий, и свыше 300 статей, очерков, рассказов и т. п., не считая стихотворений.

II. ПЛАНЫ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

При жизни Андрея Белого его сочинения не были собраны воедино ни разу. Единственная попытка относится к 1917 г.; она сделана московским издателем В. В. Пашуканисом. В литературной хронике газеты «Утро России» от 4 февраля 1917 г., № 35, указан общий план этого издания: «Все собрание распадается на три отдела: 1) эпические произведения (романы и симфонии), 2) лирика, 3) теоретические статьи и путевые заметки. В первом отделе выходит «Серебряный голубь». Кроме того, выйдет первая книга стихов «Набат времен» (1900—1904). В нее включен, между прочим, неизданный отрывок из юношеской мистерии «Пришедший». Вторая книга стихов «Россия» (1905—1908), третья — «Зовы»[3] (1909—1917)». Однако, из всего издательского плана были осуществлены лишь два тома: «Том IV. Собрание эпических поэм. Книга первая. «Северная симфония» (1-я героическая), «Симфония» (2-я драматическая). 326 стр.» и «Том VII. Собрание эпических поэм. Книга четвертая. «Серебряный голубь». Повесть. Часть первая. 256 стр.». Третья симфония «Возврат» и четвертая симфония «Кубок метелей», а также вторая часть «Серебряного голубя», вследствие издательского кризиса 1917—1918 гг. и смерти В. В. Пашуканиса, не были напечатаны.

10 августа 1919 г. А. Белый заключил договор с изд. «Шиповник» на издание Собрания сочинений в 22 томах. Издание не осуществилось, так как договор был расторгнут по желанию автора.

Следующим издательством, намеревавшимся печатать Собрание сочинений Андрея Белого, было издательство З. И. Гржебина. Летом 1920 г. автором был выработан следующий порядок издания (план хранится в Литературном музее): А. Серия художественных произведений. Т. I. Симфонии; т. II. Кубок метелей (4-я симфония и все мелкие рассказы); т. III. Золото в лазури (1-й сборник стихов и отрывок из мистерии «Пришедший»); т. IV. Пепел; т. V. Звезда над урной («Урна», «Королевна и рыцари», «Звезда», «Христос воскресе»); т. VI. Серебряный голубь; т. VII. Петербург (по новому тексту); т. VIII. Путевые заметки; т. IX. Котик Летаев. Возвращение на родину; тт. X—XII. Эпопея. В. Серия теоретических сочинений. Т. XIII. Символизм (статьи из «Символизма», «Арабесок» и «Луга зеленого»); т. XIV. Арабески (статьи из «Арабесок» и несколько статей из журналов, не входивших ранее в книги статей); т. XV. Луг зеленый (статьи из «Луга зеленого» и др.); т. XVI. Кризис сознания (ряд статей 1916—1919 гг.); т. XVII. Лирика и эксперимент (статьи из «Символизма»); т. XVIII. О поэтическом смысле; тт. XIX и XX. Статьи по истории культуры. К плану приложен текст предполагаемых предисловий к тт. II, III, IV (приводятся в отрывках ниже при обзоре «Кубка метелей», «Золота в лазури» и «Пепла»), а также текст предисловий к тт. XIII, XIV и XVII.

Из этого широкого плана ничего не было осуществлено, и в 1923 г. в Берлине изд. Гржебина вне всякого собрания сочинений выпустило однотомник А. Белого «Стихотворения» (507 стр.). Кроме того, в архиве писателя сохранилась неозаглавленная записка, которую можно условно назвать «Планом посмертного издания Собрания сочинений Андрея Белого». Она помечена 21 февраля 1925 г. и начинается так: «В случае моей смерти хотел бы я, чтобы эти слова прочел кто-нибудь из друзей, которому было бы интересно знать сумму мной написанного. Я, конечно, не придаю слишком глубокого значения моим работам; вообще, книгами я интересуюсь постольку, поскольку сквозь все их пишется одна Книга книг; и это — Книга духовного развития человечества, его культура; но исследователей этого мучительного становления культуры может интересовать тот или

иной период развития культуры в любой из стран; могут быть люди, интересующиеся «н а ч а л о м в е к а» в России, деятелями разных течений этого времени; с точки зрения этой и символизм может оказаться «с и м п т о м а т и ч е н», и в нем «с и м п т о м а т и ч е н» могу быть и я со всеми моими малыми достижениями и великими падениями. Ради этой «с и м п т о м а т и к и», как атом истории великой русской литературы я готов дать ответ перед читателями; могут настать времена (после моей смерти), когда поднимется вопрос об издании собрания моих сочинений (не слишком много для этого шансов); будущим редакторам понадобятся «т е к с т ы» мои; и вот им, этим мало ожидаемым будущим редакторам, хотел бы я сказать несколько слов к «руководству» при издании».

После этого вступления в плане 1925 г. идут авторские указания относительно материала и состава каждого из томов и указывается следующий их порядок: т. I. Все стихи; т. II. Четыре симфонии; т. III. Серебряный голубь; т. IV. 1) Петербург (роман), 2) Петербург-драма (по тексту первой студии, а не по «Гибель сенатора»); т. V. Москва; т. VI. 1) Котик Летаев (и «Преступление Николая Летаева»), 2) Записки чудака; т. VII. Путевые заметки; тт. VIII и IX. Начало века (I, II и III томы); т. X. Символизм; т. XI. Символизм как жест жизни; т. XII. Луг зеленый; т. XIII. Кризис сознания (сюда же — Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности); т. XIV. 1) Книга о поэзии, 2) Лирика и эксперимент. План осуществлен не был и остался только авторским пожеланием.

А. Белый, сын математика и сам естественник, был прирожденным «систематизатором». В разделе о стихотворениях не раз будет указано, какое значение он придавал циклам и размещению своих поэтических произведений. Так же относился он и к прозе. Обдумывая возможность переиздания книг, Белый составлял

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
Фотография 1900—1901 гг.
Собрание К. Н. Бугаевой, Москва

планы и, по мере их неосуществления и — одновременно — увеличения своего литературного наследства, заменял устаревшие планы новыми, также при его жизни несбывшимися.

Таким образом, при рассмотрении литературного наследия Андрея Белого отпадает обзор Собрания сочинений, заменяясь обзором напечатанных книг, отдельных произведений в журналах, сборниках и газетах и, изредка, повторных изданий вышедших книг.

III. СИМФОНИИ. ПЕРВЫЕ СТАТЬИ. РАССКАЗЫ. ПОЭМА «ДИТЯ-СОЛНЦЕ»

Первое свое печатное сочинение — «Симфонию» (2-ю драматическую) Андрей Белый в течение всей жизни считал одним из своих лучших произведений. Через тридцать лет после написания он относил ее к числу тех шести-семи книг, в которых «сознательно выступал, как художник слова, а не как публицист» (сборник «Как мы пишем», Л., 1930, стр. 15).

«Симфония» была закончена летом 1901 г.; в сентябре прочитана в семье М. С. Соловьева (в присутствии П. С. Соловьевой, поэтессы, известной в свое время под псевдонимом Allegro). М. С. Соловьев одобрил произведение и передал рукопись В. Брюсову, одному из руководителей изд. «Скорпион». Брюсов одобрил «Симфонию» для напечатания, но, так как по издательским соображениям торопить ее выход в свет было невозможно, М. С. Соловьев решил напечатать книгу за свой счет под скорпионовской маркой. Обложка была придумана самим автором (см. об этом «Начало века», стр. 128).

В своих воспоминаниях Андрей Белый описывает, как изумлялся и ужасался поэт, пушкинист и цензор А. А. Венкстерн, от которого зависело цензурное разрешение «Симфонии»: он счел ее бредом и собирался «отечески усовещевать» автора.

«Симфония» была отмечена печатью. «Толстые» журналы приняли только сатирическую сторону произведения, их отзывы были полунедоуменны, полуотрицательны. Зато ежедневные газеты буквально неистовствовали. За отсутствием собственного печатного органа (тогда издавался один лишь несколько смежный журнал «Мир Искусства»), никто из сочувствующих А. Белому не имел возможности высказаться сразу же. Но как только в Петербурге в 1903 г. под редакцией П. Перцова начал издаваться журнал «Новый Путь»,— в апрельской его книжке появилась рецензия Александра Блока. Собственно это была не рецензия, а как бы поэтическая вариация на тему и в стиле самой «Симфонии».

В то же время, в 1903 г., в екатеринославской газете «Приднепровский Край» (существовала с 1898 по 1918 г.) начал сотрудничать Э. К. Метнер, брат композитора, впоследствии музыкальный критик, писавший под псевдонимами Вольфинг (псевдоним придуман Белым) и Mi — la. За подписью Э. он помещал в газете статьи и рецензии о произведениях символистов, и в номерах от 15 и 16 декабря 1903 г. напечатана его статья о «Симфонии» Андрея Белого.

Следующие произведения Андрея Белого стали появляться сразу же после «Симфонии». В конце 1902 г. в № 11 журнала «Мир Искусства» была напечатана его небольшая статья «Певица», посвященная М. Олениной-д'Альгейм, а в № 12— статья «Формы искусства». В 1903 г. при том же журнале издавалась «Хроника «Мира Искусства», там появились заметки о Бальмонте, о постановке «Юлия Цезаря» на сцене Художественного театра и «Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам». В это же время в Петербурге начинает выходить журнал «Новый Путь», в первом номере которого помещен отклик Андрея Белого на книгу Мережковского о Толстом и Достоевском (в отделе «Из частной переписки», за подписью «Студент-естественник»); в № 2 — отзыв о книге К. Гамсуна «Драма жизни» и в № 9 — статья «О теургии». В том же 1903 г. в третьем альманахе «Северные Цветы», изд. «Скорпион», впервые напечатаны

стихи и отрывок из ненаписанной мистерии «Пришедший», а в альманахе «Гриф» (М., 1903) — стихи и «Отрывки из 4-й симфонии» (пять отрывков).

Статья «Формы искусства», подписанная не псевдонимом, а полным именем: Борис Бугаев, послужила, между прочим, поводом для начала переписки с Александром Блоком. В это же время А. Белый выпускает в свет свою первую симфонию, написанную еще в декабре 1900 г. 8 ноября 1902 г. он писал В. Я. Брюсову, что посылает первую симфонию только потому, что некогда переписывать третью. Но 30 августа 1903 г. сообщал ему же, что предпочитает, если первая появится раньше третьей, и предлагал, чтобы отличить ее, озаглавить «как-нибудь поиндивидуальней: «Северная симфония», «Север», «Северные страны», «Рыцарь и королевна», «Королевна»; при этом считал, что лучше всего «Королевна» и «Северная симфония». Впоследствии одно из предполагаемых заглавий было взято для сборника стихотворений «Королевна и рыцари» (1919). Симфония вышла во второй половине 1903 г. в изд. «Скорпион» под названием «Северная симфония» (1-я героическая), с посвящением Эдварду Григу, с цензурным разрешением 4 июля 1903 г. и с датой на обложке: 1904 г.

Следующей по счету симфонией была третья. Начатая в ноябре — декабре 1901 г. «в гистологической чайной» Московского университета, она обрабатывалась в апреле и августе 1902 г. в той же чайной, «на бумажных клочках». Первая ее редакция уничтожена автором («На рубеже двух столетий», стр. 403, 444). В печати она появилась в 1905 г. под названием: «Возврат. III симфония», М., 1905, изд. «Гриф», 127 стр. Цензурное разрешение на книгу помечено 16 сентября 1904 г. Обложку рисовал В. В. Владимиров. В этом произведении несколько больше сюжетности, чем в двух первых, и, вероятно, поэтому, когда в 1922 г. она была переиздана (без изменений) изд. «Огоньки», в Берлине, автор счел возможным устранить подзаголовок «Симфония» и заменить его словом «Повесть». В 1928—1929 гг., во время проживания в Кучине (под Москвой), А. Белый, намечая переиздание некоторых своих книг, собирался переработать заново и «Возврат», но намерения не осуществил.

Четвертая симфония писалась в июне — июле 1902 г. Отрывки 1 — 5 из этой первой редакции, под заглавием «Отрывки из 4-й симфонии», напечатаны в альманахе «Гриф», М., 1903, стр. 52—61 (два отрывка из второй части, один из конца второй части и два отрывка из третьей части). Затем она перерабатывалась в октябре—декабре 1902 г., в сентябре 1905 г. и в июле, октябре и декабре 1906 г. Впоследствии А. Белый назвал «Кубок метелей» одним из своих «лабораторных экспериментов» (сборник «Как мы пишем», стр. 15). Но уже в предисловии к этой книге он писал: «На «Симфонию» свою я смотрел во время работы как на структурную задачу... более всего старался быть точным в экспозиции тем, в их контрапункте, соединении и т. д... Я старался быть скорее исследователем, чем художником» («Кубок метелей», стр. 2). А гораздо позднее он дважды решительно заявил о неудаче этих попыток: «С 1902 до 1908 я только мудрил над одним произведением, калеча его новыми редакциями, чтобы в 1908 г. выпустить четверояко искалеченный текст» («Начало века», стр. 9), и далее: «Кубок метелей» выявил раз навсегда невозможность «симфонии» в слове» («Между двух революций», стр. 138).

Книга вышла в изд. «Скорпион» под названием «Кубок метелей. Четвертая симфония», с обложкой А. Федотова, в количестве 1 000 экз. Заглавие определилось, повидимому, только к моменту напечатания, так как в письмах 1906—1907 гг. к матери и В. Я. Брюсову Андрей Белый называл свое новое произведение или «Бокалом метели», или просто «Симфонией». В дальнейшем она не переиздавалась, но в январе 1920 г., подготовляя для изд. З. Гржебина собрание своих сочинений, Андрей Белый начал новую переработку этой книги и успел написать несколько первых отрывков, текст которых не сохранился.

К периоду 1902—1908 гг., кроме уже упоминавшегося драматического отрывка «Пришедший», относятся небольшие художественные прозаические произведе-

ния: 1) «Световая сказка», — альманах «Гриф», М., 1904, стр. 11—18; 2) рассказ «Куст», — «Золотое Руно», 1906, № 1, стр. 129 — 135; 3) рассказ «Мы ждем его возвращения», — «Свободная Совесть», литературно-философский сборник, I, М., 1906, стр. 160—163; 4) примыкающий к теме «Пришедшего» «отрывок из задуманной мистерии» под названием «Пасть ночи», — «Золотое Руно», 1906, № 1, стр. 62—71; 5) рассказ «Горная владычица», — «Перевал», 1907, № 12, стр. 20—25; 6) «Адам. Записки, найденные в сумасшедшем доме», — «Весы», 1908, № 4, стр. 15—30.

Оба отрывка из мистерии: «Пришедший» и «Пасть ночи», по намеченному в 1920 г. плану, должны были вместе со сборником стихотворений «Золото в лазури» составить том третий Собрания сочинений в изд. З. И. Гржебина, а остальные рассказы — том второй того же собрания, пополненный двумя рассказами: «Иог» (напечатан в журнале «Сирена», Воронеж, 1918, № 2—3, стр. 18—30) и «Человек. Предисловие к повести «Человек, являющий собой хронику XXV в.» («Знамя Труда», М., 1918, № 1, июнь, стр. 22—24). Других мелких рассказов Андрей Белый не писал, по крайней мере, они не сохранились или неизвестны.

К 1905—1907 гг. относится поэма «Дитя-солнце». В «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей»[4] о ней говорится: «Две песни поэмы «Дитя-солнце», обнимавшие более 2 000 стихов[5] (ямбы, белый стих, написанный неравностопными строками); поэма должна была заключать 3 песни; третья песнь была не написана; в свое время поэма читалась С. М. Соловьеву и А. А. Блоку; пропала весной 1907 г.». Возможно, что автор делал попытки восстановить поэму, так как летом 1907 г. газеты сообщали: «А. Белый усиленно работает над пьесой в стихах, которую он надеется кончить к сентябрю. Сюжет — столкновение горных сил с людьми» («Голос Москвы», 20 июля 1907 г., № 163, рубрика «Литературные вести»; см. также киевский журнал «В Мире Искусств», 1907, № 13—14, отдел «Хроника»). Кроме того, она же, повидимому, обещана к напечатанию в журнале «Весы», о чем говорится в тексте объявления о «Весах» в газете «Слово» от 5 декабря 1908 г.

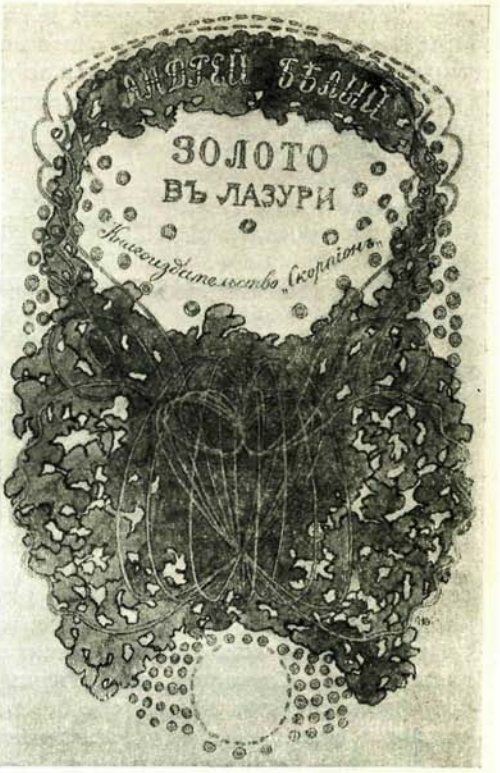
Сюжет поэмы, которая восстановлена не была, — «космогония, по Жан Поль Рихтеру, опрокинутая в фарс швейцарского городка, которого жители разыгрывают пародию на борьбу сил солнца с подземными недрами». Подробнее об этом см. в книге А. Белого «Между двух революций», 1934, стр. 19—21.

IV. СТИХОТВОРЕНИЯ

Большая часть детских и отроческих стихов Андрея Белого (о них см. выше раздел I. Долитературный период), написанных между 1896 и 1899 гг., была уничтожена автором. Первые напечатанные стихотворения относятся к 1901—1903 гг Они появились в 1903 г. в двух московских литературных сборниках: «Северных Цветах» (третий альманах, изд. «Скорпион») и альманахе «Гриф».

В «Северных Цветах» 1903 г. было напечатано 8 стихотворений (16 отрывков), составивших цикл «Призывы»: 1. «Три стихотворения» (а) Все тот же раскинулся свод, б) Поет облетающий лес, в) Звон вечерний гудит, уносясь); 2. «Закат» (а) Даль без конца. Качается лениво, б) Я шел под вечер тихий и усталый); 3. «Загадка»; 4. «Кентавр» (а) Был страшен и холоден сумрак ночной, б) Холодная буря шумит); 5. «Великан» (а) Поздно уж, милая, поздно... Усни, б) Бедные дети устали); 6. «Призывно грустный шум ветров...»; 7. «Знамение»; 8. «Четыре отрывка» (а) Пусть вокруг свищет ветер сердитый, б) И все выше и выше всхожу я, в) Там... в низинах ждут с верой денницы, г) Черный бархат усыпан так щедро).

В альманахе «Гриф» 1903 г. было напечатано 8 стихотворений: 1. «Гроза на западе»; 2. «В. Брюсову»; 3—6. Четыре стихотворения, объединенные в цикле «Возврат»: «Гном» (а) В дремучем лесу, б) Все тихо), «Старинный друг», «Уж этот сон мне снился», «Возврат»; 7. «Вот на струнах тревожных»; 8. «Образ вечности».



ОБЛОЖКА Н. ФЕОФИЛАКТОВА К КНИГЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ», 1904 г.
Литературный музей, Москва

В следующем, 1904 г. вышел альманах «Гриф», в котором были напечатаны стихи: «Битва исполинов»; «Поединок»; «Предание»; «Осень» (а) Печальный друг, б) В небесное стекло).

Кроме того, в «Журнале Для Всех», 1904, июль, напечатано стихотворение «Тройка» (1904), и два стихотворения 1903 г.: «Золотея, эфир просветится» и «Зовут аргонавты на солнечный пир» приведены автором в его статье «Символизм, как миропонимание» («Мир Искусства», 1904, № 5). За исключением «Тройки», перепечатанной в книге «Пепел» (1909), все эти стихотворения вошли в состав сборника «Золото в лазури», первого стихотворного сборника Андрея Белого (изд. «Скорпион», М., 1904).

«ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ»

Сборник этот задумывался еще в конце 1902 или в начале 1903 г.; в письме к В. Я. Брюсову от 24 июля 1903 г. Андрей Белый, упоминая о согласии изд. «Гриф» выпустить книгу в сентябре, продолжает: ко «охотно отдам... «Скорпиону»... размер от 150 до 200 страниц... Согласны ли Вы издать его осенью». Согласие было получено, и 9 августа Белый писал уже Брюсову: «Смотрю на печатаемый сборник, как на свое прошлое, а не теперешнее». Некоторые отрывки казались ему «сомнительными даже для прошлого», и он ждал от редактора окончательного решения. 18 августа рукопись была отправлена, и в дальнейшем началось совместное обсуждение автором и редактором ряда вопросов.

Общее название цикла стихов в «Северных Цветах» 1903 г. «Призывы», установленное В. Я. Брюсовым, предназначалось и для всего сборника; но в письме от 30 августа Андрей Белый предложил озаглавить весь сборник «Золото в лазури», оставив это же название за первым отделом; вместо «Призывы» он предлагал еще «Закаты», «Светы», «Лучи и отсветы». Брюсов остановился на первом его

предложении. Вышедший сборник делился на пять отделов: «Золото в лазури», «Прежде и теперь», «Образы», «Лирические отрывки в прозе», «Багряница в терниях». Последний отдел первоначально назывался «Пурпур и тернии»; недовольный этим названием автор предлагал редактору на выбор другие: «Багряница», «Багряница в небе», «Любовь и багряница», «Красные светы», «Капли крови»; но, вероятно, строки

Облекли меня в багряницу!
Пусть вонзаются тернии в лоб...
(«Возмездие», отр. III, — «Золото в лазури», стр. 229)

послужили основанием для окончательной редакции.

Автор предлагал изменить также и названия других отделов книги: вместо «Образы» — «Пришельцы из хаоса», «Фантомы из бездны» (или «Над бездной»), «Из бездны веков», «Сказки хаоса»; вместо, по его мнению, неудачного «Прежде и теперь» — не придумалось «ничего, кроме ужасного» «Парики и пиджаки»; вместо предполагаемого самостоятельного отдела «Северные элегии» — «Туманы», «Северный туман», «Север». Новые названия были отклонены, а последний отдел и совсем не сохранился. (Возможно, что в него входили стихотворения «Гном», «Серенада», «Утешение», «Осень», «Грезы», «Северный марш», «Кладбище» («Золото в лазури», стр. 161—174), в которых отчетливы темы севера и туманов.)

В том же письме к В. Я. Брюсову от 30 августа 1903 г. Андрей Белый просил связать стихотворение «Золотое руно» с «Аргонавтами» и дать общее заглавие «Золотое руно», а бывшее «Аргонавты» пометить цифровой «2 (полагая, что первый отрывок есть 1)». Эти стихотворения цитированы в тексте упомянутой выше статьи «Символизм, как миропонимание» (перепечатана в сборнике статей «Арабески», стр. 238), но оба без заглавия, первое — без последнего четверостишия, а последнее в значительно измененном виде.

Впрочем, первые стихотворения, перепечатанные из сборников 1903 г., в «Золоте в лазури» появились лишь в слегка измененной редакции: 1. «Даль без конца» (стр. 13) — в предпоследней строфе эпитеты «винно-золотистой», «лучистой», «огнисто-жгучей» заменены последовательно на «огненно-лучистой», «огнистой», «пунцово-жгучей»; 2. «Я шел домой согбенный и усталый...» (стр. 13) — изменилась первая строка, а в третьей «вечерний» стало «далекий»; в последней строфе «Я молча стал покорный» изменено на «Так я стоял счастливый»; 3—5. «Три стихотворения» — без изменений, лишь во второй строфе второго стихотворения (стр. 23) вместо «Приблизилась тень» первоначально было «Уж падает тень»; 6. «Загадка» получила в книге заглавие «Вечность» (стр. 122); 7. «Знамение», потеряв заголовок, стало второй частью стихотворения «Утро» (стр. 134), а в стихотворении «Призыв» (стр. 223), посвященном памяти первого друга поэта на литературном пути, М. С. Соловьева (умер 16 января 1903 г.), появилось заглавие и опущена строфа пятая. Остальные стихотворения перепечатаны без изменений или с очень незначительными.

Большая часть стихотворений из альманаха «Гриф» 1903 г. перепечатана почти без изменений: «Гроза на западе» получила заглавие «Гроза на закате» (стр. 21); «В. Брюсову» стало называться «Маг» (стр. 123); «Старинный друг» стало второй частью одноименного цикла стихов (стр. 138); стихотворение «Вот на струнах» вместо *⁎* получило заглавие «Тоска».

Во втором отрывке стихотворения «Гном» (стр. 161) изменена одна первая строка. Было: «Все тихо, ни бури, ни грома»; стало: «Не слышно зловещего грома». Но первый отрывок, единственный из всех стихов того времени, кроме «Аргонавтов», подвергся большой авторской правке.

Четыре стихотворения, напечатанные в альманахе «Гриф» 1904 г. («Битва исполинов», «Поединок», «Предание», «Осень»), перепечатаны в «Золоте в лазури» также лишь с небольшими добавлениями, перестановками и стилистическими исправлениями. Название изменено только в одном стихотворении «Битва исполинов», которое в «Золоте в лазури» озаглавлено «Битва»; в стихотворении «Поеди-

нок» в конце первого отрывка добавлены две строфы, а в стихотворении «Предание» опущен эпиграф из Пушкина: «Меж нами есть одно преданье».

Кроме перечисленных выше, все остальные стихотворения напечатаны в «Золоте в лазури» впервые. Общее число названий (иногда название объединяет несколько стихотворений) — 96. Кроме стихов (1900 — 1904), в книге был отдел (предпоследний) «Лирические отрывки в прозе». Пять из них помечены 1900 г.; один — «Аргонавты» — 1904 г.; один — «Сон» — без даты. Эти отрывки никогда не перепечатывались. И только в 1929 г., перерабатывая весь том «Золото в лазури», Андрей Белый переложил три из них на белые стихи, пометив их двойной датой: «Волосатик» — 1898—1929; «Ревун» — 1898—1929; «Аргонавты» — 1903 — 1929; с добавлением нового стихотворения «Сказание об Али-бабе» (1929) они составили четвертый отдел «Белые стихи» в ненапечатанном томе стихов «Зовы времен».

Цензурное разрешение на сборник «Золото в лазури» помечено 15 марта 1904 г.; появился он в апреле, в обложке работы Н. Феофилактова, главного художника «Весов». Сборник имеет посвящение: «Дорогой матери».

Сам автор был не слишком доволен первым сборником своих стихов. Уже при сдаче в печать книга была для него не настоящим, а прошлым, и прошлое «дразнило» его: «Воротило от книжного вида и сути: беспомощность, самоуверенность детских стихов удручала в сравнении с маленькой, трудно прочтенной книгой стихов Вячеслава Ивановича», т. е. «Прозрачностью» («Начало века», стр. 328). Позже, в предисловии к «Урне», помеченном 14 января 1909 г., он писал: «Озаглавливая свою первую книгу стихов, я вовсе не соединял с этой юношеской, во многом не совершенной книгой того символического смысла, который носит ее заглавие... Еще «Золото в лазури» далеко от меня... в будущем» («Урна», стр. 11).

В дальнейшем, неоднократно замышляя переработку «Золота в лазури», Андрей Белый много раз за нее принимался: в 1914, 1916, 1921, 1922 и 1925—1931 гг. Накануне мировой войны изд. «Сирин» (М. И. Терещенко), издававшее сборники под тем же названием и собрания сочинений крупнейших символистов: В. Брюсова, Ф. Сологуба и отдельные книги А. Ремизова, намеревалось издать стихотворения Андрея Белого и Александра Блока. Набор первого тома стихов Блока был начат, и даже сохранились сверстанные листы. Но из-за военных событий издатель приостановил свою деятельность, не осуществив намеченных изданий. Однако, в связи с издательскими планами, Андрей Белый, находясь в Швейцарии, подготовлял двухтомное собрание своих стихотворений и «слегка» выправил для него текст «Золота в лазури». В предисловии к этому изданию, датированном: «Арлесгейм, 2 июля 1914 г.», он писал, что при отборе стихов руководствуется не их художественными достоинствами и поэтому оставляет в первоначальном виде много формально-слабых стихотворений, так как они «характеризуют идейные искания и переживания автора несравненно ярче, нежели другие стихотворения... Что касается переделки... то автор переделывал лишь те из стихов, в которых были кричащие несовершенства техники» (см. рукопись в архиве Андрея Белого в Литературном музее).

Издание намечалось по хронологическому принципу. Из «Золота в лазури» в него вошло 75 стихотворений: к 1901 г. отнесено 10; к 1902 г.— 23; к 1903 г.— 40; к 1904 г. — 2; из названий отделов сохранились два: «Прежде и теперь» (12 стихотворений) и «Золото в лазури» (38 стихотворений) — оба под 1903 г.

В 1916—1917 гг. Андрей Белый перерабатывал «Золото в лазури» для изд. В. Пашуканиса, включив в него отрывок «Пришедший» и озаглавив этот том в новом издании «Набат времен» (см. «Утро России», 4 февраля 1917 г.) или, по другим сообщениям, «Зовы времен» (В. Д[ержановский],— «Знамя Труда», 1918, № 2, июль, стр. 32). Рукопись с переработанным текстом пропала при ликвидации издательства. Когда в 1920 г. наметилась возможность издать собрание сочинений у З. Гржебина, Андрей Белый вынужден был вернуться «к старому забракованно-

му тексту, не меняя уже ни иоты», и в предисловии (июль 1920 г.) к предположенному третьему тому собрания, заключающему «Золото в лазури», писал: «Автор с ужасом обозревает все дефекты этой книги; все технические наивности, все безвкусия красочных пятен автор осознает сам... (Книга) — документ истории становления символического течения в русской поэзии начала 1900 годов — не более, скорее эта книга, по мнению автора, должна быть названа «Сусалом в синьке», нежели «Золото в лазури» (меткое выражение одного из критиков автора[6]). Такую несовершенную книгу или не стоит печатать, или стоит печатать без единой поправки (как исторический документ), или переработать вновь, не оставив ни одной строчки в прежнем виде; для этого надо войти сызнова в цикл переживаний книги, пропустить его вновь сквозь себя, пережить свою «в т о р у ю м о л о д о с т ь»; и — в духе прошлого, в сущности, написать новую книгу; это — возможно, но предполагает трудную моральную работу». Работа была отчасти проделана, но после пропажи рукописи возобновлять ее «нет ни времени, ни моральных сил».

Таким образом, каждый раз, возвращаясь к «Золоту в лазури» и собираясь переработать эту книгу для нового издания, Андрей Белый считал нужным воссоздать внутренний текст книги, те мотивы, по которым она писалась, которые она должна была воплотить и, с точки зрения автора, не воплотила из-за юношеского несовершенства техники начинающего поэта. Книга в том виде, как она была, — лишь «исторический документ» потому, что это — для Андрея Белого — лишь отпечатки пальцев, которые нащупывали образ, продолжающий жить в творчестве поэта, в нем самом, меняясь и развиваясь вместе с творчеством. Поэтому переделки — это иногда почти новые стихи, написанные на ту же тему. И в каждое новое издание стихи входили переработанными и осмысленными по-новому. То, что было сказано, открывалось с новой точки зрения, сокращаясь и сжимаясь в строгой чеканке слов.

Издание 1920 г. не осуществилось, но в 1923 г. в изд. З. И. Гржебина вышел заново отредактированный сборник Андрея Белого «Стихотворения». При сличении его текста с рукописью экземпляра, приготовленного для изд. «Сирин», оказалось, что правка отдельных стихов и строф «Золота в лазури» совпадает, но в издании 1923 г. она совершеннее и законченнее. В этом издании стихи были расположены не хронологически, а по «отдельным циклам, выражающим крупные линии, слагающие лик моей музы» (Предисловие. 21 сентября 1922 г., стр. 8). Отдел «Золото в лазури» распадался на три части: 1. В полях; 2. В горах; 3. Не тот. В отдел вошли не все стихотворения из книги «Золото в лазури», и обратно: присоединены некоторые стихотворения из «Пепла». Шесть стихотворений из отдела «Прежде и теперь» («Золото в лазури») вошли в раздел, составляющий в издании 1923 г. вторую часть отдела «Пепел». О дальнейших переработках книги «Золото в лазури» см. ниже, стр. 597, планы 1925 и 1931 гг. По плану 1931 г., в первый из намеченных в этом плане двух томов собрания стихотворений — «Зовы времен» — включено, как основное его содержание, большинство стихотворений «Золота в лазури», но вновь измененных и переработанных иногда до полной неузнаваемости. Во второй том стихов «Звезда над урной», по плану 1931 г., в пятый отдел «Стилизации. Прежде и теперь», намечались стихотворения из второго отдела «Золота в лазури» — на этот раз все, за исключением: «Весна», «Из окна», «Свидание», «На окраине города». Но ни в первом, ни во втором томе последней редакции (1931), так же, как и по плану 1925 г., название «Золото в лазури» не сохранилось.

«ПЕПЕЛ»

С 1905 г. в журналах и альманахах начали печататься стихотворения Андрея Белого, которые все дальше и дальше отступали от тем «Золота в лазури».

В 1905 г. в «Вопросах Жизни» напечатаны в № 3: «Кроткий отдых», «Гроза

в горах», «Воздушный путь», «Старинному врагу»; в № 7 — «Калека» и «Пир». В альманахе «Гриф» 1905 г. — два цикла. Первый под заглавием «Тоска по воле» составлен из одиннадцати стихотворений: 1. «Отчаянье»; 2. «На улице»; 3. «Меланхолия»; 4. «Успокоение»; 5. «Попрошайка»; 6. «Шоссе»; 7. «Арестанты»; 8. «Странники»; 9. «На вольном просторе»; 10. «Изгнанник»; 11. «На рельсах». Второй цикл «Идиллия» — из двух стихотворений: 1. «На дворе с недавних пор»; 2. «Как струя золотого вина».

В 1906 г. в журнале «Весы» появился цикл «Одинокие». Семь стихотворений: 1. «Заключение» (=«Успокоение»,—«Пепел»); 2. «Одинокий» (=а) «Поэт», б) Созидатель», в) «Маг»,— «Урна»); 3. «Побег» («Пепел»); 4. «Тревога» (=«В летнем саду»,— «Пепел»); 5. «Убийца» (а) «На откосе», б) «Бегство»,— «Пепел»); 6. «Путь» («Пепел») и 7. «Жизнь» («Пепел»).

В 1906 г.— в журнале «Золотое Руно» в № 1: цикл «Горемыки» (1. «Бурьян»; 2. «Беглый»; 3. «Поджог»,— все вошли в «Пепел», второе с измененным названием «Каторжник»; в «Золотом Руне» эти стихотворения печатались параллельно с переводом на французский язык, сделанным Эсмер Вальдором); в № 3: «Калека» (1. «Моей невестой ты цвела»; 2. «Мы ждем. Ее все нет и нет»,—в видоизмененном виде «Паук» и «Свадьба» в «Пепле»); в № 4: «Поповна и семинарист» (с вариантами в «Пепле» под названием «Поповна»); в № 7: «С. М. Соловьёву» (Меж сиреней, меж решеток),— с вариантами в «Пепле» под заглавием «Ты»; в № 11—12: «Обыденность» (1. «Любовники»; 2. «Телеграфист»,— второе в «Пепле», первое не перепечатано).

В 1906 г.— в журнале «Перевал» в № 2: «Бегство» и «Горемыки» (1. «Осинка» I и II; 2. «Горе»,— с вариантами в «Пепле»).

В 1906 г.— в сборнике «Свободная Совесть»: в № 1 — «Весенняя грусть» («Пепел»); в № 2 — «Злая страсть» (не перепечатано), и в сборнике «Факелы», 1: «Опять он здесь в рядах борцов, он здесь — пришелец из Женевы» (не перепечатано) и «Толпы рабочих» (= «Похороны» в «Пепле»).

Отклики в печати на стихи этого года находим только у Б. Зайцева,— «Заметки о художестве», «Зори», М., 1906, № 9—10, (о «Горемыках» в «Золотом Руне» и о «Факелах»); Аврелия (В. Брюсов),— «Весы», 1906, № 5 (о «Факелах»), Алеиска,— «Перевал», 1907, № 3 (о «Злой страсти»), а также А. Бачинского,— «Золотое Руно», 1906, № 5 (о «Пришельце из Женевы»).

Некоторые из стихов этого периода, вошедшие в «Пепел» и «Урну», а частью так и не перепечатанные из журналов, носили настолько биографическую окраску и так тесно были связаны с переживаниями Белого-человека, что опубликованию их предшествовала длительная переписка с редакцией. Так, посылая в «Весы» «гробовой цикл» стихов, известный впоследствии под названием «Панихида», Андрей Белый много раз колебался, печатать ли их. В письме к В. Я. Брюсову от 4 октября 1906 г., из Мюнхена, он писал: «Гробовой цикл прошу выбрать для печати по усмотрению: я с «Руном» договорился относительно «Выноса», а через несколько дней вносил ограничение: «Можно печатать стих. мои: «Сидишь на постели, обагренный закатом», «Панихида», «Вынос», «Память». Другие же гробовые не надо». Затем в письме от 24 октября: «Печатайте мои гробовые песни, кроме... «Она гуляла в черном трауре вдоль реки» и не печатайте ничего облачного вроде «Ей поет ветерок» или «Угроза»...», а еще через два дня: «Невозможно в данный момент появление г р о б о в ы х п е с е н в печати» (письмо от 26 октября 1906 г.).

В начале 1907 г. кризис разрешился, стихи стали «прошлым», и в письме от 18 февраля к тому же В. Я. Брюсову говорится: «Видел, что мои погребальные песни Вы озаглавили «Панихидою». Если Вы не против, то напечатайте погребальные песни целиком. Теперь у меня нет субъективных причин, препятствующих их появлению. Прилагаю еще одно гробовое: если хотите, вставьте его в цикл в виде эпилога».

Так появляется в «Весах» 1907 г., № 6, «Панихида. Лирическая поэма» в со-

ставе девяти стихотворений: 1. «Сидишь на постели»; 2. «Цветы. И ты»; 3. «Со мной она»; 4. «Вокруг — и жена, и любовница, и друг»; 5. «Венки снимут»; 6. «Она гуляла вся в черном»; 7. «Опять сияньем залучился»; 8. «Тужила о милом»; 9. «Я вышел из бедной могилы». Восемь из них написаны в 1906 г. в Серебряном Колодезе в России, одно — заключительное — в январе 1907 г. в Париже, оно-то и было эпилогом, о котором говорилось в последнем письме.

В журнале заглавий к отдельным стихотворениям не было, и появились они лишь при перепечатании в книге «Пепел». Но там поэматический цикл распался на составные звенья, при чем первое, второе и шестое стихотворения были совсем устранены; третье и четвертое, перестроенные и видоизмененные, получили заглавия «У гроба» и «Отпевание» (вероятно, оно и называется в письме «Панихидой»); пятое — «Вынос» (оно, как и все остальные, было напечатано не в «Золотом Руне», а в «Весах»); седьмое — «Преследование»; восьмое, обозначенное в письме, как «Память», стало «Свиданием», а в эпилоге опущена пятая строфа, и он получил заголовок «Матери». В сборнике «Стихи о России» (1922) это стихотворение называлось «Родине-Матери», а во втором издании «Пепла» (1929) — «Могила», при чем туда оно было включено, как единственное из всего «гробового цикла».

В сборнике «Стихотворения» 1923 г. поэма получила название «Мертвец», но в состав ее вошли в сильно переработанном виде только пять отрывков, дополненные пятью стихотворениями из «Пепла» и новым стихотворением «Царствие небесное» (см. изд. 1923 г., стр. 327—345).

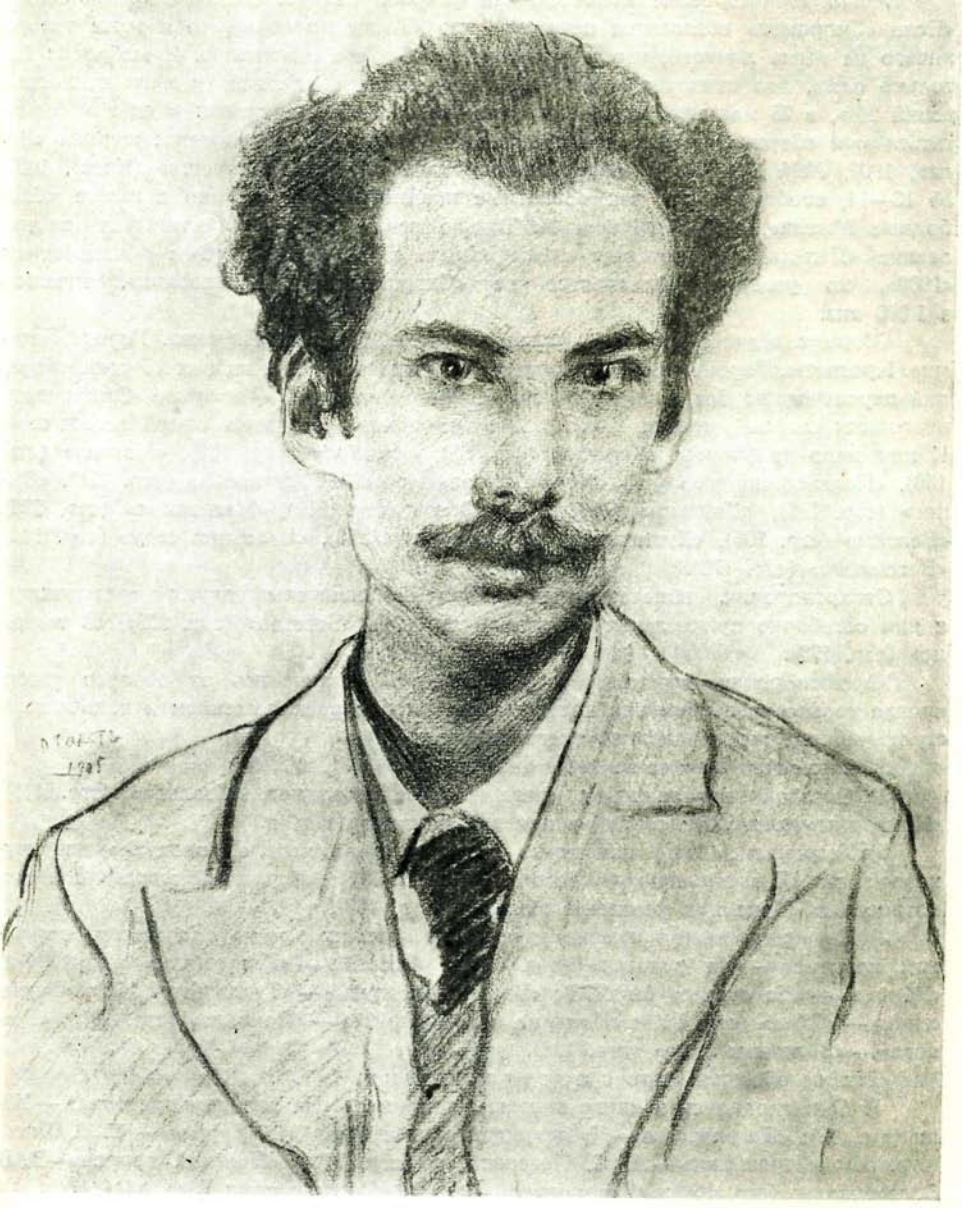
Непосредственно к этому циклу примыкали «Эпитафии» («Золотое Руно», 1907, № 3), в состав которых входили четыре стихотворения, написанные в 1907 г. в Париже: 1. «Ты светел в буре мировой»; 2. «Я шел один своим путем»; 3. «Хотя бы вздох людских речей»; 4. «Золотому блеску верил». Первые три перепечатаны в «Урне» под заглавием: «Просветление», «Совесть» и «Ночь»; четвертое — в сборнике «Пепел»: «Друзьям». На слова этого стихотворения написана музыка Н. К. Метнером, сначала появившаяся в виде нотной вклейки в том же № 3 «Золотого Руна», а впоследствии — под названием «Эпитафия», ор. 13, № 2, изд. Юргенсона, М., 1909.

В журнале «Перевал» за 1907 г. напечатаны стихотворения того же периода — в № 6: из цикла «Безумный» — 1. «В полях», 2. «Полевой пророк»; в № 10: «Народный вождь»; в № 12: «В воздухе» и «Вознесение»,—все они вошли в «Пепел». В том же году — в сборнике «Корабли» (М.) два стихотворения: «Все забыл» и «Хулиганская песенка» (оба вошли в «Пепел»).

В 1908 г. в шестом альманахе изд. «Шиповник» напечатан цикл «Голоса в полях», в составе которого: 1. «Обручальное кольцо», 2. «Угроза», 3. «Теневой демон», 4. «Я» (Далек твой путь), 5. «Она» (Я целовал ее).

Второе из них, судя по заглавию и теме, было исключено из состава «гробовых песен», как «облачное» (см. выше в письме Андрея Белого к Брюсову от 24 октября 1906 г.). Оно перепечатано в книге «Пепел», в отделе «Безумие», куда включены основные отрывки «Панихиды». Первое стихотворение из «Голосов в полях» вошло также в «Пепел», под тем же заглавием «Обручальное кольцо»; четвертое и пятое («Я», «Лета») — в «Урну»; третье стихотворение перепечатано не было.

Вышеперечисленные стихотворения со значительными дополнениями составили основной текст «Пепла» — второго сборника стихов Андрея Белого. Мысль о нем зародилась давно: в «Известиях книжных магазинов М. О. Вольфа», 1906, № 35, в отделе «Книги в печати и приготовленные к печати» названа книга Андрея Белого «Тоска по воле»[7]; о том же говорится в книге Н. Пояркова «Поэты наших дней», М., 1907 (в статье о творчестве А. Б.). Но одновременно с переговорами о печатании «гробовых песен» Андрей Белый писал В. Брюсову из Мюнхена в 1906 г. (октябрь): «А сборника сейчас по внутренним мотивам печатать не надо... Громадный кошмарный период жизни для меня отходит ма-



АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
Портрет Л. Бакста. Карандаш. 1905 г.
Третьяковская галлерея, Москва

ревом»; 24 октября: «Сборника не надо: он — гадкий»; 26 октября Андрей Белый, упоминая название сборника «Тоска по воле», высказывается по тем же причинам против печатания, просит вернуть рукопись, которую, может быть, можно будет напечатать лишь года через два.

В 1907 г. настроение меняется,—18 февраля следует деловое предложение: «Если «Скорпион» согласится печатать мою «Тоску по воле», то я тоже теперь ничего не имею личного, что препятствовало бы его появлению. Я выбросил бы только одно, два стихотворения и дополнил бы его стихами (у меня стихотворений 20)», а 25 мая письмо из Крюкова уже в тоне нетерпения: «будет ли печататься мой сборник?». Название сборника не было еще определено: журнал «Весы», 1907, №№ 5 и 11, и «Хроника» журнала «В Мире Искусств» (Киев), 1907, № 13—14, сообщают его, как «Закатные прахи»; таково же оно в газете «Свободные Мысли», 1908, №№ 6 и 44. Только позже появилось окончательное название «Пепел», под которым книга вышла в конце 1908 г., с обозначением «1909», но уже в издательстве не «Скорпион», а «Шиповник», тиражом в 1 000 экз.

Сборник делился на семь отделов: Россия. Деревня. Паутина. Город. Безумие. Просветы. Горемыки. В него вошло 101 стихотворение, из них 16 стихотворений перепечатаны без изменений, 40 — с изменениями, 45 — впервые. Стихи, подвергшиеся сильной правке, помечены в содержании сборника одной звездочкой. К ним надо прибавить: «Бегство» (стр. 85), «Поджог» (стр. 136), «Матери» (стр. 159), «Полевой пророк» (стр. 160), «Угроза» (стр. 171), «У гроба» (стр. 178), «Вынос» (стр. 180), «Друзьям» (стр. 183), «Обет» (стр. 219), «Изгнанник» (стр. 223), «Бегство» (стр. 225), «Хулиганская песенка» (стр. 230), «В летнем саду» (стр. 148), «В темнице» (стр. 173).

Стихотворения, напечатанные впервые, обозначены двумя звездочками; к ним ошибочно причислены: «Угроза» (стр. 171), «Бегство» (стр. 225), «В темнице» (стр. 173).

Стихотворения, перепечатанные в «Пепле», отличались от первого текста иногда только заглавием или посвящением, иногда расположением и количеством строф, иногда же переделкой всего текста.

В отношении з а г л а в и й бывало так:

1) Заглавия появлялись в книге впервые, например, «Свадьба» (стр. 112); «Похороны» (стр. 145); стихи из цикла «Панихида» и т. д.

2) Устранялись первоначальные заглавия: например, «В воздухе» для стихотворения «Я в струе воздушного тока» (стр. 186); «Народный вождь» для стихотворения «Пока над мертвыми людьми» (стр. 147).

3) Первоначальные заглавия заменялись новыми: вместо «На железнодорожном полотне» — «На рельсах» (стр. 19); «Беглый» — «Каторжник» (стр. 32); «Убийца» — «На откосе» (стр. 78); «Воздушный путь» — «Туда» (стр. 185); «Вознесение» — «Обет» (стр. 219); «Поповна и семинарист» — «Поповна» (стр. 191); «Тревога» — «В летнем саду» (стр. 148).

Так же обстояло дело с п о с в я щ е н и я м и:

1) Они вводились в книге впервые: например, «На вольном просторе» — Муни (стр. 18); «На рельсах» — Кублицкой-Пиоттух (стр. 19); «Бурьян» — Г. Г. Шпету (стр. 38); «Странники» — А. С. Петровскому (стр. 200); «Полевой пророк»—В. В. Владимирову (стр. 160); «Успокоение» — Л. Л. Кобылинскому (стр. 241).

2) Первоначальные посвящения заменялись новыми: «Каторжник» вместо А. А. Кублицкой-Пиоттух посвящен Н. Н. Русову (стр. 32); «Друзьям» вместо З. Гиппиус — Н. И. Петровской (стр. 183).

Изменения в т е к с т е:

1) Изъятие, дополнение или перестановка строф и строк. Например, в стихотворении «На рельсах» (стр. 19) строфа 4-я стала шестой, а строфы 5-я и 6-я передвинулись на место 4-й и 5-й; в стихотворении «Преследование» (стр. 143) изменен порядок строф: 1, 4, 2, 3, 5, а две последние строфы изъяты;

в стихотворении «Каторжник» (стр. 32) добавлены строфы 5, 7 — 8, 10 — 16, а вариант нынешней 9-й находился после нынешней 18-й; в стихотворении «В летнем саду» (стр. 148) добавлены две строфы в конце и переставлены строки: в строфах 4-й и 7-й — 1, 4, 3, 2, а в строфе 5-й — 3, 4, 1, 2; кроме того, все стихотворение переработано.

2) Слегка или резко перерабатывался весь текст: например, в стихотворениях «Телеграфист» (стр. 22), «Калека» (стр. 97), «Горе» (стр. 62), «Успокоение» (стр. 241), «Паук» (стр. 103).

В 1914 г. Андрей Белый начал перерабатывать сборник для изд. «Сирин». При хронологическом расположении стихов отделы «Пепла» распались, а стихотворения разместились по годам: 1904 — 1907.

В 1929 г. вышло второе, композиционно и стилистически совершенно переработанное издание «Пепла» (изд. «Никитинские субботники», тираж 3 000 экз.). Признавая за книгой «ряд художественных недочетов», Андрей Белый в предисловии к новому изданию (Кучино, ноябрь 1928 г.) указывал, что она заслуживает внимания читателя новой эпохи, так как является художественным документом 1905 — 1908 гг. и, кроме того, посвящена памяти неустаревшего Некрасова. Это — «Лирическая поэма в четырех частях»; части-отделы книги: «Глухая Россия», «Мертвый город», «В полях», «Злая деревня».

Вместо 101 стихотворения старого «Пепла», в новом было только 78, из них 16 новых; это — 1) за исключением двух, взятых из «Золота в лазури», и двух — из «Урны», стихи, написанные гораздо позднее «Пепла», но в теме «Пепла»; 2) написанные вчерне в эпоху «Пепла», но по цензурным или другим причинам тогда не опубликованные и доработанные автором только теперь: «Пустой простор» (стр. 37), «В окне тюрьмы» (стр. 58), «Вставай» (стр. 63), «Город» (стр. 64), «Декабрь» (стр. 66), «Помойная яма» (стр. 68) и др.

Второе издание «Пепла» было последней прижизненной книгой стихов Андрея Белого. В плане 1931 г. большая часть книги «Пепел» (по тексту 1929 г.) относится во второй том «Звезда над урной», образуя там заново перестроенные отделы: 1. «Россия», 2. «Деревня», 3. «Пепел», 4. «В полях». В отдел 5. «Стилизации. Прежде и теперь» помещено только одно стихотворение «Московский дом». В первом томе «Зовы времен» по разным отделам размещено до 14 стихотворений, в некоторых случаях переработанных и видоизмененных до неузнаваемости.

Правка первого издания продолжалась и в последующие годы: сперва для изд. В. Пашуканиса; переработанный текст стихов в измененном порядке должен был выйти в 1917 г. под заглавием «Россия» (1905 — 1908) [8]. «Но подобно «Золоту в лазури» текст был утерян, а копии текста у автора не было», и для намечающегося нового издания (изд. Гржебина, 1920) «с прискорбием возвращается автор к старой редакции: злой рок преследует все авторские начинания; рукописи его затериваются, между тем у него нет ни времени, ни сил восстановить потерянное» (предисловие, в июле 1920 г., к четвертому тому неосуществленного собрания сочинений).

В 1922 г., подготовляя к печати однотомник (изд. Гржебина), Андрей Белый вновь подверг «Пепел» перестройке. Ряд стихотворений был объединен в циклы-поэмы: «Бродяга», «Железная дорога», «Деревня» и «Мертвец», и эти поэмы стали цельными поэтическими организмами. В новой книге название «Пепел» было удержано за отделом вторым, который, в свою очередь, делился на две части: «Глухая Россия» (1904 — 1908) и «Прежде и теперь» (1903 — 1921). В первую вошли перечисленные выше поэмы-циклы (кроме поэмы «Мертвец»); вторая часть составилась из стихотворений, извлеченных из «Золота в лазури» «Пепла», «Урны» и др. Таким образом, композиция и состав «Пепла» в «Стихотворениях» 1923 г. (не говоря уже о переработке текста самых стихотворений) резко отличаются от издания 1909 года.

Осенью 1925 г. изд. «Круг» намеревалось переиздать «Пепел». Рукопись

была приготовлена автором, но издание не осуществилось. В сохранившемся отрывке плана 1925 г. «О томе стихов» есть указание, что пятым и шестым отделами этого тома должны быть «Пепел» и «Прежде и теперь» по тексту сборника 1923 г. (см. стр. 597).

«УРНА»

В течение 1908 г. были напечатаны три новых цикла стихов Андрея Белого. Приводим их содержание, помечая в скобках заглавия, измененные при напечатании в «Урне».

I. В № 3—4 журнала «Золотое Руно».— «Меланхолия»: 1. «Искуситель», 2. «Июнь» («Сантиментальный романс»), 3. «Философия» («Премудрость»), 4. «Любитель мудрости» («Признание»).

II. В № 5 журнала «Весы» — «Стансы»: 1. «Ссора» (*два стихотворения*), 2. «Я это знал», 3. «Гранит», 4. «О если бы» («Ночь»), 5. «Когда», 6. «Разуверенье», 7. «Стезя», 8. «Да не в суд или во осуждение», 9. «Волна», 10. «Смерть»

III. В сборнике «Корона», М.,— «Усталость»: 1. «Время», 2. «Синева» («Пустыня»), 3. «Прошлому», 4. «Просветление» («Вольный ток»), 5. «Ночь» (см. «Урна», стр. 94), 6. «Зов» («Как и всегда»), 7. «Кольцо», 8. «Элегия» («Ночь», стр. 52).

Вместе с новыми же стихотворениями: «Зима», — «В Мире Искусств», 1907, № 11 — 12; «Сумерки» («Весна»), — «Русская Мысль», 1908, № 1, и ранее опубликованными: «Эпитафии», 1, 2 и 3 («Просветление», «Совесть», «Ночь», стр. 36),— «Золотое Руно», 1907, № 3; «Одинокий»,— «Весы», 1906, № 8 (два стихотворения, посвященные Брюсову); «Я» и «Она» («Лéта»),—альманах «Шиповник», кн. VI, эти циклы составили основу третьей книги стихов Андрея Белого.

В газете «Новая Русь», 12 декабря 1908 г., в отделе «Книги и писатели», сообщалось, что Андрей Белый выпускает новую книгу стихов «Стансы». В газете «Слово», 27 февраля 1909 г., было напечатано о книге «Эпитафии». «Эпитафии» и «Стансы» — названия двух вышеприведенных поэтических циклов, однако ни одно из них не стало заглавием книги, и, как почти всегда бывало в истории озаглавливания Белым его крупных произведений, она получила совсем другое наименование и вышла в 1909 г. в изд. «Гриф», названная «Урной» (в количестве 1 200 экз.).

«Урна» посвящалась В. Брюсову и открывалась четырьмя стихотворениями, обращенными к этому «Поэту», сыгравшему большую роль в литературной и в личной жизни Андрея Белого. Три из них написаны в 1904 г., четвертое — в 1909 г. (отправлено Брюсову 25 ноября 1909 г., автограф — в архиве В. Я. Брюсова). Эпиграф к книге — строки Баратынского: «Разочарованному чужды все обольщенья прежних дней»; и в предисловии от 14 января 1909 г. автор писал: «В «Урне» я собрал стихотворения, объединенные общностью настроений; лейтмотив этой книги — раздумье о бренности человеческого естества с его страстями и порывами, и думаю, что не случайно все стихотворения этого цикла вылились в ямбах, этой наиболее удобной и разнообразной в ритмическом отношении форме». В соответствии с темой эпиграфа были установлены и названия отделов: «Зима», «Разуверенья», «Философическая грусть», «Тристии», «Думы»; кроме того, «Посвящения» и «Амурные стихотворения».

В состав «Урны» входят 64 стихотворения (считая «Ссору» за два), из них 31 опубликовано впервые; 3 стихотворения помечены 1904 г., 22—1907 г., 33 — 1908 г., 4 — 1909 г., 2 — без года.

Вопреки авторскому указанию, что видоизмененные стихотворения обозначены звездочкой, при сверке оказалось: все стихи, перепечатанные из журналов и сборников, подверглись *большей или меньшей правке, за исключением* стихотворения «Гранит» (стр. 60), где изменена только пунктуация. Особенно сильно переработаны «Ссора», «Я» и «Просветление».

«Урна» меньше предыдущих книг перерабатывалась автором. В двухтомное собрание стихотворений, подготовленное автором в 1914 г. для изд. «Сирин», из «Урны» включено 25 стихотворений: 3 — 1904 г. и 22 — 1907 г.; и во втором

томе сохранено наименование раздела: «Тристии». В плане 1920 г., дополненная последующими сборниками стихов «Королевна и рыцари», «Звезда» и поэмой «Христос воскресе», «Урна» составляла пятый том Собрания сочинений «Звезда над урной». В отличие от «Золота в лазури» и «Пепла», никакого предисловия к ней нет.

В томе «Стихотворения», Берлин, 1923, «Урна» перестроена, как и все другие книги, до неузнаваемости: она образует третий, самый большой отдел тома (стр. 211—345), который распадается на четыре подотдела: «Снежная дева», «Лета забвения», «Искуситель», «Мертвец»; в стихи же, составляющие весь отдел, включены и ранние и поздние, вплоть до отрывков из поэмы «Первое свидание», написанной в 1921 г. В том же виде «Урна» включается и в план 1925 г., за исключением отрывков из «Первого свидания», которые должны быть изъяты (смотри стр. 597).

По плану 1931 г. четыре стихотворения, посвященные В. Я. Брюсову, и еще два или три (точное количество трудно определимо благодаря сложности переработки) включены в первый том «Зовы времен», в отделы второй и пятый; остальные отнесены во второй том «Звезда над урной», в отделы пятый, шестой и седьмой.

«КОРОЛЕВНА И РЫЦАРИ». «ЗВЕЗДА». «ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ»

«Урной» кончается для Андрея Белого период усиленного писания стихотворений. Не вызывают их и впечатления от поездки по Италии, Турции, Египту, Тунису (1910 — 1911); и только по возвращении на родину, проживая летом 1911 г. в Боголюбах, А. Белый упоминает в письме к А. М. Кожебаткину от 7 июня: «Изредка пишу стихи. Послал Гумилеву для «Аполлона», и 26 июля В. Брюсову: «Посылаю стихи для «Русской Мысли» в виде цикла, из которого, впрочем, вы могли бы и выбрать. Было бы мне приятнее видеть напечатанным циклом». К письму приложена баллада «Шут» (Есть край), напечатанная, однако, не в «Русской Мысли», а в литературно-художественном альманахе журнала «Аполлон», СПБ., 1912. В журнале «Аполлон», 1911, № 6, напечатаны стихи: «В веках я спал», «В окнах месяц млечный», «И опять, и опять»; в журнале «Остров», 1911, № 2[9],— два стихотворения 1909 г.: «Родина» и «Змея» (О, что за зори...); в «Антологии» «Мусагета», М., 1911, — «Вещий сон» (1909) и «Перед старой картиной» (1910).

Все перечисленные стихотворения с небольшими вариантами (кроме заново переработанного стихотворения «Змея») вошли в четвертую книгу стихов Андрея Белого, появившуюся в изд. «Алконост» в виде небольшого сборника лишь в 1919 г. Сборник назывался «Королевна и рыцари», с подзаголовком «Сказки», и состоял из десяти стихотворений: четырех — 1909 г., четырех — 1911 г., одного— 1910 г. и одного без даты (1915?). Заглавие книги связано с замыслами 1-й симфонии, (см. выше, стр. 579, выдержки из письма к В. Я. Брюсову от 30 августа 1903 г.), а «сказками», собственно, могут быть названы лишь «Перед старой картиной», «Шут» и три примыкающих к ним стихотворения («И опять», «Голос прошлого», «Близкой»); в предисловии автор пояснил, что, за исключением стихотворения «Михаилу Бауэру», весь цикл является «переходом от мрачного отчаяния «Урны» к сознательности «Звезды». Пробуждающемуся от бессознательности могилы к живой жизни эта жизнь звучит сказкою. И оттого стихи цикла суть сказки о прошлом».

В томе «Стихотворений» 1923 г. книга перепечатана без изменений; в том же виде она включена и в план 1925 г.; но по плану 1931 г. девять стихотворений этого сборника, все почти в сильно переработанном виде и под другими названиями (кроме стихотворения «Шут», сохранившего свое заглавие), отнесены к первому тому «Зовы времен», где они распределяются во втором и третьем отделах; и только одно стихотворение («Михаилу Бауэру») указано в предположительном списке содержания второго тома «Звезда над урной», в отделе восьмом «Звезда».

В период своего пребывания в Швейцарии (1913—1916) А. Белый написал несколько новых стихотворений, из которых два появились тогда же: «Снеговая блистает роса» («Асе») — в альманахе «Гриф», 1913, и «Мне снились и море и горы» — в журнале «Заветы», № 5, 1914, стр. 1—2. Остальные печатались в 1916—1918 гг.: стихотворения «А. М. Поццо», «Товарищу» («А. М. Поццо») и «Воспоминание» — в «Биржевых Ведомостях», 1916, 29 мая, 14 и 21 августа; «Открылось! Весть весенняя» и «Архангел» (=«Инспирация»), «выветвившееся из ритмов 1903 г.», опубликованы впервые в «Русской Литературе XX в.», под ред. С. Венгерова, кн. VI, изд. «Мир», в статье Иванова-Разумника «Андрей Белый», стр. 63.

В августе 1916 г. Андрей Белый вернулся в Россию, и в годы 1916—1918 им написан ряд стихотворений, в которых проходят темы войны, революции, родины. Большинство из них появилось тогда же в журналах и сборниках. В сборнике «Скифы», т. I (П., 1917), напечатаны цикл «Из дневника», стихотворение «Родине» (В годины праздных испытаний) и окрашенная юмором характеристика Вяч. Иванова «Случится то, чего не чаешь». Во втором томе «Скифов», П., 1918, — два стихотворения: «Война» (1916) и «Родине». Последнее из них, написанное в августе 1917 г., начиналось словами:

Рыдай, буревая стихия,
В столбах громового огня!

и кончалось:

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

Это стихотворение, порожденное революционными событиями, особенно характерно при сопоставлении со стихотворением «Отчаяние», написанным в период реакции, за девять лет до того, и оканчивающимся:

Исчезни в пространства, исчезни,
Россия, Россия моя! («Пепел», 1909, стр. 13).

Кроме того, стихотворения появлялись еще в сборниках: «Ветвь», М., 1917, «Эпоха», М., 1918; в газетах: «Жизнь», М., 1918, «Знамя Труда», 1918; в журналах: «Рабочий Мир», М., 1918, «Наш Путь», СПБ.-М., 1918, и др. Все они с небольшими вариантами вошли в пятую книгу стихов, озаглавленную «Звезда».

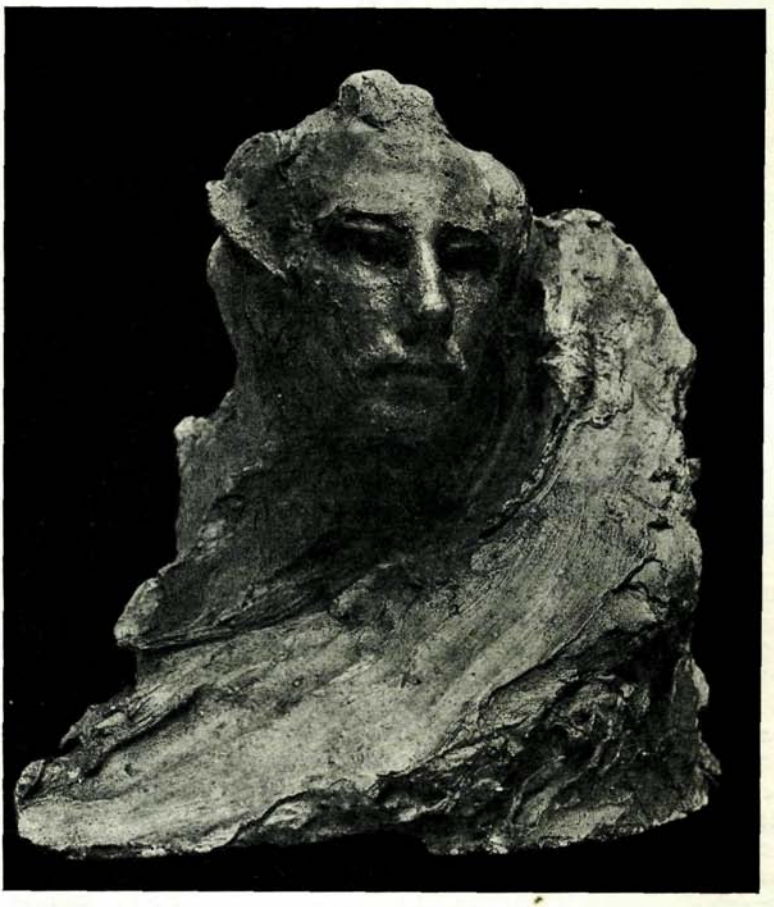
В предисловии к сборнику «Королевна и рыцари», 1919, указано, что «Звезда» «выходит на-днях» (стр. 7); то же и в плане 1920 г. Андрей Белый писал: «Должна выйти в издательстве «Альциона»: нельзя печатать ранее июля 1923 г.», т. е. нельзя выпускать новое издание (З. И. Гржебина), пока не будет распродано старое, чтобы не нанести ущерба издателю «Альционы». Однако, печатание сборника, набранного, откорректированного и целиком сверстанного в 1919 г., по каким-то соображениям издателя, долго откладывалось, а потом и совсем не состоялось. Память о нем сохранилась лишь в виде нескольких сверстанных экземпляров без обложки (72 стр.).

Новый сборник стихов А. Белого «Звезда» появился наконец в Государственном издательстве, П., 1922 (в количестве 5 000 экз.), точно воспроизводя неосуществленное издание «Альционы». В него вошло 48 стихотворений: 1 — 1913 г., 8—1914 г., 1—1915 г., 17—1916 г., 6—1917 г. и 15—1918 г. Семь стихотворений опубликовано впервые: «Сестре» (стр. 44), «Тело стихий» (стр. 45), «Вода» (стр. 48), «Асе» (стр. 54), «Асе» (стр. 55), «Я и ты» (стр. 56), «Христиану Моргенштерну» (стр. 70).

Рукопись «Звезды», приготовленная для изд. «Альциона», сохранилась, и из нее видно, что в печатный текст обоих изданий, несостоявшегося и осуществленного, не вошло стихотворение 1917 г. (тринадцатое по счету, помещавшееся

между стихотворениями «Асе» и «Шутка»), озаглавленное: «Леониду Ледяному». Прозрачность псевдонима (Леонид Ледяной — Андрей Белый) вскрыта в «Записках чудака», в главке «Леонид Ледяной» (журнал «Записки Мечтателей», 1919, № 1, стр. 43—48, и затем — в отдельном издании: «Записки чудака», Москва—Берлин, изд. «Геликон», 1922, т. I, стр. 68—77). В эти годы Белый серьезно думал о том, чтобы снять свой псевдоним.

В «Стихотворениях» 1923 г. весь цикл «Звезда», за исключением стихотворения «Вячеславу Иванову», выпадающего из темы книги (оно вошло в отдел



АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
Скульптура А. Голубкиной. Гипс. 1907 г.
Музей А. Голубкиной, Москва.

«Прежде и теперь», стр. 195), составил одноименный, шестой, отдел, пополненный лишь стихотворением «Заступница», скомпанованным из стр. 66—69 поэмы «Первое свидание» (1921).

В плане 1925 г. этот сборник восстанавливается в том виде, как он вышел в 1922 г., за исключением того же стихотворения «Вячеславу Иванову», которое остается (как и в сборнике 1923 г.) в отделе «Прежде и теперь». По плану 1931 г. «Звезда» распределяется между первым и вторым томами. В последний отнесены в отдел восьмой «Звезда» 27 стихотворений; в первом томе по разным отделам разбросано до 15 стихотворений с измененными в отдельных случаях заглавиями и, главным образом, с другой «интонационной» расстановкой строк.

Четырнадцать стихотворений из сборника «Звезда» и одно из «После разлуки» были переведены на немецкий язык В. Грегором. Блокнот с записью перевода находится в Литературном музее.

В апреле 1918 г., в одну неделю, была написана поэма «Христос воскресе», впервые напечатанная в газете «Знамя Труда», 12 мая 1918 г., № 199, и одновременно в журнале «Наш Путь», № 2, май. Тема поэмы А. Белого тесно соприкасается с поэмой А. Блока «Двенадцать», написанной в январе 1918 г. и впервые напечатанной 3 марта в той же газете «Знамя Труда» и одновременно в № 1 журнала «Наш Путь». Отдельной книжкой поэма Андрея Белого вышла в 1918 г. в изд. «Алконост» (57 стр., 3 000 экз.); по плану 1920 г. она является четвертой частью пятого тома стихов «Звезда над урной»; в «Стихотворения» изд. Гржебина 1923 г. входила, вне хронологии, четвертым самостоятельным отделом между «Урной» и «Королевной и рыцарями»; в плане 1925 г. составляла отдел десятый, следуя за отделом «Мертвец» и предшествуя «Королевне и рыцарям». Несколькими годами позже, в предисловии к ненапечатанному тому «Зовы времен», Белый, разъясняя свою идею отделов-циклов, взятых вне хронологии, имманентно лирическим переживаниям, указывал: «Более поздние стихи лишь дописывают то, что было вписано некогда в лирика; «Христос воскресе» коренилось в Белом еще в 1903 г.»; поэтому в плане 1931 г. поэма составила восьмой (последний) отдел первого тома «Зовы времен», который, по настойчивому утверждению автора, представляет собою только новую редакцию его первого стихотворного сборника «Золото в лазури».

«ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ»

В мае 1921 г. Андрей Белый написал поэму «Первое свидание». В предисловии к «Зовам времен» он отмечал неожиданность возникновения этой поэмы; она была вызвана к жизни прикосновением «к образам и ритмам прошлого». В июне — июле она подготовлялась к печати[10], а в сентябре того же 1921 г. вышла в изд. «Алконост» отдельной книжкой (70 стр., 3 000 экз).

Отрывок на стр. 31, где описывается кладбище Новодевичьего монастыря в Москве, является переработкой раннего стихотворения «Кладбище» («Золото в лазури», стр. 174); отрывок на стр. 56—57 напечатан в «Записках Мечтателей», 1922, № 5, под заглавием «Благонамеренным».

В 1922 г. «Первое свидание» переиздано без всяких изменений изд. «Слово» в Берлине. Несколько раньше оно было напечатано в журнале «Знамя», Берлин, 1921, № 2, август, стр. 2—12. В то время, как в издании «Алконоста» поэма (1 339 строк) состоит из предисловия, четырех глав и эпилога, журнальный текст ее (1 184 строки), кроме предисловия и эпилога, делится на д е в я т ь главок и является, по всей вероятности, одной из первоначальных редакций. Композиция его иная, ряда отрывков нет и, наоборот, есть строки, впоследствии опущенные.

Отметим некоторые отличия журнального текста. Во вступлении не было строк 3—10, имеющихся в издании «Алконоста» (стр. 6),— от слов: «Язык, запрядай вновь и вновь!» до «Знак начертательного смысла».

В первой главе отсутствовал весь вводящий в тему поэмы начальный лирический отрывок:

Взойди, звезда, воспоминанья;
Года, пережитые вновь:
Поэма — первое свиданье,
Поэма — первая любовь... и т. д.

до слов:

Год — девятьсотый: зóри, зóри!..
Вопросы, брошенные в зóри... («Алконост», стр. 7—8).

И глава начиналась непосредственно отрывком: «Жил бородатый, грубоватый» и т. д. («Алконост», стр. 10—12), до слов:

О, злая, бешеная горечь,
О, оскорбленная ледынь!

Далее шли отрывки, разместившиеся в издании «Алконоста» на стр 17, 12—14, 8 — 9; глава заканчивалась опущенным в отдельном издании повторным вариантом отрывка о «декане Летаеве».

«Концерт», объединенный в издании «Алконоста» в одну главу (третью), здесь распадался на три: пятую, шестую и восьмую. Глава пятая журнального текста, за исключением небольших перестановок, совпадала с началом третьей главы издания «Алконоста» (стр. 40—43) и заканчивалась строками:

Я вот... Я — здесь: студент московский,
Я — на подъезде... (стр. 43)

Глава шестая являлась их непосредственным продолжением:

Люстры свет.
И — Алексей Сергеич П-овский...
и т. д. (стр. 43)

Затем, с незначительными вариантами и в несколько другом порядке, были расположены отрывки, занявшие в издании «Алконоста» стр. 44—50, 58—61. Глава восьмая открывалась вариантом четверостишия:

И снова зал белоколонный... («Алконост», стр. 18),

к которому примыкал отрывок о Сафонове («Алконост», стр. 47); и далее, вперемежку, следовали отрывки, перенесенные в издание «Алконоста» на стр. 46—58 (50—51, 54, 46, 49, 51—54, 53, 57, 58, 55). Подобным же образом были переработаны и остальные главы поэмы, исключая эпилога, который остался неизменен-ным.

В дальнейшем «Первое свидание» не перепечатывалось. Десять небольших отрывков из него размещены по разным отделам «Стихотворений» 1923 г. (стр. 202, 305, 307, 311, 314, 318, 321, 440), при чем два из них получили самостоятельные заглавия: «Концерт в Благородном собрании в Москве», стр. 202, и «Заступница», стр. 440.

По плану 1925 г. поэма составляла отдел между «Звездой» и «После звезды»; по плану 1931 г. намечалась девятым, заключительным отделом второго тома «Звезда над урной».

«СТИХИ О РОССИИ». «ПОСЛЕ РАЗЛУКИ». «СТИХОТВОРЕНИЯ» (1923)

Годы 1922—1923 А. Белый провел в Берлине. Там появились три сборника его стихов: 1. «Стихи о России», изд. «Эпоха», Б., 1922, стр. 50 + 3; 2. «После разлуки. Берлинский песенник», изд. «Эпоха» (сентябрь), 1922, стр. 125, и 3. «Стихотворения», изд. З. И. Гржебина, 1923, стр. 507.

Сборник «Стихи о России» заключает в себе 20 стихотворений из «Пепла» и «Звезды», иногда значительно переработанных: изменены или вовсе сняты заглавия и посвящения, введены варианты, произведены сокращения. Например, «Шоссе» стало «Воля», «Отчаянье» стало «Россия»; сняты посвящения Муни, Г. А. Рачинскому; стихотворение «Каторжник» из 22 строф сокращено до 8, «Бурьян» из 14 — до 7 строф, «Деревня» из 12 — до 8 и т. д. Новых стихов в этом сборнике нет.

Сборник «После разлуки» состоит из 15 стихотворений 1921—1922 гг. Четыре из них («Больница», «Ты тень теней», «В горах», «М. И. Цветаевой») печатались без изменений в №№ 1 и 2 берлинского журнала «Эпопея»; одно («Бессонница») — в «Записках Мечтателей», П., 1922, № 5. Стихи «О полярном покое» являются вариацией на тему стихотворения «Жизнь» («Золото в лазури», стр. 167); «Нет» — вариация на тему стихотворения «На закате» («Золото в лазури», стр. 253).

Книга «После разлуки» была последним при жизни Андрея Белого самостоятельным сборником новых стихотворений. Тема ее — острая горечь интимного, личного разочарования.

Перепечатывая восемь стихотворений из «После разлуки» в «Стихотворениях» 1923 г., где они, с добавлением стихотворения «Пробуждение» (октябрь 1921 г., Ковно), образуют последний отдел под названием «После звезды», А. Белый писал: «Я ничего не сумею сказать о них: знаю лишь, что они — не «Звезда», и что они после «Звезды». Меня влечет теперь к иным темам» (стр. 471).

По плану 1925 г. это же название «После звезды» сохранялось для тринадцатого, заключительного отдела в томе стихов (см. стр. 597). В 1929—1931 гг. А. Белый снова перерабатывал сборник «После разлуки»; и в плане 1931 г. большая часть его включена в разные отделы первого тома «Зовы времен» в виде 16 отдельных стихотворений, представляющих собой иногда только сложные вариации на темы «После разлуки».

Для второго тома «Звезда над урной» в плане 1931 г. из сборника «После разлуки» намечены четыре стихотворения (одно, составленное из шести отрывков с предположительным названием «Говори, говори», А. Белый хотел переработать из отрывков 5 — 20 и стихотворения «Маленький балаган», первые четыре отрывка которого составили в «Зовах времен» стихотворение «Золотой плач»).

Том «Стихотворения», изд. Гржебина, Берлин, 1923, является, кроме второго издания «Пепла», единственным повторным изданием и единственным прижизненным сводом стихотворений Андрея Белого.

В этом сборнике представлены, в общем, все периоды его поэтического творчества с 1899 по 1922 г. и последовательно развернута творческая эволюция поэта. Стихотворные тексты получили иную, более совершенную форму, а композиция сборника дает по-новому осмысленное единство страницам его поэзии и показывает его поэтическое творчество в процессе непрерывного становления. В разделах книги в хронологической последовательности воспроизведен основной материал всех его сборников. Но в границах разделов автор отступал от первоначальной композиции сборников. И отдельные стихотворения и целые группы их переносятся из одного раздела в другой, иногда одно стихотворение раздробляется на несколько отрывков, два стихотворения сливаются в одно, а несколько стихотворений объединяются в поэму.

Работа, произведенная автором внутри каждого цикла-отдела, более подробно указана нами по мере обозрения его стихотворений в хронологическом порядке появления их в печати. Поэтому здесь достаточно воспроизвести только содержание книги, служащее ее архитектоническим планом: I. «Золото в лазури»: 1. В полях. 2. В горах. 3. Не тот. II. «Пепел»: 1. Глухая Россия. 2. Прежде и теперь. III. «Урна»: 1. Снежная дева. 2. Лета забвения. 3. Искуситель. 4. Мертвец. IV. «Христос воскресе». V. «Королевна и рыцари». VI. «Звезда». VII. «После звезды».

ПЛАНЫ СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ

Из предлагаемого выше обзора видно, что каждое подготовление к переизданию сопровождалось пересмотром и перераспределением всего стихотворного материала. Композиция каждого следующего плана существенно отличалась от предыдущего. При этом только в основу двухтомного собрания стихотворений для изд. «Сирин» (1914) был положен хронологический принцип. В это собрание вошли стихи 1901 — 1907 гг., отобранные автором из сборников «Золото в лазури», «Пепел» и «Урна» по указанному им в предисловии признаку (не художественная ценность, а симптоматика стихотворений, см. стр. 583).

Дальнейшие планы переиздания стихов — 1916 г. (для изд. В. Пашуканиса, см. стр. 583), 1920 г. (для изд. Гржебина, см. стр. 576), 1923 г. (для него же, см. стр. 584) — строились вне хронологии, представляя собой вариантные объедине-

ния трех основных сборников («Золото в лазури», «Пепел» и «Урна»), с добавлением впоследствии (по мере их написания) поэм: «Христос воскресе», «Первое свидание» и сборников: «Королевна и рыцари», «Звезда» и «После разлуки».

Вне хронологии построен и план 1925 г. — черновик, случайно сохранившийся в архиве Андрея Белого в виде четырех рукописных страниц. План этот носит характер посмертного распоряжения. Он озаглавлен: «О томе стихов» и начинается словами: «Если бы я умер, то просил бы рассматривать некий, умопостигаемый том моих стихов состоящим из следующего материала: — в основу тома берется том избранных стихотворений изд. Гржебина со значительными добавлениями; основа, скелет тома, стало быть, как в Гржебинском издании (Берлин, 1923 года) следующий: 1) вместо предисловия, 2) В полях, 3) В горах, 4) Не тот, 5) Пепел, 6) Прежде и теперь, 7) Урна, 8) Искуситель, 9) Мертвец, 10) Христос воскресе, 11) Королевна и рыцари, 12) Звезда, 13) После Звезды. Со следующими дополнениями: а) Между «После Звезды» и «Звездой» должна быть напечатана поэма «Первое свидание» (целиком); а отрывки из него, напечатанные в нескольких местах Гржебинского издания, изъяты. b) Вместо отдела № 13 «После Звезды» напечатать целиком сборник «После разлуки» (издание «Эпохи», 1922 года. с) Вместо стихотворения «Паук» (издание Гржебина, стр. 44 — 46) — поэма «Свадьба», состоящая из «7» отрывков, обозначенных №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7...». Далее в рукописи следует перечисление семи стихотворений из «Пепла», которые, с соответствующими изменениями, должны образовать поэму «Свадьба»: 1. «Калека» (стр. 97 — 98), 2. «Предчувствие» (стр. 102), 3. «Паук» (стр. 103 — 106), 4. «Мать» (стр. 107—108), 5. «Судьба» (стр. 109—111), 6. «Свадьба» (стр. 112—114), 7. «После венца» (стр. 115). И затем Андрей Белый продолжает:

«К этому основному фонду I-го тома присоединяются еще стихотворения:

1) Из «Золота в лазури» (не вошедшие в издание «Гржебина»); сюда: 1) «Солнце» («Зол. в лаз.» стр. 11...) (с незначительными вариантами)... Поместить в отделе «В полях».

2) «Променад» (стихотворение) вставить в отдел «Прежде и теперь». (Приводится измененный текст «Променада».]

ОБЛОЖКА П. УТКИНА К РОМАНУ АНДРЕЯ БЕЛОГО «СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ», 1910 г.

Литературный музей, Москва

3) В отделе «На горах» должно быть вставлено стихотворение, напечатанное в № 2-м «Свободной совести» [1906 г.] и нигде не перепечатанное «Любовники» [= «Злая страсть»]...

4) В отделе «На полях» вставлено стихотворение напечатанное в «Золотом Руне» (1906, № 11—12), про учителя сельского «Бельского» и про учительницу [=«Любовники»] (после стихотворения «Поповна»).

5) В отделе «На горах» после стихотворения «Аргонавты» вставлено должно быть стихотворение «Весенний вечер». [Приводится текст, датированный: 1903 — 1923.]

6) К отделу «В горах» после стихотворения «Возврат» напечатать нижеследующее: [приводится текст стихотворения «Последнее слово... И снова», датированного: 1899—1924].

7) Перед стихотворением «Сон» отдела «В горах» стихотворение «Бедные дети устали» («Золото в лазури», стр. 108—109) [с незначительными вариантами].

8) После стих. «Преданье» («В горах») перепечатать стихотворение «Вечность» («Золото в лазури», стр. 122).

9) После стихотворения «Сон» перепечатать из «Золота в лазури» «Песнь Кентавра» (стр. 131—132) в 3 строфы по 6-ти строк... (отдел «В горах»). [Строки 3—6, 11—12, 17—20, 23—28 опускаются.]

10) После перепечатанного стихотворения «Песнь Кентавра» — нижеследующее: «Я чую по близости поступь гиганта». [Приводятся восемь строк сильно измененного стихотворения «Пир» («Золото в лазури», стр. 135 — 137). Стихотворение не закончено: на этом план обрывается.]

И, наконец, план 1931 г., представляющий собою последнее выражение авторской воли.

Согласно этому плану, все стихотворное наследие Андрея Белого распределяется по двум томам. Каждый из них разбит на отделы и закончен поэмой.

Том первый «Зовы времен». Отделы: 1. Летние блески. 2. Трепетень. 3. Возврат. 4. Белые стихи. 5. Черч теней. 6. Исход. 7. Молнии лет. 8.Христос воскресе.

Том второй «Звезда над урной». Отделы: 1. Россия. 2. Деревня. 3. Пепел. 4. В полях. 5. Стилизации. Прежде и теперь. 6. Урна. 7. Выздоровление. 8. Звезда. 9. Первое свидание.

В составе отделов обоих томов Андрей Белый наметил новое перераспределение содержания всех своих сборников, ранних и поздних, с преобладанием, однако, в томе первом сборника «Золота в лазури», в томе втором — «Пепла» и «Урны».

Второй том «Звезда над урной» не был проработан и остался лишь в виде набросанной автором «условной схемы» отделов и списка по заглавиям стихотворений, предположительно входящих в его состав, при чем «звездочками помечены стихотворения [16 стихотворений из 223], безусловно не включаемые во 2-ой том, если автор их не исправит, ибо они «утиль-сырье», не годное к напечатанию. Но и из прочих добрая треть подлежит правке...».

Работа над первым томом стихов «Зовы времен», состав и содержание которого определились в период 1929—1931 гг.,— это именно и была та, необходимая для «удовлетворительной» редакции «Золота в лазури», «трудная моральная работа», о которой Белый писал летом 1920 г., подготовляя этот сборник к печати для изд. Гржебина (см. стр. 584). Теперь ему удалось осуществить эту работу.

V. ПРОЗА АНДРЕЯ БЕЛОГО

В 1930 г. Андрей Белый перечислил книги, в которых он «сознательно выступал, как художник слова», и к этим книгам отнес: «Драматическую симфонию», «Серебряного голубя», «Петербург», «Котика Летаева», «Крещеного китайца» (сборник «Как мы пишем», 1930, стр. 15).

В промежутке между «2-й симфонией» и «Серебряным голубем» он написал

несколько мелких рассказов. Из них некоторый интерес представляет только рассказ «Куст», произведение по теме и еще более по художественным приемам поворотное в прозе Андрея Белого. Автор впоследствии писал, что это «жалкий этюдик приема», который позднее использован в романе: «В нем — лаборатория к растиранию, так сказать, красок, мне нужных в будущем, уже функционирует в 1906 году» («Как мы пишем», стр. 13) [11].

В 1907—1908 гг. А. Белый работал над каким-то художественным произведением, текст которого нигде не обнаружен. А между тем упоминания о нем имеются в письмах Белого к В. Брюсову и А. Блоку и в журнальных и газетных заметках того времени. В письме от 18 июня 1907 г. Белый извещал Брюсова: «К июлю... примусь за повесть», а осенью того же 1907 г., собираясь переезжать в Петербург, сообщал Блоку, что будет там «писать свою «Иглу»; и Блоку же в письме от 20 марта 1908 г.: «... засел дома... пишу повесть». Кроме того, в журнале «Перевал», 1907, № 10, стр. 51, есть заметка о том, что роман А. Белого «Адмиралтейская игла» выйдет в изд. «Гриф» зимой того же года и что «центральная фигура романа — Пушкин». А в 1908 г. в московской газете «Вечер», 3 июля, № 31, в отделе «Литературное эхо», сообщалось, что «Андрей Белый закончил новое произведение, озаглавленное им «Адмиралтейская игла». Автор назвал свое произведение историческим романом». Впоследствии заглавие «Адмиралтейская игла» стало одним из намечавшихся заглавий романа «Петербург».

Возможно, что новое произведение, о котором идет речь, было одним из первоначальных, еще не установившихся замыслов «Серебряного голубя», так как 3 ноября 1907 г. в «Литературном календаре» газеты «Час» напечатано: «А. Белый переезжает в Петербург, где намерен работать над новой повестью «Серебряный голубь». По времени эта заметка почти совпадает с письмом к А. Блоку о намерении писать в Петербурге «Иглу».

«СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ»

1905—1906 гг. Андрей Белый считал периодом вынашивания обоих своих романов — «Серебряный голубь» и «Петербург». Материал к ним неосознанно, без намерения что-либо написать, набирался в разговорах с крестьянами Московской и Тульской губерний. Политические и религиозные темы этих разговоров, «особая зоркость к словам, жестам... посещение ночных чайных, харчевен Петербурга, разговоры с почтальонами, солдатами, кучерами, мелкими чиновниками и т. д.» («Как мы пишем», стр. 11—12) — все это поджидало творческого оплодотворения, чтобы, воплотясь в слова, образы и сюжет, выявить основную тему. Еще весною 1904 г., встречаясь в Нижнем-Новгороде с А. П. Мельниковым, сыном П. Мельникова-Печерского, Белый слышал много рассказов о хлыстах и разных других сектах [12].

Были в романе и элементы биографические — из жизни друзей (С. М. Соловьева) и своей собственной. Роман писался в течение 1909 г. и печатался частями по мере писания («Весы», 1909, №№ 3, 4, 6, 7, 10—11 и 12). Об этом и в позднейших воспоминаниях («Между двух революций», стр. 376) и в письме к А. М. Кожебаткину (без даты, вероятно, декабрь 1909 г.): «...не могу писать эпилога, не имея под рукой № [«Весов»].

Роман вышел в следующем году отдельным изданием: «Серебряный голубь. Повесть в семи главах» (М., «Скорпион», 1910), в количестве 1 000 экз., в обложке художника П. Уткина. Никаких изменений в журнальный текст внесено не было; только появилось «Вместо предисловия», помеченное: «12 апреля, 1910, Бобровка».

В 1917 г. «Серебряный голубь» с подзаголовком «Повесть» переиздан изд. В. В. Пашуканиса, как «Собрание сочинений. Т. VII. Собрание эпических поэм. Книга четвертая». Успела выйти (в количестве 6 000 экз.) только первая часть, охватывающая главы I—IV.

Следующее издание «Серебряного голубя» вышло в изд. «Эпоха», Берлин, 1922, в двух частях, по 3 000 экз. В нем нет предисловия, напечатанного в двух

предыдущих изданиях, и подзаголовок «Повесть» изменен на «Роман». В самом тексте можно отметить только одно разночтение: шесть заключительных строк издания 1910 г., стр. 321, заменены в издании 1922 г., ч. II, стр. 245, одной строкой: «Утро стояло свежее: лепетали деревья». Предшествующая ей строка точек сохранена.

Во все планы Собрания сочинений Андрея Белого «Серебряный голубь» входил безоговорочно.

«ПЕТЕРБУРГ»

1. «ПЕТЕРБУРГ»-РОМАН

Окончив «Серебряного голубя», который считался первой частью трилогии «Восток или Запад», Андрей Белый намеревался продолжить его во время поездки по Италии и Африке (1910 — 1911 гг.). Но путешествие заполнило автора новыми впечатлениями и отвлекло от романа. В письме к А. М. Кожебаткину из Каира А. Белый пишет: «Яркость красок Египта мешает писать «Голубя» (без точной даты, 1911 г.); и еще решительнее А. С. Петровскому из Радеса: «Голубя же в Африке писать я не в состоянии» (24 февраля 1911 г.).

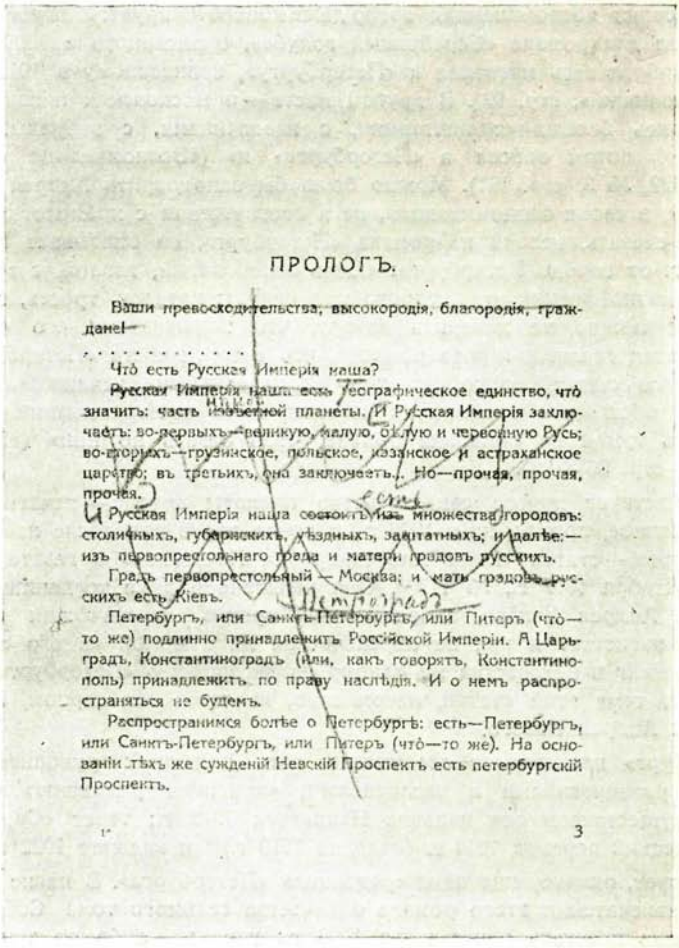
К 1910 г. «Весы», последние номера которых в 1909 г. в значительной степени заполнены «Серебряным голубем», прекратили свое существование. В. Брюсов перешел в «Русскую Мысль». Вернувшись из-за границы и нуждаясь в литературном заработке, Андрей Белый летом 1911 г. запрашивал, в какой форме мог бы он сотрудничать в «Русской Мысли», и сообщал: «На днях приступаю к «Голубю» (письмо к В. Брюсову, без даты, до 26 июля 1911 г.). Блок уговаривал Белого отказаться от мелкой газетной работы, не растрачивать энергии на журнальные статьи и выручил его материально («Записки Мечтателей», 1922, № 6, стр. 120). Осенью 1911 г. А. Белый принял предложение «Русской Мысли» о написании нового романа; и 14 октября 1911 г. Брюсов писал Сологубу: «В «Русской Мысли» для 1912 г. есть уже четыре принятых романа: Продолжение «Александра I», «Алтаря победы», роман Андрея Белого и Д. Абелдяева»[13]. Работоспособность Андрея Белого была огромна (недаром В. Пяст назвал его «чародеем работоспособности»)[14], и в конце того же 1911 г. Белый извещал Брюсова: «На днях пишу Вам подробно о романе (около 12 печатных листов готово)».

Уже в самом начале работы произошло полное смещение первоначального авторского замысла. Андрей Белый неоднократно рассказывал[15] о моменте, когда ему вдруг стало ясно, что вместо предполагаемых «Путников» у него назревает совсем новый роман и что этот новый роман не будет иметь ничего общего с «Серебряным голубем». То, что было задумано, как отдельный короткий эпизод, становилось зерном самостоятельной темы. Появились другие герои; перенеслось место действия; изменились весь стиль и язык. По первоначальному замыслу «второй том» открывался небольшой вводной сценкой встречи сенаторов: Тотрабе-Граабена, одного из действующих лиц в «Серебряном голубе», с его старым другом, петербургским сенатором Аблеуховым. Тотрабе-Граабен приехал в столицу просить у своего друга совета в предпринимаемых им розысках бесследно исчезнувшего Дарьяльского (героя «Серебряного голубя»). Роль Аблеухова на этом оканчивалась. Затем действие возвращалось в провинцию и сосредоточивалось на розысках Дарьяльского. Но внезапный, не входивший в намерения автора слом фабулы потребовал коренного переустройства всей ткани романа и привел к тому, что случайный персонаж, петербургский сенатор, занял центральное место, оказавшись героем совершенно самостоятельного произведения. Это и был «Петербург», носивший в первоначальной редакции другие названия: «Адмиралтейская игла», «Злые тени», «Лакированная карета», «Красное домино».

После трех месяцев работы А. Белый передал в редакцию «Русской Мысли» текст своего нового произведения. Однако, редактор «Русской Мысли», П. Б. Струве, отверг роман, в виду его «антигосударственной» тенденции, которая, по словам Струве, «очень зла и даже скептична». «Петербургские» писатели, особенно Блок, Сологуб и Вяч. Иванов, подсказавший название «Петер-

бург», поддержали автора. А. Белый был приглашен в Петербург, выступал с чтением отдельных глав и вскоре заключил договор с изд. К. Ф. Некрасова (в Ярославле) об издании романа отдельной книгой. Изд. Некрасова успело отпечатать первые девять листов и, по соглашению с автором, переуступило право печатания «Петербурга» изд. «Сирин» (в Петербурге).

Книжная, некрасовская, редакция сохранилась в виде трех-четырех экземпляров сверстанных девяти листов и единственного экземпляра корректурных



ПРОЛОГЪ.

Ваши превосходительства, высокородія, благородія, граждане!—

. . . . . .

Что̀ есть Русская Имперія наша?

Русская Имперія наша есть географическое единство, что̀ значитъ: часть необъемной планеты. И Русская Имперія заключаетъ: во-первыхъ—великую, малую, бѣлую и червонную Русь; во-вторыхъ—грузинское, польское, казанское и астраханское царство; въ третьихъ, она заключаетъ... Но—прочая, прочая, прочая.

Русская Имперія наша состоитъ изъ множества городовъ: столичныхъ, губернскихъ, уѣздныхъ, заштатныхъ; и далѣе:— изъ первопрестольнаго града и матери градовъ русскихъ.

Градъ первопрестольный — Москва; и мать градовъ русскихъ есть Кіевъ.

Петербургъ, или Санктъ-Петербургъ, или Питеръ (что̀—то же) подлинно принадлежитъ Россійской Имперіи. А Царьградъ, Константиноградъ (или, какъ говорятъ, Константинополь) принадлежитъ по праву наслѣдія. И о немъ распространяться не будемъ.

Распространимся болѣе о Петербургѣ: есть—Петербургъ, или Санктъ-Петербургъ, или Питеръ (что̀—то же). На основаніи тѣхъ же сужденій Невскій Проспектъ есть петербургскій Проспектъ.

3

СТРАНИЦА ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА РОМАНА АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ», ИЗД. 1916 г., С ПРАВКОЙ АВТОРА ДЛЯ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ ПЕРЕИЗДАНИЯ

Частное собрание, Москва

гранок десятого и половины одиннадцатого листа (у Р. В. Иванова). Текст ее сильно отличается от последующей редакции 1912—1913 гг., которые Андрей Белый провел за границей в усиленной переработке романа[16], напечатанного в окончательном виде в трех сборниках «Сирин» в 1913 — 1914 гг., а затем без всяких изменений сброшированного из этих трех сборников отдельной книгой под заглавием «Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом». Вышел в начале 1916 г. в количестве 3 000 экземпляров.

В 1922 г. в Берлине в изд. «Эпоха» вышло новое, совершенно переработанное

издание «Петербурга» в двух частях (3 000 экз.). Это издание сокращено в объеме, по сравнению с сириновским, приблизительно на одну четверть. Сокращение коснулось преимущественно эпитетов, определений, параллелизмов, вследствие чего ускорились диалоги, изменилась структура предложений, и в связи с этим изменился и темп произведения.

Выше, в связи с историей возникновения «Серебряного голубя», уже указывалось, что собирание, накапливание материалов для «Петербурга» производилось А. Белым задолго до написания этого романа — «неосознанно, как бы «впрок». В своих воспоминаниях автор даже конкретизирует: «Август 1906 г. дал весь материал для романа «Серебряный голубь», написанного в 1909 г., а месяц сентябрь — собрал весь материал к «Петербургу», написанному в 1912 г.» («Между двух революций», стр. 93). В другом месте — о московских пивных и харчевнях, где велись беседы «с почтарями, с извозчиками, с забулдыгами... Один разговор свой потом описал в «Петербурге» я» («Воспоминания о Блоке», — «Эпопея», 1922, № 3, стр. 181). Можно было бы заподозрить Андрея Белого, что впоследствии, в своих воспоминаниях, не в соответствии с хронологией, а задним числом, так сказать, исходя из романа «Петербург», он описывает свои впечатления 1906 г. от города Петербурга: «День зеленоватый, гнилой, с мрачной прожелтью» и «пятно фонаря, от которого шел силуэт: котелок, трость, пальто, уши, нос и усы»; можно не поверить автору, что переживания его «воплотились в томленьи всех главных героев романа», что «вторая часть «Петербурга» посвящена описанью одних только суток; я их пережил, не усилив, разве ослабивши бред, обставший сознанье; а котелок, надо мною стоявший над мостом, бежал сквозь туман на страницы романа, чтоб бегать по ним» («Между двух революций», стр. 96 — 98).

Но существует другое свидетельство правоты автора — печатное произведение, написанное, правда, не в 1906 г., а ровно через год после нового посещения Петербурга, — статья «Иван Александрович Хлестаков» в газете «Столичное Утро», 18 октября 1907 г., № 117[17]. Она написана в духе тогдашних полемических статей Андрея Белого, направленных против «мистических анархистов», «словесного пьянства» и пр., не перепечатана ни в одной из его литературно-критических книг и неизвестна ни одному из писавших о «Петербурге». А между тем основная тема этой статьи, несомненно, является тем зерном, из которого вырос роман Андрея Белого.

«Петербург» насчитывает следующие пять редакций: рукопись со всеми вариантами, разночтениями и наслоениями; «книжную редакцию» (10 ½ печ. листов) неосуществившегося издания Некрасова 1912 г.; текст «Сирина» 1913—1914 гг.; немецкий перевод 1914 г. (издание 1919 г.)[18] и издание 1922 г.

Существует, однако, еще одна «редакция» «Петербурга». В плане 1920 г. есть указание о напечатании этого романа в качестве седьмого тома Собрания сочинений: «Нельзя печатать ранее июля 1923 г.: печатать либо по тексту исправленному, долженствующему выйти в «Московском книгоиздательстве писателей» в Москве, либо по экземпляру, исправленному автором, имеющемуся в том же книгоиздательстве писателей; печатать же по неисправленному, т. е. автором не сокращенному экземпляру воспрещается». Договор на переиздание «Петербурга» (а также «Серебряного голубя» и «Путевых заметок») был заключен 24 января 1920 г., и в пункте третьем своей записки к В. О. Нилендеру, «в случае отъезда за границу» (1921), Андрей Белый упоминал: «В кн-ве писателей находится экз. «Петербурга» с сокращениями автора. Книгоиздательство, буде оно не будет в состоянии выпустить до июня 1923 г., должно вернуть этот экземпляр туда, куда я ему укажу (в данном случае в кн-во Гржебина)».

Вероятно, эта переработка «Петербурга» была сделана гораздо раньше, потому что еще 21 июня 1919 г. в письме Белого к М. О. Гершензону есть упоминание о предисловии к роману, переданном для Московского издательства А. Е. Грузинскому и утерянном этим последним: «Это «предисловие» мне совер-

шенно не было нужно (оно неинтересно, случайно, даже бестактно...). На другой день по отдаче «Предисловия» я досадовал, что дал такое неудачное предисловие к «Петербургу».

Ни книгоиздательством писателей, ни издательством Гржебина роман не был переиздан, а летом 1935 г. в Лавке писателей (в Москве) был приобретен экземпляр сириновского издания «Петербурга» (1916) с авторской правкой и автографом В. Ф. Эрну «17 года 27 января»; повидимому, это и есть тот самый экземпляр, который был передан А. Белым в 1920 г. в издательство писателей[19]. Предисловие в этом экземпляре отсутствует. Правка значительно отличается от берлинской редакции 1922 г. Эта последняя производит впечатление большей законченности, выдержанности и органичности.

В издании 1922 г. дана последняя редакция «Петербурга»; последующее издание — «Петербург. Роман», Коопер. изд. «Никитинские субботники», М., 1928, часть I и II (5 000 экз.) — вышло лишь с немногими стилистическими исправлениями.

Уже после смерти Андрея Белого, в 1935 г., в Государственном издательстве художественной литературы вышло переиздание «Петербурга», третье издание новой редакции. Оно без всяких видоизменений повторило издание 1928 г. и было напечатано в одном томе в количестве 10 000 экземпляров.

В 1919 г. вышел немецкий перевод, подготовлявшийся автором в 1914 г.: «Petersburg. Roman von Andrej Biäly. Autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Nadja Strasser, München, Georg Müller, S. 508». В переводе опущены пролог и эпилог, сняты названия глав, изменены или опущены заглавия главок, произведены сокращения и изменения в тексте[20].

2. «ПЕТЕРБУРГ» - ДРАМА

В плане издания сочинений 1925 г. Андрей Белый намеревался составить четвертый том этого издания из «Петербурга»-романа и «Петербурга»-драмы.

Драматургом А. Белый себя не считал и к переделкам для сцены относился неодобрительно, говоря, что «привкус» романа всегда остается и что одинаково нельзя переделать: драму — в роман и роман — в драму. Драматическое произведение строится по совсем иным законам и должно быть задумано и написано совершенно самостоятельно. Поэтому сам он, по собственной инициативе, никогда не предпринял бы переделки, хотя его и привлекала мысль видеть своих героев на сцене.

Импульсом к переработке было предложение одного из московских театров. В составленном А. Белым в 1928 г. «Раккурсе дневника» имеется запись: «1924. Январь... усаживаюсь за переработку «Петербурга» в драму. Переговоры с Чеховым, Мейерхольдом, Завадским, Таировым». Вначале драма была обещана В. Э. Мейерхольду, но М. А. Чехов уговорил отдать ее МХАТ II, соблазняя тем, что будет играть роль сенатора Аблеухова.

Драма «Гибель сенатора», первая редакция (десять картин), существенно отличается от романа. Хотя в сценарии подчеркнут характер прямых линий, углов и квадратов (в том, что связано с Аполлоном Аполлоновичем), но зато в языке введено много словечек, в которых слышится уже стиль романа «Москва»; видно, что в это время автор был уже занят мыслями о новом романе, к написанию которого он приступил осенью в том же году.

Кроме того, существенно изменился сюжет: сардинница (в романе — взрывной снаряд) оказывалась просто жестянкой с песком; между Аполлоном Аполлоновичем и Николаем Аполлоновичем происходило полное примирение; также благополучно заканчивалась и сцена с оторванной фалдой (в квартире Лихутина). Но драма кончалась взрывом подлинной бомбы, о которой Николай Аполлонович не подозревал. Сенатор убит, сын сходит с ума.

Ряд мелких изменений вызван изменившимся эпизодом с сардинницей, а так же условиями сценической постановки и, кроме того, новыми устремлениями

самого А. Белого—к стилю «Москвы». В процессе театральной разработки в драму вносились исправления и в ситуацию и в самый текст. Отголоски «борьбы» автора с режиссурой остались не только в виде изменений и вариантов в сценарии, но и в виде письменных указаний, обращенных к МХАТ II.

На обложке машинописи «Гибели сенатора» рукою А. Белого сделана пометка: «Первая редакция, которую автор считает удачней той, которая была представлена на сцене (не пошла, потому что объемом вышла в 2 представления».

Кроме двух указанных выше редакций пьесы «Петербург», имеется еще одна рукопись, озаглавленная автором: «Петербург. Историческая драма А. Белого. 5 актов, 10 картин».

Первое представление «Петербурга» в МХАТ II состоялось 14 ноября 1925 г., в декорациях художников М. В. Либакова и Б. А. Матрунина. Роль сенатора исполнял М. А. Чехов, Николая Аполлоновича — И. Н. Берсенев, Лихутина — А. И. Чебан, Софьи Петровны — С. В. Гиацинтова, Семеныча — В. В. Готовцев, Анны Петровны — Л. И. Дейкун.

Кроме драматической инсценировки был еще проект переделки «Петербурга» для киноэкрана (см. газету «Коммунист», Харьков, 18 декабря 1925 г.).

«КОТИК ЛЕТАЕВ». «КРЕЩЕНЫЙ КИТАЕЦ». «ЗАПИСКИ ЧУДАКА»

1. «КОТИК ЛЕТАЕВ»

Немедленно по окончании «Петербурга» Андрей Белый приступил к новой повести. В письме к Сологубу из Дорнаха (без даты, приблизительно в октябре—ноябре 1915 г.) он сообщал: «Я пишу третью часть моей трилогии («Восток или Запад» — только еще принялся); и скоро, месяца через 1½—2, мог бы уже предложить издательствам мою рукопись. Роман называется «Моя жизнь», первая часть «Годы младенчества» будет готова через 2 месяца». И дальше: «Я мог бы продать... мою трилогию («Серебряный голубь», «Петербург», «Моя жизнь»)».

Таким образом, начатая «Серебряным голубем» трилогия для самого автора связывалась с автобиографической повестью и замыкалась ею.

Предисловие к «Котику Летаеву» помечено октябрем 1915 г.; тогда же написана и первая глава; в первой половине 1916 г. написаны вторая, третья и четвертая главы, в сентябре 1916 г. закончена вся повесть.

Еще до напечатания всей «части цикла» целиком (и — в первый раз — даже еще до окончания) отдельные главки из повести, в необработанном виде, были напечатаны под заглавием «Отрывки из детских впечатлений (из повести «Котик Летаев»)» в «Биржевых Ведомостях», 2 мая 1916 г., и в «Русских Ведомостях», №№ 263, 280, 290: от 13 ноября (отрывки: На черте. Сон. Вселенная. Обморок. Доктор. Тайна. Философ), от 4 декабря (Папа. Прогулка. Музыка) [21], от 25 декабря 1916 г. (Соня Дадарченко. Закат. Клоун Клеся. Весна).

Полностью «Котик Летаев», с подзаголовком «Первая часть романа «Моя жизнь», был напечатан в сборниках «Скифы», П., I, 1917 (гл. I—IV), и II, 1918 (гл. V—VI). В нем было посвящение «той, кто работала над нею вместе со мною» — «Асе» (А. А. Тургеневой) и эпиграф из Толстого: «Знаешь, я думаю, — сказала Наташа шопотом...— что когда вспоминаешь, вспоминаешь, все вспоминаешь, до того довспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чем я была на свете...» (Л. Толстой, «Война и мир», т. II). Тогда же, в 1918 г., в изданиях изд. «Алконост», в перечне сочинений А. Белого, значится «готовым к печати» «Котик Летаев. Симфоническая повесть о детстве (I-я часть романа «Моя жизнь»)». Однако, отдельное издание, без всяких изменений, появилось в изд. «Эпоха», П. (5 000 экз.), лишь в 1922 г. Подзаголовка в нем не было.

В 1928 г. Андрей Белый подготовил новое издание «Котика Летаева» для изд. «Никитинские субботники», переработав его текст, опустив посвящение и эпиграф из Толстого, и считал нужным дать разъясняющее предисловие. Издание это не состоялось. Оригинал предисловия — в Литературном музее.

2. «ПРЕСТУПЛЕНИЕ НИКОЛАЯ ЛЕТАЕВА» («КРЕЩЕНЫЙ КИТАЕЦ»)

«Котик Летаев», «симфоническая повесть о детстве», о «годах младенчества», был только первою частью эпопеи «Моя жизнь», задуманной в 1915 г. в Швейцарии. К продолжению ее Андрей Белый вернулся в октябре—декабре 1920 г. и подготовил вчерне первые четыре главы, из которых сохранилась только первая; она переработана в январе и апреле — мае 1921 г. и напечатана в журнале «Записки Мечтателей», 1921, № 4, стр. 21 — 165, под заглавием «Преступление Николая Летаева (Эпопея — том первый). Крещеный китаец. Глава первая» [22].

В предисловии к нему (июль 1921 г.) Белый писал: «В первой главе изображен фон романа — профессорская квартира эпохи Александра III. Эпоха, история, в этом томе «Эпопеи» выдвинута сознательно; роман — наполовину биографический, наполовину исторический; отсюда появление на страницах романа лиц, действительно существовавших (Усов, Ковалевский, Анучин, Веселовский и др.); но автор берет их, как исторические вымыслы, на правах историка-романиста» (стр. 23). Эту авторскую характеристику нового романа, как исторического и биографического, поддержала М. Шагинян, расширив и усложнив ее: «Тема «Эпопеи», — писала она, — развертывается в двух направлениях: она эпична и дает ясное, плавное, пластичное построение внешнего мира, — от детской комнаты, через квартиру, через Москву... — вплоть до тончайшего и точнейшего воспроизведения эпохи. И она же антропологична: через маленькое, едва возникшее из хаоса, детское «я», с быстротою падучей звезды перелетающее все этапы развития общечеловеческого «я»... показывает и отражает она не менее точно и тонко историю человеческого «антропоса» (уже вне эпохи, а вообще)» («Эпопея» А. Белого. Морфологические заметки», — «Летопись Дома литераторов», 1 ноября 1921 г., № 1). Существует специальное исследование о «Преступлении Николая Летаева», принадлежащее А. Векслер («Эпопея» А. Белого. Опыт комментария», — Сборник статей «Современная литература», изд. «Мысль», Л., 1925, стр. 48—75).

В плане Собрания сочинений 1925 г. А. Белый указал, что «Котик Летаев» и «Преступление Николая Летаева» — «куски ненаписанной «Эпопеи», которую некогда я хотел назвать «Моя жизнь». Следует [их] объединить под общим заглавием «Котик Летаев», как части I и II».

Вспоминая свои отроческие годы, А. Белый рассказал, как украдкой от родителей он посещал вместо гимназии городскую читальню, запойно увлекаясь классиками и философами, и как этот обман был открыт директором гимназии Л. И. Поливановым (выведен в «Московском чудаке» под именем Веденяпина). «Это — сюжет драмы, которую некогда я хотел изобразить в повести «Преступление Николая Летаева» («На рубеже двух столетий», стр. 331). Однако, такая повесть не была написана; поэтому исчез смысл общего названия, и первая глава, разросшаяся в самостоятельную повесть, вышла в изд. «Никитинские субботники» в 1927 г. отдельной книгой (5 000 экз.) под заглавием «Крещеный китаец» с подзаголовком «Роман», без всякого предисловия. Остаток тиража был перелицован и, в переплете, с рисунком художника Н. Н. Вышеславцева, выпущен в продажу с новым титульным листом, как издание 1928 г.

3. «ЗАПИСКИ ЧУДАКА» («ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ»)

«Записки чудака», в некоторых своих главах примыкающие к «Котику Летаеву» и «Преступлению Николая Летаева», выветвившиеся из общего зерна «Моей жизни», первоначально были задуманы, как самостоятельная повесть [23]. Черновые наброски к ним писались в январе — феврале 1918 г. и обрабатывались в марте — апреле, октябре — ноябре, после «Котика Летаева» и до «Преступления Николая Летаева». Но уже в предисловии к ним, помеченном: «февраль 1919», А. Белый писал, что ему стало ясно, что эти «Записки» — «вступление к огром-

ному произведению, долженствующему развиться в ряд частей, или, быть может, томов» («Записки Мечтателей», 1919, № 1, стр. 11). Поэтому при печатании это «вступление» получило заглавие: «Я». Эпопея. Том первый «Записки чудака». Часть первая «Возвращение на родину». В «Новой Русской Книге», 1921, № 5, стр. 20, сообщается, что эпопея задумана в десяти томах.

В «Записках Мечтателей», 1919, № 1, напечатаны первые двадцать отрывков (несколько из них раньше появились в журнале «Наш Путь», 1918, № 2, под заглавием: «Дневник чудака. Писатель и человек (отрывок из повести)»[24]); в 1921 г., № 2—3, — еще семнадцать (два из них — «Лондон» и «Фантасмагория» — до того помещены в журнале «Путь», 1919, № 6, октябрь — декабрь), и на этом «Записки чудака» в журнале приостановились. Вместо них в № 4 «Записок Мечтателей» появилось «Преступление Николая Летаева», и в предисловии к нему (июль 1921 г.) Белый сообщал о причинах приостановки: «Печатание [«Записок чудака»] грозит затянуться на годы; между тем, оно может представить собой интерес лишь для особой группы читателей, не боящихся «дебрей» отвлеченных переживаний» («Записки Мечтателей», 1921, № 4, стр. 24).

Приостановка печатания не повлекла прекращения работы. В декабре 1921 г., находясь за границей, Андрей Белый закончил «Записки чудака» для отдельного издания. Часть их, продолжающая то, что было напечатано в «Записках Мечтателей», №№ 1 и 2—3, вышла отдельным изданием под названием «Возвращение на родину (Отрывки из повести)», Издательство писателей в Москве, М., 1922 (2000 экз.)[25], с примечанием: «Автор изображает путника, возвращающегося из Швейцарии в Россию: пред ним проходят в воспоминаниях картины жизни; и проходят перед ним: Франция, Англия, Северное море, Норвегия». Восемь отрывков отсюда (То — смерть. Моя биография. Развитие. Где «я»? Три года назад. Берген. Площадь. Сумасшедший) напечатаны под заглавием «Я» (Сумасшедшее)» в «Московском Альманахе», изд. «Огоньки», Берлин, 1922. Это заглавие еще напоминает общий замысел эпопеи «Я». Предисловие к этому циклу отрывков помечено 20 февраля 1922 г.

Полностью «Записки чудака», т. I и II, вышли в изд. «Геликон», Берлин, 1922. Первый том этого издания и первые пять главок второго тома — с редакционными и стилистическими изменениями — соответствуют тексту «Записок Мечтателей» №№ 1 и 2 — 3; отрывки 6 — 23 второго тома напечатаны с некоторыми незначительными вариантами в отношении текста «Возвращения на родину» (изд. 1922 г.); отрывки 24—29 («На север» и до конца) напечатаны в берлинском издании впервые.

Когда первая глава «Преступления Николая Летаева» вышла отдельным изданием, название серии и тома («Эпопея», «Преступление Николая Летаева») было отброшено автором, и название главы «Крещеный китаец» стало заглавием книги. В противоположность этому, при напечатании отдельной книги «Записок чудака» Белый откинул и общее название, напоминающее об огромном замысле («Я». Эпопея), и название части: «Возвращение на родину», оставив заглавие тома: «Записки чудака». В предисловии к ним (2 января 1922 г.) он повторил, что «Записки чудака» — только предисловие и пролог к эпопейной серии задуманных томов.

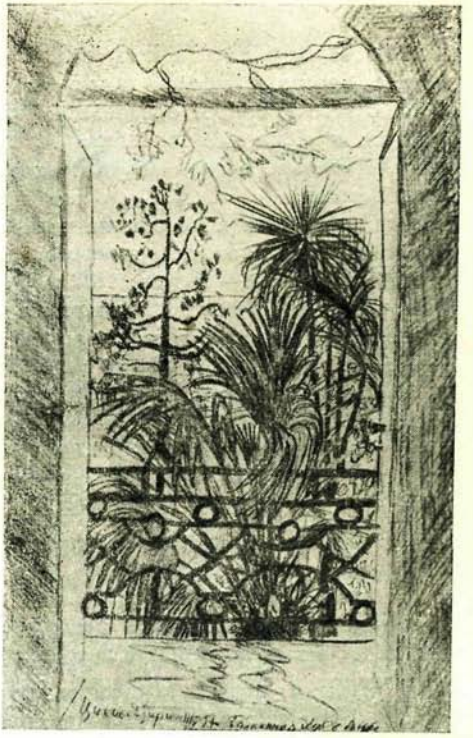
Через два года после окончания «Записок чудака» Андрей Белый принялся за писание нового романа.

«МОСКВА»

1. «МОСКОВСКИЙ ЧУДАК». «МОСКВА ПОД УДАРОМ»

«О герое романа «Москва», Иване Ивановиче Коробкине, рассказывал я Вяч. Иванову в 1909 году»,— сообщает Андрей Белый в очерке о процессе своего творчества («Как мы пишем», стр. 13). В 1918 г. Коробкин, в качестве чудака, ученого, хранителя библиотеки, выведен в небольшом рассказе «Иог» (напечатан в воронежском журнале «Сирена», 1918, № 2 — 3).

РИСУНОК АНДРЕЯ БЕЛОГО: ВИД С БАЛКОНА В ЦИХИС-ДЗИРИ, 1927 г.
Собрание К. Н. Бугаевой, Москва



В 1924 г. началась работа над новым произведением, и уже в конце 1924 г. в Московском союзе писателей А. Белый прочитал главы из романа «Слом» (см. «Печать и Революция», 1925, кн. I, стр. 316). Заглавие (почти как всегда у Белого) не удержалось, и первые две главы из романа: «День профессора» и «Дом Мандро» были напечатаны в четвертом и пятом альманахах «Круг», 1925, под названием: «Москва. Роман. Часть I». Первая глава помечена 10 сентября 1924 г., а 24 сентября 1925 г. закончен весь роман. В 1926 г. он вышел в том же изд. «Круг» в двух частях: «Московский чудак». Первая часть романа «Москва» и «Москва под ударом». Вторая часть романа «Москва». Каждая часть содержала по три главы и вышла в количестве 4 000 экз. В первой части было посвящение: «Памяти архангельского крестьянина Михаила Ломоносова» и эпиграф из Ломоносова: «Открылась бездна — звезд полна». В предисловии к первой части сообщалось: «Москва» — наполовину роман исторический; он живописует нравы прошлой Москвы; в лице проф. Коробкина, ученого мирового значения, я рисую беспомощность науки в буржуазном строе»[26]. Дальше в предисловии говорилось, что роман рисует разложение дореволюционного быта — «в этом смысле первая и вторая часть романа суть сатиры-шаржи; и этим объясняется многое в структуре и стиле их».

В предисловии ко второй части Андрей Белый указывал, что «роман задуман в двух томах, из которых каждый — законченное целое», но что «лишь в обоих томах очертится тема» всего романа.

В 1927 г. «Московский чудак» и «Москва под ударом» были переизданы «Никитинскими субботниками» (4 000 экз.); подзаголовок с указанием на то, что оба выпуска являются частями романа «Москва», в этом издании опущен. Часть тиража была перелицована и в переплете с суперобложкой художника Н. Вышеславцева вышла с датой 1928 г. и с новым заглавием: «Москва. Роман. Часть первая». «Москва. Роман. Часть вторая», без упоминания первоначальных названий: «Московский чудак» и «Москва под ударом».

2. «МОСКВА» - ДРАМА

После неудачной постановки драмы «Петербург» в МХАТ II, Мейерхольд взял с Белого обещание переделать для театра им. Мейерхольда «Москву». Осенью 1926 г. вопрос о переделке принял определенные формы: записи об этом имеются в «Раккурсе дневника» А. Белого за октябрь — ноябрь. Посещения репетиций «Ревизора» производили на него сильнейшее впечатление, и, работая над инсценировкой «Москвы», он все время имел в виду постановщика — Мейерхольда, а встречи и беседы на репетициях превращали работу в применение на практике принципов мейерхольдовской режиссуры. Драма «Москва», написанная в 1926 г., в июле — августе 1927 г. была переработана в связи с макетом постановки, который Мейерхольд показал А. Белому летом того же года в Тифлисе (принцип «спирали» — «все во всем»).

В драме 5 актов, 17 картин. Вот перечень последних: 1. Смоленский рынок. 2. Московский дворик. 3. Университет. 4. У Задопятова. 5. Квартира Коробкина. 6. Дом Мандро. 7. Табачихинский переулок. 8. У Грибикова. 9. Кабинет профессора. 10. Чествование Коробкина. 11. В Свободной Эстетике. 12. В подъезде. 13. Квартира Мандро. 14. У полустанка. 15. «В собственном логове». 16. Перед квартирой. 17. Кабинет Коробкина.

В отличие от драмы «Петербург», драма «Москва» в основном не отступает от текста романа. Имеется лишь ряд небольших изменений и перестановок, обусловленных требованиями сцены. Вот некоторые из них: Лизаша не дочь Мандро, а племянница. Вишняков передает письмо с предупреждением не на прогулке (на даче), а в окно кабинета профессора. Посещение Исси-Нисси (картина девятая) происходит в момент смятения, вызванного в квартире Коробкина присылкою Анной Павловной писем Василисы Сергеевны. Разговор профессора с Исси-Нисси прерывается появлением Анны Павловны, которая тут же падает, сраженная ударом. Ее выносят. Сцена юбилея Коробкина заканчивается появлением демонстрации с красными флагами и пением «Вы жертвою пали». В последней, семнадцатой, картине — кабинет Коробкина в полном разгроме. На дверной занавеске видна «тень стула и к нему припластанного веревками Коробкина». Все происходящее за занавеской видно только по движению теней. Оттуда выбегает явно сумасшедший Мандро. Картины его воспоминаний возникают на сцене в виде проходящих в тумане теней. Туман рассеивается. Мандро с криком бросается за занавеску, падая к ногам Коробкина. Вбегают Вишняков и карлик, вслед за ними толпа. Мандро мертв, профессора уносят. За окнами бой барабанов, лес штыков — мобилизация. Драматическая переделка «Москвы» не увидела сцены.

3. «МАСКИ»

24 сентября 1925 г. была закончена последняя страница второй части первого тома «Москвы», и только в 1928 г. Андрей Белый приступил к писанию второго тома. Промежуточные годы ушли на собирание материала, на подготовительное чтение по истории и философии математики, по физике, химии и т. д.: «Я прочел четыре истории математики, чтобы понять психологию Коробкина в третьей части романа; сидел над Томсоном, Резерфордом и другими учеными, чтобы лучше узнать стиль открытия профессора» («Как мы пишем», стр. 21).

В феврале 1927 г. был набросан план второго тома, осенью 1928 г. написана глава «Пробуд» — первый вариант первой главы нового романа (см. «Опись архива», п. 24), но основная работа над «Масками Москвы» (таково первоначальное заглавие второго тома) была проделана позже. 30 июня 1930 г. А. Белый писал из Судака грузинскому поэту Тициану Табидзе: «С 10 сентября [1929 г.] и до первого июня беспрерывная ковка строк, раскаленность сознания, ряд новых лабораторных опытов...».

За это время отпал первоначальный план автора вместить весь материал «Москвы» в два тома: «Сюжет разросся, и часть второго тома неожиданно выросла в том» («Вместо предисловия» к «Маскам», 1932, стр. 5—6) [27].

В ноябре 1930 г. весь текст был переработан. Работа эта была проделана путем изменения (сжатия) расстановки строк, вычеркивания отдельных слов и мелких изменений в тексте.

В мае 1932 г. А. Белый смонтировал из отрывков машинописи очерк под названием «16-й год в Москве» для сборника «Красная Москва», но сборник в печати не появился. Другой небольшой очерк, озаглавленный «Салоны», напечатан в газете «Вечерняя Москва», 5 декабря 1932 г., № 281 (с рисунками В. Козминского). Текст его смонтирован из 67—71, 78, 71, 77, 79, 83, 111—112, 108—109 страниц печатного издания «Масок».

Сама же книга «Маски» долго лежала без движения. Законченная 1 июня 1930 г., переработанная и сданная в издательство в ноябре 1930 г., сданная в набор 5 мая 1931 г., она подписана к печати 15 ноября 1932 г. и появилась в свет в издании ГИХЛ в начале 1933 г., с рисунками Н. В. Кузьмина и с портретом А. Белого работы В. А. Милашевского, в количестве 5 000 экз. В предисловии к ней (Кучино, 2 июля 1930 г.) автор сообщал, что замысел романа «Москва» охватывает четыре тома, из которых впереди третий том — эпоха революции и часть эпохи военного коммунизма, и четвертый том — «конец нэпа и начало нового реконструктивного периода»; ряд действующих лиц «показан сознательно в задержи, в полумолчании; они заговорят лишь в третьем томе; такова фигура Тителева; лишь в третьем томе определится роль и других действующих лиц в революции» («Маски», стр. 6). Особо оговорены в предисловии звуковая сторона произведения, жесты героев, язык.

Многие произведения Андрея Белого остались незаконченными сюжетно: «Серебряный голубь», «Крещеный китаец», «Записки чудака», «Человек», «Триптих»; та же судьба постигла и «Москву». Недаром, закончив роман словами: «Читатель — пока:— продолжение следует» («Маски», стр. 441), Белый на следующий же день (2 июня 1930 г.) написал «Вместо предисловия», в котором отметил: «Намерение — не исполнение» (стр. 5).

«Москва» осталась незаконченной; «Маски» оказались последним романом Андрея Белого.

НЕНАПИСАННЫЕ РОМАНЫ

В октябре 1931 г., проживая в Детском Селе, Андрей Белый заключил с Издательством писателей в Ленинграде договор на написание романа «Германия»[28] и 14 октября того же года представил план, в котором намечались тема и сюжет. В статье «О себе, как писателе» Белый писал об этом романе: «В связи с замыслом последнего придется сказать еще несколько слов об особенностях моей тематики, весьма усложнявшей восприятие меня, как писателя. — Мое несчастие в том, что в процессе творчества предо мною не раз вставали образы, осуществлявшиеся в действительности лишь через несколько лет по написании книги. Фабула («Германии») рисовала фашистский заговор и преследование фашистами революционно настроенного интеллигента; с фашистами я никогда не встречался; фабула — смутный лейтмотив, вставший мне из воздуха берлинской жизни в 1922 году; напиши я роман в прошлом году, читатели бы воскликнули: «Это — пародия на Германию, оклеветывающая действительность!» Увы, — ужасные события последних недель показали правду моей фантастики» (статья написана в марте 1933 г.).

Весной и летом 1933 г. Андрей Белый неоднократно говорил о новой для себя форме творчества: производственном романе.

В одном из иллюстрированных журналов он прочел о предполагавшемся строительстве железной дороги через Мамисонский перевал и решил взять темой романа строительство этой дороги на определенном участке: Мамисонский перевал — Шови — Гори. Об этом упоминается в письме к Г. А. Санникову из Коктебеля от 28 июня 1933 г.: «Вдруг выскочило из полусознания, если не решение, то стремление... в будущем всячески искать возможность устроиться при решенной

в принципе перевальной дороге через Кавказский хребет. Тут все интересно, и горное дело, и железнодорожное; и места любимые... Тут возможность и длительно жить на Кавказе, и материал для очерков, и искание новых форм для производ[ственного] романа».

Все эти последние замыслы — третий и четвертый томы «Москвы», роман «Германия» и «производственный» роман, — за смертью автора, не осуществились.

VI. ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ
(ИТАЛЬЯНСКИЕ, АФРИКАНСКИЕ, ЕВРОПЕЙСКИЕ И КАВКАЗСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ)

В конце 1910—1911 гг. Андрей Белый совершил большое путешествие по Италии и Африке. Впечатления от него сохранились в письмах к друзьям (А. А. Блоку, А. С. Петровскому и др.) и в ряде фельетонов. 26 ноября 1910 г. он уехал из России, а уже в январе 1911 г. писал А. М. Кожебаткину, что приготовил пятнадцать фельетонов. Отказ газеты «Утро России» напечатать их был для автора, вследствие тяжелых материальных затруднений, «почти ударом». В этой газете появился только один очерк: «Арабы (из писем с дороги)»,— «Утро России», 5 апреля 1911 г.; ряд других напечатан в газете «Речь» под общим заглавием «Путевые заметки». Три первых посвящены Италии: «Венеция», «От Венеции до Палермо» и «Палермо» («Речь», 25 января, 2 и 13 февраля 1911 г.). Через семнадцать лет, во время поездки по Кавказу, Белый вспоминал об этом пути и записал в своем дневнике: «Итальянские впечатления Гете ввели меня в Италию и Сицилию... Через него я своими глазами увидел Сицилию» («Ветер с Кавказа», 1930, стр. 6). Дальше печатались: «Пестрый сфинкс», «Смех и слезы», «Радуга Монреаля» и «Тунис» («Речь», 5 июня, 3 и 24 июля и 29 сентября 1911 г.) — всего восемь фельетонов из общего числа девятнадцать [29].

Вернувшись в Россию, Белый летом 1911 г. перерабатывал свои очерки в отдельную книгу для изд. «Мусагет», выступал 5 ноября 1911 г. с докладом «Страна бреда и ужаса» («Египет») — см. отчет А. Э. «Искусство и путешествие», — «Утро России», 6 ноября 1911 г.,— и вел безуспешные переговоры о напечатании его в «Русской Мысли». Впоследствии «Египет» был помещен в журнале «Современник», 1912, кн. V, VI и VII, а очерк «Дервиш» (из «Путевых заметок»)— в альманахе «Велес», П., 1912. Предвкушение Египта было у А. Белого давно, стоит только прочитать его статью «Сфинкс» («Весы», 1905, № 9—10) и отрывок «Египет» в статье «Феникс» («Весы», 1906, № 7, и «Арабески», стр. 147). Ожидания не обманули, и о сильнейшем впечатлении от Египта потрясенный путешественник Белый писал А. С. Петровскому: «Нет слов, нет мысли, нет чувства, нет желания сказать, что такое пирамиды и сфинкс» (эти две строки составляли весь текст письма от 15 марта 1911 г.). О том же — несколько писем к А. Блоку. И через несколько лет упоминания об этом впечатлении от сфинкса встречаются и в фельетоне «О злободневном и вечном» («Биржевые Ведомости», 23 июня 1916 г.). и в «Кризисе жизни», 1918, стр. 24—26.

Печатание очерков задержалось надолго. В архиве А. Белого хранится первоначальный текст книги (часть в гранках и машинописи, с большой авторской правкой, часть — рукопись), написанный в 1911 г. «Книга была сдана в набор, но вследствие разногласия с редакцией кн-ва «Мусагет» набор был задержан. В 1919 г. автор сильно переработал и дополнил текст» («Опись архива», п. 23). Отзвуки «путевых впечатлений» Италии, Африки встречаются и в «Записках чудака» (см. «Записки Мечтателей», 1919, № 1, стр. 27—28).

В перечне сочинений А. Белого, напечатанном в ненумерованных страницах к «Кризису Мысли» (изд. «Алконост», 1918), значится: «Путевые заметки. Дневник путешествия. 1. Сицилия (готовится). 2. Тунисия (печатается) 3 Радес (готовится). 4. Мусульманство и культура Тунисии (печатается). 5. Египет (готовится)». В плане Собрания сочинений 1920 г. (для изд. Гржебина) говорится о томе восьмом «Путевые заметки» и о рукописи двух томов под этим названием, пе-

реданной в Книгоиздательство писателей в Москве. В 1922 г. первая часть заметок появилась под названием: «Офейра. Путевые заметки. Часть I», Издательство писателей в Москве, 1921 (в количестве 3 000 экз.). Почти одновременно за границей появились «Путевые заметки. Том. I. Сицилия и Тунис» (изд. «Геликон», Берлин, 1922), дополненные по сравнению с «Офейрой» двумя отрывками: «Население Тунисии» (в гл. IV, стр. 195—212) и «Проблемы культуры» (в гл. V, стр. 254 — 256).

Второй том «Путевых заметок» не был напечатан и сохранился лишь в гранках, оттиснутых для изд. «Геликон» (всего 120 гранок). Этот том «Тунисия и Египет» состоит из 55 главок, объединенных в четыре главы: I. Кайруан. II. До Порт-Саида. III. Каир. IV. Египет[30].

В 1928 г. намечалось издание «Путевых заметок» в Никитинских субботниках», но и оно не осуществилось.

В печати из второго тома «Путевых заметок» появились упомянутые выше отрывки «Дервиш» и «Египет», оба в редакции 1911 г.,— последний соответствует отрывкам 79—112 гранок изд. «Геликон», но стилистически сильно отличается от них. Кроме того, в 1923 г. появились в печати: «Египет (отрывки из 2-й части путевых очерков «Офейра»)» — в «Московском альманахе», Книгоиздательство писателей в Москве (отрывки, с немногими отличиями, соответствовали №№ 27—102 новой редакции), и «Кайруан» («Воля России», Прага, 1923, № 1), соответствующий стр. 2—5, 8 и 12 тех же гранок. Один отрывок — «Двадцать две Франции» был переведен на немецкий язык и под заглавием «Die Neger-Republick Frankreich» напечатан в «Frankfurterzeitung» в марте 1923 г. (15—17 марта?) со следующим примечанием редакции: «Die nachstehende geistreiche Satire des bekannten russischen Schriftstellers würde im Jahre 1912 geschrieben. Die Prophezeiungen, die sie enthält, haben heute eine merkwürdige aktuelle Bedeutung gewonnen»[31]. Несколько цитат из этого отрывка и упоминание о немецком переводе см. в брошюре Андрея Белого «Одна из обителей царства теней», 1924, стр. 52—57.

В последние месяцы своей жизни, в сентябре — декабре 1933 г., Белый продумывал план четвертого тома своих воспоминаний. Первая глава их должна была представлять «краткий пробег» по «Путевым заметкам» и намечалась из следующих отрывков: 1. Италия (зачеркнуто: Венеция, Неаполь). 2. Палермо (зачеркнуто: Сицилия). Нажива. Фашизм. 3. Монреаль. 4. Тунис. 5. Радес. 6. Берберия. 7. Кайруан. 8. Мусульманская культура. 9. Мальта. 10. Средиземное море. 11. Каир. 12. Древний Египет. Пирамиды. Сфинкс. 13. Англия и Франция. 14. Иерусалим. 15. Архипелаг. 16. Константинополь. Одесса (черновой набросок плана четвертого тома).

Хронологически за «Путевыми заметками» следуют впечатления, составляющие небольшую книгу «Одна из обителей царства теней», Государственное издательство, Л., 1924 (5 000 экз.). Она состоит из нескольких очерков: «О том, как «некто» попал в Берлин»; «О «негре» в Европе»; «О «неграх» в Берлине и еще кой о чем»; «Москва и Берлин», — это впечатления конца 1921 г. от проезда через Латвию и Литву, и 1922—1923 гг. — от пребывания в Германии, куда А. Белый уехал по личным делам. Эти впечатления впоследствии хотел он развить и дать в художественной форме — в неосуществленном романе «Германия».

Первый очерк (а также вступление «Несколько пояснительных слов») появился в книге впервые; последние три, под общим заглавием «Европа и Россия», печатались в журнале «Звезда», 1924, № 3; третий отрывок — в журнале «Жизнь Искусства», Л., 22 июля 1924 г., № 30.

Последними путевыми заметками А. Белого были кавказские очерки 1927 г. «Они появились,— писал Белый,— как оформление личной, дневниковой записи для себя и несколько друзей» и, в отличие от записей 1911 г., сохранили форму дневника, где впечатления от местности (природа, Загэс и т. д.) переплетаются с событиями личной жизни, полемикой с литературными противниками, размышлениями о взаимоотношениях «читателя и писателя», материалами к собствен-

ному процессу творчества, встречами с людьми (Мейерхольд, Шкловский, грузинские поэты, пианист Эгон Петри).

Страницы из дневника, переработанные в книгу, получили заглавие «Ветер с Кавказа. Впечатления», изд. «Федерация», М., 1928 (400 экз.). Первоначальный «список заглавий» к ней был разнообразен: «Кавказ», «Дневник Кавказа», «Кавказский дневник», «Пламенная Колхида», «Страна аргонавтов», «Говоры гор», «У врат Азии» и даже—«Гороворотты» («Дневник»).

«Ветер с Кавказа» состоит из ряда главок: I. Батумское побережье. II. Тифлис. III. Боржом, Цихис-Дзири. IV. Под сенью Грузии. V. Военно-Грузинская дорога. VI. Казбек. Глава VII — «Волга» — выпадает из кавказского цикла. Отрывки из книги под заглавием «Кавказские впечатления» напечатаны в журнале «Красная Новь», 1928, № 4, стр. 75—113, и без всяких вариантов соответствуют тексту книги на стр. 57—67, 90—108 и 199—283. Несколько страниц из записи 10 и 14 мая 1927 г. вошло в литературно-художественный сборник «Поэты и писатели СССР—Грузии» (Тифлис, «Заккнига», 1931, стр. 117—126).

Дополнением к грузинским впечатлениям «Ветра с Кавказа» является написанный в июне 1928 г. очерк «Армения» («Красная Новь», 1928, № 8, стр. 214—258) в составе восьми отрывков.

VII. МЕМУАРНЫЕ РАБОТЫ

Путевые впечатления, особенно отдельные места из германских и кавказских очерков, являются записью о виденном и пережитом и примыкают к мемуарным произведениям А. Белого.

СИЛУЭТЫ И НЕКРОЛОГИ

Едкие характеристики-шаржи, иногда явно портретные, имели место еще во «2-й симфонии». В «Арабесках» литературная характеристика писателей переплетается с художественными силуэтами их и этим еще больше приближается к мемуарным зарисовкам. Кроме «Арабесок» (1911), некоторые из них вошли в «Луг зеленый» (1910), часть рассеяна по газетам и журналам.

Неоднократно зарисовывал Белый свои юношеские встречи с Вл. С. Соловьевым: впервые в статье «Апокалипсис в русской поэзии» («Весы», 1905, № 4, и «Луг зеленый», стр. 223—225) и в очерке «Мы ждем его возвращения» («Свободная Совесть», I, М., 1906, стр. 160—163), затем «Владимир Соловьев. Из воспоминаний» («Русское Слово», 2 декабря 1907 г., и «Арабески»), отрывок «Вл. Соловьев» («Записки чудака», I, стр. 97—101, и «Записки Мечтателей», 1919, № 1, стр. 59—61), в художественной форме в поэме «Первое свидание» (1921) и потом в мемуарном цикле «Воспоминания о Блоке» и «На рубеже двух столетий». (С воспоминаниями о Вл. Соловьеве тесно сплетены воспоминания о его брате М. С. Соловьеве и жене брата О. М. Соловьевой.) Силуэт «Мережковский» («Утро России», 18 октября 1907 г.) вошел в «Арабески» и, значительно расширившись, видоизменился в «Воспоминаниях о Блоке» и в последующих томах воспоминаний. Так же обстоит дело и с силуэтами Бальмонта («Час», 21 ноября 1907 г., и «Луг зеленый», стр. 212—221), Вячеслава Иванова («Утро России», 2 октября 1910 г., и «Арабески», и осколок этого силуэта — в шуточном стихотворении «Случится то, чего не чаешь» в сборнике «Звезда»), Валерия Брюсова (газета «Свободная Молва», 21 января 1908 г. Из семи отрывков первые четыре перепечатаны в «Луге зеленом», стр. 195—205); Брюсову же посвящен «Портретный» цикл стихов в «Урне» и в «Зовах времен»; см. также некрологи Брюсова (журнал «Россия», 1925, № 4); М. О. Гершензона (журнал «Россия», 1925, № 5 (14). Без указания имени зарисован М. Эртель в этюде «Великий лгун» («Утро России», 12 сентября 1910 г.). См. также некрологи: С. Н. Трубецкого («Весы», 1905, № 9—10, стр. 79—80), Н. И. Стороженко («Весы», 1906, № 2, стр. 66), Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (в газете «Правда Живая», 26 октября 1907 г.) и В. А. Серова «Памяти художника-моралиста» («Русские Ведомости», 24 ноября 1916 г.). Из иностранных писателей Белым зарисованы силуэты «Пшибышевский» (газета «Час», 2 сентября 1907 г.)

и «Шолом Аш» («Час», 16 сентября 1907 г., перепечатан в «Литературном Календаре-Альманахе» Оскара Норвежского, П., 1908, стр. 83—88). Из политических деятелей Белый неоднократно писал о Жоресе — см. «Силуэты». I. «Жорес» (газета «Накануне», 6 июля 1907 г.) и продолжение этого неоконченного очерка: «Из встреч с Жоресом» («Час», 14 августа 1907 г.). В «Воспоминаниях о Блоке» опять изображен облик Жореса («Эпопея», 1922, № 3, стр. 199—202), а осенью 1924 г., вернувшись из Коктебеля, перед тем, как взяться за роман «Москва», Белый написал очерк «Воспоминания о Жоресе» (четыре страницы этой ненапечатанной машинописи, без затерявшегося окончания, находятся в архиве А. Белого в Литературном музее, см. «Опись архива», п. 13). Позже появилась отдельная главка из третьего тома воспоминаний «Жан Жорес» («Новый Мир», 1933, № 10).

АВТОБИОГРАФИИ

К силуэтам и зарисовкам Андрея Белого о ряде лиц надо прибавить записи о самом себе, автобиографические сведения и справки. Первая из них напечатана в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия», под ред. М. Гофмана (изд.

АВТОШАРЖ АНДРЕЯ БЕЛОГО, 1927 г.
Собрание К. Н. Бугаевой, Москва

И. Вальфа. 1909, стр. 137),—факсимиле, затем «Автобиографическая справка» (до 1912 г.?) для критико-библиографического словаря С. А. Венгерова (в «Русской Литературе XX века», кн. VII, изд. «Мир», стр. 9—12, с портретом); «Автобиографическая заметка» в «Новой Русской Книге», 1922, № 1, стр. 38—40; автобиография (и библиография, неточная, с рядом фактических ошибок, составленная самим Белым) в сборнике «Литературная Россия», I, под ред. В. Лидина; «Новые Вехи», М., 1924, стр. 7—16, с портретом; примыкающий к автобиографии, но, по существу, дающий материал для «биографии творчества» очерк в сборнике «Как мы пишем», Издательство писателей в Ленинграде, 1930, стр. 9—23; и, наконец, последняя напечатанная при жизни Белого автозаметка «О себе, как писателе» помещена в переводе на польский язык в «советском» выпуске варшавского журнала «Wiadomosci Literackie», 29 октября 1933 г., № 47, с портретом.

Много биографического материала имеется также в неопубликованном «Комментарии Бориса Бугаева к первым письмам (переписки) Блока к Бугаеву и Бу-

гаева к «Блоку», составленном Белым в 1926 г., в связи с намечавшимся изданием части этой переписки, относящейся к 1903 — 1904 гг. (в частном собрании).

В 1932 г. изд. «Федерация» намечало к выпуску «Сто портретов советских писателей». Для этого неосуществившегося издания 12 ноября 1932 г. написана «Автобиография Андрея Белого». Кроме того, некоторые биографические материалы хранятся в Библиографическом кабинете при Доме советского писателя (Москва).

ВОСПОМИНАНИЯ

1. «ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКЕ»

Перечисленные силуэты, портреты, биографии, при неуклонном стремлении А. Белого к автобиографии на фоне эпохи, получили первый разворот в художественном преломлении трилогии: «Котик Летаев», «Записки чудака», «Крещеный китаец» и в поэме «Первое свидание» (1921). Война и вслед за ней революция положили грань между «началом века» и новой эпохой, а смерть А. Блока (7 августа 1921 г.) — сверстника, друга, «врага» и опять друга,— всеми идейно-духовными, литературными и биографическими притяжениями и отталкиваниями связанного с Белым, провела итоговую черту и дала толчок к «реальным» воспоминаниям об ушедшем человеке и отошедшей эпохе.

Впервые А. Белый выступил с речью о Блоке 28 августа 1921 г. (в восемьдесят третьем открытом заседании ВФА,— см. «Памяти Александра Блока», П., ВФА, стр. 5—34), а через некоторое время, в конце сентября — начале октября (1921),—на двух вечерах в той же ВФА с воспоминаниями о Блоке. Воспоминания эти читались Белым и в Москве и напечатаны в сборнике «Северные дни», П.-М., 1922, стр. 131—155, а потом, в переработанном и расширенном виде, под заглавием «Воспоминания об А. А. Блоке»,— в журнале «Записки Мечтателей», 1922, № 6, стр. 5—122. Здесь они составились из четырех глав: I. Эпоха до первой встречи (в ней приведен текст писем Блока к Белому от 3 января и 18 июня 1903 г., стр. 17 — 19, 25 — 28). II. А. А. Блок в Москве. III. Шахматово. IV. Петербург и заключение. В заключении автор указывал, что «Воспоминания», охватывающие период 1898—1905 гг., являются первой главой (частью) воспоминаний, две другие, ненаписанные, должны отобразить периоды 1905 — 1907 гг. и 1910 — 1921 гг. так, чтобы в них встали три фазы встреч с Блоком: «утопической», «трагической» и «спокойно-трезвой, мужественной». Продолжение было написано, первые главы переработаны, значительно расширены, и новые очерки под тем же заглавием «Воспоминания о Блоке» напечатаны в журнале «Эпопея», изд. «Геликон», Берлин, 1922, №№ 1, 2, 3, и 1923, № 4, главы I—IX. Записи о самом Блоке и встречах с ним перемежаются с исследованием блоковских стихотворений со стороны внутреннего их смысла и даже ритма (см. гл. VI, стр. 202—247 — о ритмах «Нечаянной Радости», и стр. 222—223 — о «Стихах о Прекрасной Даме»); образ Блока дается в связи с событиями и людьми; развертывающийся фон перерастает центральную фигуру воспоминаний.

В «Эпопее», № 4, апрель 1923 г., напечатано письмо Белого «В книгоиздательство «Геликон». А. Вишняку», с заявлением о выходе из состава редакции журнала; этот номер «Эпопеи» оказался последним. Вместе с ним прекратились и «Воспоминания о Блоке».

2. «НАЧАЛО ВЕКА» (1923)

Последние, прекратившись, как записи о Блоке, развернулись в цикл воспоминаний об эпохе, в эпопею о начале XX в., тесно связанную с «Моей жизнью», с биографией Белого. В течение декабря 1922 г. и первой половины 1923 г. Белый написал для изд. «Эпоха» три тома «Начала века» [82], объемом в 70—75 печатных листов, совершенно переработав и втрое увеличив первые четыре главы «Воспоминаний о Блоке». «Блок стал лишь предлогом к воспоминаниям. Вся переработка пошла в сторону интимных воспоминаний» («Опись архива А. Белого»,

п. 8). Первый том отображал эпоху раннего символизма, второй — 1905—1908 гг., третий— 1908 — 1912 гг. Намечались еще два тома: четвертый 1912 — 1916 гг.— «очерк быта Европы, а также духовных течений Европы перед войной и в первые годы войны» («Написанные и ненапечатанные рукописи А. Белого», п. 5); пятый том должен был отобразить революционный период 1917—1921 гг. Первый том был набран в Берлине в 1922 г. и существовал в матрицах. Но, вследствие ликвидации изд. «Эпоха», весь материал остался ненапечатанным, и у Белого, уехавшего осенью 1923 г. в Россию, не сохранились ни гранки, ни рукописи первого тома. Пропала и половина второго тома, и в архиве имеются лишь вторая половина второго тома и целиком третий том.

Ни один из томов в редакции 1922—1923 гг. не появился в печати, за исключением: 1) девятого и десятого отрывков третьей главы третьего тома, которые опубликованы с некоторыми вариантами под заглавием «Из воспоминаний. 1. Бельгия. 2. Переходное время» в журнале «Беседа», под ред. Ф. Брауна и М. Горького, Берлин 1923, № 2; 2) очерка «Отклики прежней Москвы» в журнале «Современные Записки», Париж, 1923, кн. XVI (III),—часть отсюда в газете «Дни», Берлин, июль 1923 г., № 202; 3) очерка «Арбат» в журнале «Современные Записки», 1923, кн. XVII (IV); он помечен: «Гарцбург. Июнь, 1923» и сопровождается примечанием редакции: «Настоящий очерк представляет собою главу из книги воспоминаний А. Белого, подготовляемой к печати изд. «Эпоха». По возвращении А. Белого в Москву «Арбат» напечатан в журнале «Россия», февраль 1924 г., № 1 (10). Позднее, стилистически совершенно переработанный и сильно сокращенный, этот очерк вошел в печатный текст «Начала века», 1933, под заглавием «Старый Арбат» (стр. 98 — 107). По нему можно судить о той редакционной работе, которую впоследствии А. Белый проделал над текстом «Начала века» 1922 — 1923 гг.

В марте — апреле 1928 г. Белый написал «Почему я стал символистом». Эта работа, объемом в 134 стр., имела «вид автобиографии-дневника... Рукопись предназначалась для себя и нескольких друзей» (см. «Опись архива», п. 32).

3. «НА РУБЕЖЕ ДВУХ СТОЛЕТИЙ»

Вне связи со всеми напечатанными воспоминаниями А. Белый весною 1929 г. написал книгу «На рубеже двух столетий», охватывающую детский, гимназический и часть студенческого периода его жизни, с зарисовкой домашнего быта, профессорской среды, литературных и общественных течений. Художественное преломление воспоминаний этого тома дано в «Котике Летаеве», в некоторых главах «Записок чудака» (т. II) и в «Крещеном китайце».

«Эти мемуары,—писал впоследствии А. Белый,—я... строчил утром и вечером; работа над ними совпадает со временем написания; мысль о художественном оформлении ни разу не подымалась, лишь мысль о правдивости воспоминаний меня волновала» («Как мы пишем», стр. 10). Книга вышла в 1930 г. в изд. «Земля и фабрика» (5 000 экз.) и в 1931 г. переиздана тем же издательством (5 000 экз.) с небольшими исправлениями нескольких фактических погрешностей. Эта книга составила первый том воспоминаний Андрея Белого.

4. «НАЧАЛО ВЕКА» (1930—1933)

Во второй половине 1930 г. началась переработка текста «Начала века» 1923 г.: вместо «преждевременного интимного тона воспоминаний», в новой редакции «подчеркнут общественный момент» («Опись архива», п. 8). Но и этот текст, предназначенный для ГИХЛ, не появился в печати. В первой половине 1932 г. А. Белый опять переработал «Начало века», написал новое предисловие и «сильно изменил ряд главок книги» (там же).

По сравнению с «Воспоминаниями о Блоке» в журнале «Эпопея», а тем более в «Записках Мечтателей», в новой редакции заметно изменилось отношение автора к Блоку, и самый тон описания иной: более критический, иногда раздраженный и негодующий. Это замечалось уже в последних главах журнал

«Эпопея» и частично может быть объяснено переходом к изложению более поздних, скорее враждебных, чем дружеских, взаимоотношений с Блоком[33]; частично же тем, о чем писал впоследствии сам Белый в примечании к «Началу века»: «Переделывая в этом месте свои воспоминания, напечатанные в «Эпопее» в 1922 г., я включаю ряд реальных штрихов, неудобных к опубликованию в момент кончины поэта, когда мы, его любившие, были охвачены романтикой поминовения» («Начало века», стр. 335).

Еще определеннее об этом же в «Между двух революций»: «Образ же Блока эпохи ссор я не могу во имя хотя бы самоунижения, из донкихотства вычистить, чтобы он блестел, как самовар... стараюсь я исправить промах романтики первого опыта, «вспоминать» в сторону реализма» (стр. 5—6). Повлияли на «исправления» прежнего текста и некоторые материалы из дневников Блока и его писем к родным, неизвестные Белову в 1921—1923 гг. (см. «Начало века», стр. 295—297, 333—342). Но и в новой редакции «из всех зарисованных силуэтов менее всего удовлетворяет [автора] Блок... Мало с кем была такая путаница, как с ним; мало кто в конечном итоге мне так непонятен в иных мотивах; еще и не время сказать все о нем, не во всем я разобрался» (там же, стр. 8). Значительный материал к истории этих отношений заключается в упомянутом выше «Комментарии Бориса Бугаева» к переписке его с Блоком.

В противоположность Блоку, образ Брюсова и тон в отношении к нему при переработке текста резко изменились из отрицательных в положительные; положительнее зарисован Чулков; едче, злее — Мережковский, Гиппиус. Но и независимо от обрисовки людей эта третья редакция «Начала века» была, как указывал сам автор, «совсем другая, по тону, краскам и воспоминательным моментам».

Хронологически «Начало века» должно было охватить период с 1901 по начало 1905 г., но в ряде зарисовок автор нарушал эту грань, говоря о людях и событиях позднейших годов и даже послереволюционной эпохи. Об этом он писал: «Я не был уверен, что время позволит мне написать третий том; поэтому иные конфликты с людьми, разрешившиеся позднее, для цельности показываемых силуэтов рисовал в кредит» («Между двух революций», стр. 1).

«Начало века» появилось в ГИХЛ зимой 1933 г. (5 000 экз.). Отрывки из него опубликованы ранее под заглавиями: 1) «Из воспоминаний. Год зорь»—в журнале «Красная Новь», 1931, № 4 (с незначительными вариантами три отрывка из первой и третьей глав: «Год зорь», «Экзамены», «Смерть отца»); 2) «Из книги «Начало века» (I. Валерий Брюсов. II. А. Блок) — в журнале «Новый Мир», 1933, № 7 — 8 (с незначительными стилистическими разночтениями три отрывка из второй главы: «Валерий Брюсов», «Знакомство с Брюсовым», «Чудак, педагог, делец», и шесть отрывков из третьей главы: «Знакомство», «За самоварчиком», «Аргонавты и Блок», «Ахинея», «Шахматово», «Тихая жизнь»).

5. «МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ»

«Начало века» — второй том воспоминаний А. Белого — было последней книгой, вышедшей при жизни автора.

Ее продолжением является «Между двух революций», Издательство писателей в Ленинграде, 1934 (вышла в 1935 г., с 4 портретами, в количестве 5 500 экз.). Написанная в Лебедяни и в Москве в сентябре 1932 — марте 1933 г., эта книга была задумана под названием «Омут», в качестве первой части третьего тома. Название «Часть первая. Омут» было опущено издательством вне переговоров с автором, хотя основывалось на строках: «Надеюсь, читателю ясно заглавие этой части; шесть лет с середины 1905 г. до конца 1910 — есть прохожденье сквозь омут человека, засосанного им; прохождение через годы реакции, через горчайшие испытания личной жизни, через разуверенье в людях, через картины ужаса и бреда» («Между двух революций», стр. 404). Из «омута» старой, дореволюционной Москвы, где А. Белый не мог жить и работать, он и «бежал» в 1910 г. за границу.

По существу эта книга переросла размеры «части» и, обрывая события личной и внешней жизни на отъезде Белого за границу, составляет самостоятельный третий том воспоминаний.

Выше уже было отмечено, что ряд картин быта, литературных и личных встреч, относящихся к этому периоду, зарисован с забегом вперед в «Начале века», поэтому в «Между двух революций» все они опущены.

Два отрывка из этой книги появились до ее выхода в свет: 1) из третьей главы «Жан Жорес» — в журнале «Новый Мир», 1933, № 10, и 2) из пятой главы «Брюсов и я» — в газете «Литературный Ленинград», 8 октября 1934 г., № 51.

6. ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ

Окончание третьего тома воспоминаний помечено: «23 марта 1933 г.», а в сентябре 1933 г. А. Белый приступил к продолжению их. Название нового тома не было намечено даже предположительно, и сам Белый называл его по-разному: то «2-я часть III тома», то «Воспоминания, том IV-й». Отсутствует название и в сохранившемся черновом наброске плана, где намечен лишь порядок глав (четырех) и указаны названия входящих в состав глав отрывков.

А. Белый продиктовал К. Н. Бугаевой первоначальные черновики, используя в некоторых местах текст машинописи «Начала века» 1923 г. Периодически повторявшиеся, все усиливавшиеся приступы головных болей и — после удара 15 июля 1933 г. в Коктебеле — общее недомогание прерывали работу над четвертым томом и — оборвали ее окончательно. А. Белый успел продиктовать лишь две первых главы и начать их исправление. По его замыслу, они представляли собою «краткий пробег» по «Путевым заметкам» и по некоторым непереработанным для издания 1933 г. главам первой редакции «Начала века». С третьей главы должна была начаться часть воспоминаний, еще нигде не записанная. Из этой третьей главы не была продиктована ни одна строчка. Утром 2 декабря он закончил диктант последнего отрывка второй главы, вечером рассказывал, с чего нужно будет начать третью, а ночью со второго на третье начался новый приступ болезни, от которого он уже не оправился.

С работой над четвертым томом он очень торопился, стараясь «довести до конца» и этим томом закончить свою мемуарную серию.

VIII. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КРИТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО

В январе 1906 г., в письме к издателю «Скорпиона» С. А. Полякову, Белый предлагал к изданию сборник статей, а в начале апреля 1906 г. повторил предложение, сопроводив его списком 28 статей, из них — 2 ненаписанных, 1 — в процессе писания, 5 — задуманных. Однако, книги появились много позже и почти одновременно: в 1910 г. — «Символизм» (изд. «Мусагет», 14 статей 1902—1909), «Луг зеленый» (изд. «Альциона», 11 статей 1904—1909) и в 1911 г. — «Арабески» (изд. «Мусагет», 64 статьи 1904—1910). Ряд написанных и напечатанных статей остался вне этих книг и затерялся в газетах и журналах.

К 89 статьям, вошедшим в три книги, надо прибавить 118 статей, не включенных в книги: 46 статей и фельетонов и 72 рецензии; итого 207. Это только по 1910 г. включительно.

«СИМВОЛИЗМ», «АРАБЕСКИ», «ЛУГ ЗЕЛЕНЫЙ»

В «Символизме» были собраны статьи, выдвигающие вопросы, «тесно связанные с искусством, в частности с искусством современным» («Символизм», предисловие, стр. 1). Их предварял ряд статей, выясняющих отношение теории символизма к проблемам культуры, научной психологии и догматизму.

Ряд статей, написанных на те же темы, но в более импрессионистических тонах, или, как писал позже Белый: «Все конкретное, образное, афористическое», вошел в книгу статей «Арабески». Ее задача — на примерах конкретизировать те общие положения, которые намечены в «Символизме».

В «Арабесках» — четыре отдела: «Творчество жизни», «Символизм и современность», «Литературный дневник. На перевале» и «О писателях».

Несколько раньше «Арабесок» вышла книга «Луг зеленый» (изд. «Альциона», 1910), объединяющая одиннадцать статей о русской литературе. Заглавие книги заимствовано из стихотворения В. Брюсова «Орфей и Эвредика» (Вспомни, вспомни луг зеленый).

СТАТЬИ, ФЕЛЬЕТОНЫ И РЕЦЕНЗИИ 1902—1910 гг., НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГИ СТАТЕЙ АНДРЕЯ БЕЛОГО, И СТАТЬИ 1911—1912 гг.

Многочисленные критические и полемические статьи и заметки Андрея Белого периода 1903 — 1910 гг. рассеяны на страницах периодических изданий тех лет. Здесь отметим прежде всего ряд его выступлений, посвященных Александру Блоку.

Не вошли ни в одну из критических книг А. Белого рецензия на третий сборник стихов Блока «Земля в снегу» («Критическое Обозрение», 1908, № 6), а также ряд рецензий на различные сборники, в которых принимал участие Блок: «Проталина», 1907, и «Белые ночи», 1907 («Весы», 1907, № 7), «Цветник Ор», 1907 («Весы», 1907, № 6), и статья «О критических перлах» (газета «Раннее Утро», 5 декабря 1907 г.), заключающая ответ на статью А. Блока «О современной критике» (газета «Час», 4 декабря 1907 г.; см. Блок А., Собр. соч., т. X, 1935).

Впоследствии (1916) А. Белый написал большую статью «Поэзия Блока» (сборник «Ветвь», 1917,—вошла в сборник статей «Поэзия слова», «Эпоха», 1922) и в ней отметил, что был особенным ценителем Блока в период «Стихов о Прекрасной Даме» и «убежденно высказывал свое противление в эпоху 1906—1908 гг.». После смерти Блока из отрывков этой статьи была составлена заметка «Муза Блока» в журнале «Знамя», 1921, № 10 (12),— составителем этой заметки был редактор литературного отдела журнала «Знамя». Статья «Кончина А. А. Блока» («Записки Мечтателей», 1921, № 4), написанная Белым под первым впечатлением смерти Блока, в несколько переработанном виде составила вводную часть, предисловие к «Воспоминаниям о Блоке» в журнале «Эпопея», 1922, № 1. Тогда же произнесенная речь о творчестве Блока вошла в сборник «Памяти Александра Блока», изд. ВФА, П., 1922. И, наконец, много о Блоке во всех томах воспоминаний А. Белого.

В 1925 г. в сборнике «Современная литература», изд. «Мысль», напечатана статья Белого «Снежная маска» А. Блока» (она составлена не автором, а редактором сборника из отдельных отрывков «Воспоминаний о Блоке» в журнале «Эпопея», 1922, № 3).

Многочисленны статьи философского характера, примыкающие к первому разделу книги «Символизм»: 1. О теургии («Новый Путь», 1903, № 9), 2. О пессимизме («Свободная Совесть», I, 1906), 3. Общественная совесть (там же), 4. О субъективном и объективном («Свободная Совесть», II), 5. Религиозное основание индивидуализма (там же), 6. Принцип современной эстетики («Зори», М., 1906, №№ 6 — 10), 7. Метод символизма («Русский Артист», 9 декабря 1907 г).

Полемические статьи: 8. Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам («Хроника журнала «Мир Искусства», 1903, № 15), 9. Идеалисты и «Новый Путь» («Весы», 1904, № 11), 10. О проповедниках, гастрономах, мистических анархистах и т. д. («Золотое Руно», 1907, № 1), 11. Иван Александрович Хлестаков («Столичное Утро», 18 октября 1907 г.), 12. Автомат («Студенческая Речь», 22 ноября 1907 г.), 13. Из журналов («Весы», 1908, № 10, под псевдонимом В. Быков), 14. Великий лгун («Утро России», 12 сентября 1910 г.), 15. Об идейном искусстве и презрительном «Терсите» («Русская Мысль», 1911, № 12).

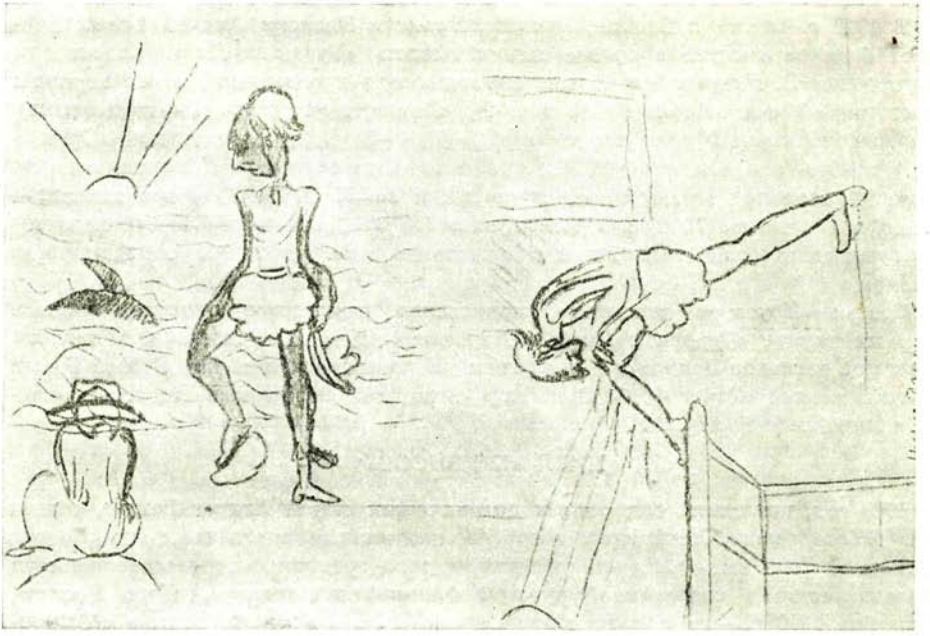
Несколько статей, связанных с вопросами общественности: 16. Социал-демократия и религия («Перевал», 1907, № 5), 17. Кумир на глиняных ногах («Перевал», 1907, 8 — 9), 18. Притча о смерти («Правда Живая», 27 октября 1907 г., № 2), 19. Каменная исповедь («Образование», 1908, № 8), 20. Правда о рус-

ской интеллигенции («Весы», 1909, № 5), 21. Московские письма. I. Современная молодежь («Киевская Мысль», 13 июня 1909 г.).

Некрологи: 22. Герберт Спенсер («Весы», 1904, № 1), 23. С. Н. Трубецкой («Весы», 1905, № 9—10), 24. Николай Ильич Стороженко («Весы», 1906, № 2), 25. Эдуард фон-Гартман («Весы», 1906, № 7), 26. Зиновьева-Аннибал («Правда Живая», 26 октября 1907 г., № 1), 27. Дорогой памяти Ю. А. Сидорова (см. Юрий Сидоров, Стихотворения, М., 1910, стр. 9—12).

Об иностранных писателях-беллетристах, кроме уже упомянутых рецензий о «Драме жизни» К. Гамсуна («Новый Путь», 1903, № 2) и о «Дневнике Бодлэра» («Перевал», 1907, № 6), есть только одна неперепечатанная заметка — 28. О «Саломее» О. Уайльда («Весы», 1904, № 1).

Ряд рецензий о русских писателях и поэтах, среди них не мало полемических: 29 — 30. Л. Вилькина, 31. А-др Галунов, 32. С. Городецкий, 33. Л. Зиновьева-



АВТОШАРЖ АНДРЕЯ БЕЛОГО, 1927 г.
Собрание К. Н. Бугаевой, Москва

Аннибал, 34. Петр Кожевников, 35—36. М. Кузмин, 37. А. Л. Миропольский, 38—39. Сергей Соловьев (две рецензии,— одна за подписью: В. Быков), 40—43. Г. Чулков.

Рецензии на литературные сборники: 44. «Северные Цветы Ассирийские», М., 1905, 45. «Шиповник», кн. I и II, 46. «Проталина», I, и «Белые ночи», 1907, 47. «Цветник Ор», 1907, 48. «Северные Цветы на 1911 г.».

Рецензии на книги научные, по вопросам философии, психологии и пр.[34]: 49. В. Викторов, 50. Г. Корнелиус, 51. О. Кюльпе, 52. Две замечательные книги (Челпанов, Проблема восприятия пространства, ч. II, и Виндельбанд, Прелюдии), 53. Л. Аксельрод, 54. Введение в философию Г. Спенсера, 55. В. Виндельбанд, 56. В. Вундт, 57. Г. Риккерт, 58. Г. Челпанов, 59. И. Скартаццини, 60. В. Оствальд, 61. И. Парфентьев, 62. В. Виндельбанд, 63. Сборник по философии естествознания, 64. К. Форлендер, 65. Н. Морозов, 66. Г. Христиансен, 67. Э. Бутру. Рецензии на книги по социальному вопросу: 68. А. Бебель, 69. А. Менгер, 70. Ж. Жорес, 71. К. Каутский, 72. К. Маркс, 73. Л. Олстон, 74. Э. Вандервельде, 75. Е. Аничков, 76. П. Знаменский, 77. А. Луначарский.

В 1910 г. закончился для А. Белого период сотрудничества в газетах: закрылись «Весы», не было ни «Золотого Руна», ни «Перевала», и вместе с ними кончились годы полемики. В 1911 г. вышла его небольшая книга о Достоевском и Толстом под заглавием «Трагедия творчества» (изд. «Мусагет», 1 000 экз.); в нее вошли статья «Лев Толстой», напечатанная в журнале «Русская Мысль», 1911, № 1, и отвергнутая этим журналом статья о Достоевском. В октябре 1910 г. А. Белый сообщал Блоку: «1-го ноября... читаю в [религиозно-философском] Об-ве доклад «Трагедия творчества у Достоевского» (письмо без даты, с пометкой Блока: «осень, 1910»). Другая статья о Толстом «Лев Толстой и культура» вошла в сборник «О религии Л. Толстого», изд. «Путь», М., 1912. Впоследствии Белый вернулся опять к Толстому и написал о нем в 1920 г. большую статью «Лев Толстой и культура сознания» (116 листов), с анализом Толстого, как мыслителя; но работа была напечатана лишь в виде небольшого отрывка под заглавием «Учитель сознания (Лев Толстой)» в журнале «Знамя», М., 1920, № 6 (8)— перепечатана в берлинском журнале «Знамя», 1921, № 1 [35].

В 1912 г. вместе с Блоком, Вяч. Ивановым и Эллисом Андрей Белый принимает близкое участие в органе изд. «Мусагет» «Труды и Дни», редактором которого был Э. Метнер. Там напечатано несколько произведений этого периода: две статьи «О символизме» (№№ 1 и 2), «Линия, круг, спираль — символизма», «Круговое движение (Сорок две арабески)» (№ 4—5), небольшие статьи—«Орфей» (№ 1) и «Нечто о мистике» (№ 2); кроме того, за подписью Cunctator, заметка о Вяч. Иванове под заглавием «О журавлях и синицах» (№ 1) и два диалога — «О двойной истине» (№ 2) и «Метафизика» (№ 3). Даже полемический характер некоторых мест отличается здесь сдержанностью по сравнению с предыдущим периодом.

Статья «Круговое движение», написанная импрессионистически, вызвала в том же номере «Трудов и Дней» «Открытое письмо А. Белому» Ф. Степуна с критикой взглядов Белого и с указанием на противоречия в них. В № 6 Белый напечатал резкий «Ответ Ф. А. Степуну», и на этом окончилось его сотрудничество в журнале.

ЦИКЛ «КРИЗИСОВ»

1909 год, последний год острых полемических статей Андрея Белого, совпал с его работой над «Серебряным голубем», задуманным в аспекте темы «Восток или Запад». Тема им выдвигается в статьях того времени: «Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли» («Утро России», 15 октября 1910 г.,— по поводу сборника «Логос» и статьи В. Эрна в «Московском Ежегоднике») и «Россия» («Утро России», 18 ноября 1910 г., перепечатана в журнале «Интеллигент», 1911, № 1).

Работой над «Петербургом» полны ближайшие годы; за ними наступает мировая война. Для Белого, находящегося за границей и вступившего в полосу жизни, связанную с антропософским мировоззрением, это уже период не газетных и журнальных статей, а записей для себя — в дневнике. Мысли этих годов взволнованы войною: «Война слишком на мне отразилась; месяца два был совсем, как больной. Только теперь оправляюсь, стараясь отвлечь внимание от преследующей мысли: кровь льется», — пишет он матери 8 декабря (25 ноября) 1914 г. (ГЛМ). И затем: «Вот сейчас я пишу, а «гром» — непрерывен... Так гремело всю зиму, всю осень, все лето, всю весну, всю прошлую зиму, всю прошлую осень... [Под обстрелом] не дом, не окрестность, не даже кантон, не страна; вся культура...» («Кризис жизни», 1918, стр. 36—37 и 16). В 1916 г. отрывки из «дневника мыслей» появляются в петербургской газете «Биржевые Ведомости» цепью статей: 15 марта — «Гремящая тишина»; 17 марта — «Горизонты сознания»; 30 марта — «Кризис жизни»; 7 апреля — «Природа»; 22 апреля — «У немецкой границы»; 22 мая—«Современные немцы»; 23 июня—«О злободневном и вечном»; 6 июля— «Восток или Запад»; 17 августа — «Мертвые города»; 23 августа — «Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии». Часть из них, в перерабо-

танном виде, вошла в цикл фрагментов «Восток или Запад» (сборник «Эпоха», I, 1918, изд. «Альциона») [36]; фрагменты этого цикла полностью включены в книги «Кризис жизни» и «Кризис мысли». К ним примыкают три статьи в газете «Жизнь» 1918 г.: 4 мая — «Верное знание», 12 мая — «Жизнь», 9 июня — «Кризис жизни и творчества», и статья «Священная Россия» в газете «Россия», М., 7 июня 1918 года.

Все это послужило подготовительным материалом к циклу «Кризисов», под общим серийным названием «На перевале», принятым Белым еще в «Весах». Первая часть из этого цикла («На перевале. I. Кризис жизни», изд. «Алконост», П., 1918, 3 000 экз.) датирована 1916 г. (Предисловие — М., июль 1918 г.); вторая («На перевале. II. Кризис мысли», изд. «Алконост», П., 1918, 2 000 экз.) — «Дорнах — Москва, 1916—1917»; третья («На перевале. III. Кризис культуры», изд. «Алконост», П., 1920) — «Базель — Дорнах — Москва. 1912—16—18». Отрывки 49, 50 и 52 «Кризиса культуры» переработаны из статьи «Линия, круг, спираль—символизма» (см. выше), и ряд отрывков в измененной редакции соответствует «арабескам» статьи «Круговое движение» (см. выше).

В 1922 г. вышел немецкий перевод «Кризиса мысли» (Andrei Biely. Auf der Wasserscheide. Band 2. Die Krisis des Gedankens. Einzige autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von H. Bidder. Verlag «Der Kommende Tag», Stuttgart, 1922); обещанный в проспекте издательства перевод остальных частей не появился.

В 1923 г. все три части, без изменений, перепечатаны в одном томике («На перевале. I. Кризис жизни. II. Кризис мысли. III. Кризис культуры». Берлин-П.-М., изд. З. И. Гржебина, стр. 199).

В перечне сочинений А. Белого, напечатанном в изданиях «Алконоста», объявлен «готовящимся» четвертый выпуск «На перевале»: «Кризис слова», но никаких признаков его не сохранилось. Тематически его могли составить и «Жезл Аарона (О слове в поэзии)», — сборник «Скифы», I, 1917, и «Глоссолалия. Поэма о звуке» (изд. «Эпоха», Берлин, 1922). Именно этой поэмой, по плану 1920 г., замыкается шестнадцатый том Собрания сочинений, включающий все три «Кризиса» и ряд небольших статей и озаглавленный «Кризис сознания».

В качестве четвертого выпуска «Кризисов» в архиве А. Белого сохранился «Кризис сознания» — 120 фрагментов, написанных в 1920 г. (оглавление его приводится в списке «Написанных и ненапечатанных рукописей А. Белого», п. 2). В предисловии к «Кризису жизни» (1918) говорится, что «Кризис сознания» составляют отрывки из швейцарского дневника 1915—1916 гг. В «Описи архива А. Белого» о «Кризисе сознания» сказано: «Недостача бумаги и отъезд за границу препятствовали своевременному появлению в свет. Позднее идеологическая позиция автора изменилась». Там же указывается, что том «Кризис сознания» должен был быть составлен из пяти отделов: четырех «Кризисов» и статьи «Лев Толстой и кризис сознания». Тема эта интересовала Белого. В «Раккурсе дневника» (ГЛМ) он упоминает о работе над Толстым в марте 1919 г.; в марте 1920 г. на тему «Толстой и культура» Белый прочел лекцию в Вольной философской ассоциации в Петербурге, а в июле занес в дневник: «По ночам... читаю... Толстого... Готовлюсь к переработке статьи в... книжечку»; в августе опять: весь месяц «пишу... о Толстом... Начинаю писать «Кризис сознания». 25 августа 1920 г. состоялась лекция Белого в Политехническом музее в Москве под заглавием «Кризис сознания и Лев Толстой», а 20 ноября 1920 г. — «Толстой как учитель сознания», доклад на торжественном заседании (в Московской консерватории) по поводу десятилетия со дня смерти Толстого. Рукопись лекции, прочитанной в ВФА, сохранилась в архиве Белого (ГЛМ); намерение переработать ее в книгу «автор оставил» (см. «Опись архива», п. 5), и в печати появился лишь небольшой, указанный выше отрывок: «Учитель сознания (Лев Толстой)». Возможно, что под заглавием «Лев Толстой и йога» он предназначался для включения в состав неосуществившегося переиздания «Арабесок» (план 1920 г., т. XIV).

В плане 1925 г. статья «Лев Толстой и кризис сознания» включалась в т. XII «Луг зеленый»; а т. XIII «Кризис сознания» намечался в составе двух отделов:

I. Четыре «Кризиса»; II. «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности». Последняя работа (1916), с подзаголовком «Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гете», вышла в изд. «Духовное знание», 1917 (на обороте титульного листа — 1916).

На гносеологическую же тему в том же 1916 г. написана небольшая книга А. Белого «О смысле познания» (изд. «Эпоха», П., 1922, 3 000 экз.). В газетах того времени попадаются объявления о публичных лекциях Белого «Творчество мира» (см. А. Рогожин,—«Биржевые Ведомости», 20 февраля 1917 г.) и сообщения, что он работает над рукописью большого сочинения «О науке» и заканчивает брошюру «Логика и теория знания» («Утро России», 14 января 1917 г.). Сочинения Белого под такими именно названиями неизвестны, но в архиве его хранится ненапечатанная машинопись «О проблеме знания и познания» (ГЛМ), написанная в Швейцарии в 1914 г. и составляющая первую из четырех частей задуманной книги. Позже, в 1922 г., для изд. «Эпоха», собиравшегося издавать в Берлине серию «Мыслители о своем credo», Белый написал статью «Основы моего мировоззрения», «резюмирующую ретроспективно взгляды автора эпохи 1914—21 гг.»; она также осталась ненапечатанной («Опись архива», пп. 9 и 10). Сюда же надо отнести статью на немецком языке «Die Anthroposophie und Russland» (журнал «Die Drei», Stuttgart, 1922, Heft IV, V), посвященную, с одной стороны, теории познания штейнерианства, с другой — идеям Вл. Соловьева, Блока и философскому мировоззрению Герцена.

По существу, все статьи А. Белого общего содержания, написанные в это время, являются вариациями на тему «Кризис культуры». К числу таких произведений относятся брошюра «Революция и культура» (изд. Лемана и Сахарова, М., 1917), статья «На перевале. I. Весенние мысли. II. Революция и сознание современности» (журнал «Наш Путь», 1918, № 2) и непосредственно примыкающие к серии «кризисов» афоризмы 1920 г. «Проблема культуры» (альманах «Струги», кн. I, изд. «Манфред», Берлин, 1923).

Одновременно с этим появляется потребность переосознать себя, как писателя, — тема кризиса «писательства»: «Себе самому поперек своей жизни я встал, как писатель... Осуществленная моя жизнь — жизнь писателя — лишь одна из возможностей» («Записки Мечтателей», 1919, № 1, стр. 45—46). Так зародились «Записки чудака» Леонида Ледяного. И так появился «Дневник писателя» Андрея Белого.

В это время написаны: «Записки Мечтателей» — предисловие к журналу «Записки Мечтателей», 1919, № 1; отрывок отсюда под заглавием «Коммуна мечтателей» напечатан в журнале «Знамя», 1920, № 2 (4); «Прыжок в царство свободы» («Знамя», 1920, № 5 (7); перепечатано: «Знамя», Берлин, 1921, № 2); «Утопия» («Записки Мечтателей», 1921, № 2—3, за подписью: Alter ego); «Так говорит правда» («Записки Мечтателей», 1922, № 5) и «Дневник писателя» («Записки Мечтателей», 1919, № 1, 1921, № 2—3). По существу, об этом же статьи «берлинского периода»: «Культура в современной России» и «Вольная философская ассоциация» («Новая Русская Книга», 1922, № 1); «О духе России и «духе» в России» («Голос России», 5 марта 1922 г.; перепечатано в журнале «Новая Россия», Л., 1922, № 2); «Эпопея» — вступление к журналу «Эпопея», 1922, № 1; предисловие к «Московскому Альманаху», Берлин, 1922; «О России в России и о «России» в Берлине» («Беседа», 1923, № 1), и даже ответ на мелкую анкету журнала «Веретеныш», 1922, № 3: «Мы идем к предощущению новых форм». Об этом же написанный по возвращении из-за границы «Дневник писателя. Ритм жизни и современность» («Россия», 1924, № 2) и еще позже «Дневник писателя. Литература и недра быта» («Новая Россия», 1926, № 3).

К той же теме «Кризисов» примыкает оставшийся в черновых эскизах, незаконченный труд Белого «История становления самосознания», задуманный, как очерк по истории и философии культуры. В перечне «написанных и ненапечатанных рукописей», в отделе «недоработанные черновики», приводится оглавление этой работы 1926 г., зерно которой в швейцарском «дневнике мыслей» и в «Кри-

зисах» жизни, мысли, культуры; самая же тема встала для Белого гораздо раньше — в 1906 г., во время его первой заграничной поездки (см. «Между двух революций», стр. 114).

РАБОТЫ О ПОЭЗИИ, ЯЗЫКЕ, РИТМЕ

О творчестве языка, о смысле и значении слова А. Белый напечатал в «Символизме» статью «Магия слова» (читалась в виде реферата в «Об-ве свободной эстетики» в 1909 г.). На эту же тему «Мысль и язык (философия языка А. Потебни)» — «Логос», сборник II, 1911.

В этот же период Белый писал А. М. Кожебаткину: «Думаю дать Вам статьи о лирике Пушкина, Тютчева и Баратынского. Собираю данные» (письмо 3 июня 1910 г.). Материалы к этой теме есть в книге «Символизм»; доклад об эпитетах, сравнениях и метафорах у этих писателей прочитан Белым 28 января 1912 г. (см. «Труды и Дни», 1912, № 2, стр. 26); специальная же исследовательская работа под заглавием «Пушкин, Тютчев, Баратынский в зрительном восприятии природы» напечатана в «Биржевых Ведомостях» 20 июля 1916 г. и вместе с уже упомянутыми статьями «Вячеслав Иванов» (1915) и «Поэзия Блока» (1916) вошла в книгу «Поэзия слова» (изд. «Эпоха», П., 1922, 3 000 экз.). Большая статья 1917 г. «Жезл Аарона (О слове в поэзии)» напечатана в сборнике «Скифы», I, 1917. В ней развиты общие положения статей, вошедших в состав «Поэзии слова», и, дополнительно к Тютчеву, Пушкину, Блоку, исследована поэтика Клюева. О нем же «Песнь солнценосца» («Скифы», сборник II, 1918). В 1917 г. написана и «Глоссолалия» (изд. «Эпоха», Берлин, 1922. На обложке опечатка: «Глоссалолия»). В основу этой «поэмы о звуке» (таков подзаголовок «Глоссолалии»), в соответствии со взглядами А. Белого, положено интуитивное выявление сущности звуков. Брюсов писал о ней, как о «безудержном скитании в области произвольных фантазий и субъективных пристрастий», считая недопустимым и ненужным установление «параллелей между творчеством языковым и всем мирозданием» («Печать и Революция», 1923, кн. III, стр. 246). Субъективно, в плане творчества самого Белого, эта «поэма о звуке» нашла, однако, подтверждение.

В это же время Белым написаны отзывы: «О стихах Александровского» и о «Цветах восстания» А. Поморского («Горн», 1918, № 1); в последующие годы появились две статьи о стихах В. Ходасевича: «Рембрандтова правда в поэзии наших дней» («Записки Мечтателей», 1922, № 5) и «Тяжелая лира и русская лирика» («Современные Записки», Париж, 1923, кн. XV (II); а в самые последние годы — «Поэма о хлопке» («Новый Мир», 1932, № 11, о поэме Г. Санникова «В гостях у египтян») и «Энергия» («Новый Мир», 1933, № 4, о романе Ф. Гладкова).

ТРУДЫ ПО СТИХОВЕДЕНИЮ

Начиная со статей в «Символизме», написанных в 1909 г., А. Белый, в сущности, не прекращал работ по изучению стиха, исследуя ритмы и поэтику, участвуя в специальных кружках. В статье 1909 г. о Бодлере, в отличие от работ более ранних, отдельная глава посвящена Белым форме лирики и ритму этого поэта («Арабески», стр. 252—255).

28 января 1912 г. в заседании «Об-ва ревнителей художественного слова» А. Белый сделал сообщение о работе по исследованию пятистопного ямба в московском кружке, изучающем ритм русских поэтов по методу «Символизма». Там же говорилось о дальнейшем развитии этого метода и об изобретенном А. Барановым (Д. Рем) новом приеме вычисления кривых (см. Недоброво Н. В., Об-во ревнителей художественного слова в Петербурге,— «Труды и Дни», 1912, № 2, стр. 24—26); в архиве А. Белого сохранилась рукопись ненапечатанного учебника, составленного ритмическим кружком, работавшим под его руководством («Опись архива», п. 18).

В последующие годы работа над изучением ритмов и поэтики Пушкина,

Баратынского, Тютчева, Фета, Блока, Белого и др. продолжалась: часть ее вошла в книгу «Поэзия слова», часть не использована и осталась в Дорнахе после отъезда Белого оттуда (1916), часть сохранилась в архиве Белого («Опись архива», п. 18).

В 1917 г. Белый написал большое исследование «О ритмическом жесте». В эти же годы он читал лекции, проводил курсы по теории стиха и, в связи с работой и руководством в Литературной студии Пролеткульта, кроме указанных отзывов о стихах Александровского и Поморского, написал две статьи: «О художественной прозе» («Горн», 1919, кн. II—III) и «О ритме» («Горн», 1920, № 5). В первой анализируется ритм прозы на произведениях Пушкина и Гоголя и дан вывод: «Проза — тончайшая, полнозвучнейшая из поэзий» (стр. 65); вторая — о ритме стихов на материале стихотворений Пушкина, Батюшкова, Блока и пролетарского поэта Н. Полетаева. Сюда же относится «Будем искать мелодии» (июнь 1922 г.), вступительная статья к сборнику стихов Белого «После разлуки», и много позже, в 1930 г., страницы 9—11 в предисловии к роману «Маски» (изд. 1932 г.).

Книга «О ритмическом жесте»[37] была переработана в 1921 г. и передана издателю Г. Б. Городецкому, но осталась ненапечатанной. Главную часть ее составляли определения ритмического жеста и многочисленные примеры ярко выраженной у крупных поэтов и не ярко выраженной у второстепенных ритмической кривой.

В 1927 г. Белый снова подошел к этой теме, исследуя ритмы отдельных стихотворений разных поэтов и поэмы Пушкина «Медный всадник». В «Ветре с Кавказа», под датой 13 июня 1927 г., записано: «Все эти дни вычисляю ритмический жест; «Медный всадник», исчисленный строчка за строчкой, простерт на полу в виде острых зигзагов кривой, занимающей около двух саженей» (стр. 147); и дальше: «Выходит моя книга «Кривая ритма и «Медный всадник» (стр. 194). В апреле 1928 г. Белый приготовил для журнала «Красная Новь» статью «Ритмический жест в диалектическом методе», но она не была напечатана; рукопись ее под заглавием «Принцип ритма в диалектическом методе» сохранилась в архиве Белого и характеризуется им, как «предисловие к непоявившемуся в свет исследованию о ритме» («Опись архива», п. 11).

В следующем году, после намеченных и отброшенных заглавий: «Ритм», «Проблема ритма», «Ритм, как проблема», «Ритм, как диалектика», «Диалектика ритма», вышла книга «Ритм, как диалектика, и Медный всадник. Исследование» (изд. «Федерация», М., 1929, 3 000 экз.). В приложении даны две статьи: 1. К вопросу о слуховой записи, 2. Пушкин и Петербург.

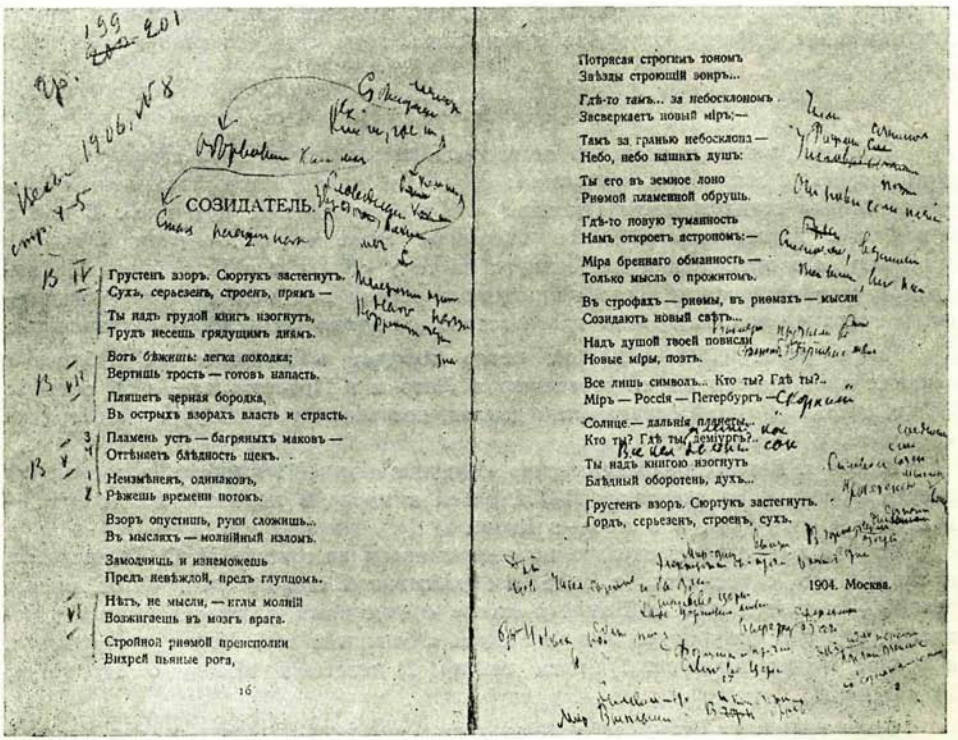
СЛОВАРЬ РИФМ

Андрей Белый неоднократно говорил, что при работе над стихами много ненужного времени уходит на отыскивание рифм: будь нужная рифма под рукой, это значительно облегчило бы труд автора, освободив его силы для другой, более существенной части работы. Такой словарь мог бы иметь, особенно для молодых поэтов, также и воспитательное и образовательное значение, пробуждая мысль и расширяя умственный горизонт.

Уже в конце 1902 г. — начале 1903 г. в Белом «пробуждается интерес к рифмам и к отдельным «словечкам» («Начало века», стр. 120). В 1909 г., в статье о Бодлере, он посвятил страницу рифмам Бодлера и, со ссылкой на работы французских исследователей (де-Банвиль, Кассань и др.), высказал предположение, что «быть может теория б о г а т ы х р и ф м, вызвавшая в Бодлэре умение противопоставлять несопоставимое, явилась лишь средством запечатлеть в форме его теорию соответствий» («Арабески», стр. 253). О рифмах же, в связи с «звуковым целым» стиха (инструментовкой, внутренними рифмами), А. Белый писал в неопубликованном предисловии от 27 февраля 1931 г. к неизданному тому стихов «Зовы времен».

В первой половине 1933 г. Белый начал подготовительные работы для свое-

го словаря рифм, задумав его очень широко и предполагая охватить при указании рифм все отрасли и виды искусства и науки, все новейшие достижения техники и т. д. Это должен был быть своего рода «пробег по культуре», для чего при своих предварительных, начатых едва ли не в шутку, записях Белый просматривал различные специальные указатели, альбомы и атласы — по этнографии, географии, математике, обществоведению, анатомии, медицине и проч., в первую очередь те, которые случайно оказывались под рукой. Но говорил, что впоследствии придется раздобывать материал у специалистов, походить по библиотекам, музеям и посидеть там над словарями, справочниками, каталогами. Он считал, что это работа спокойная, на годы, «лет на десять» — «для отдыха», в часы, когда голова устает, а мысль продолжает работать.



Грустенъ взоръ. Сюртукъ застегнутъ.
Сухъ, серьезенъ, строенъ, прямъ —
Ты надъ грудой книгъ изогнутъ,
Трудъ несешь грядущимъ днямъ.

Вотъ бѣжишь: легка походка;
Вертишь трость — готовъ напасть.
Пляшетъ черная бородка,
Въ острыхъ взорахъ власть и страсть.

Пламень устъ — багряныхъ маковъ —
Оттѣняетъ блѣдность щекъ.

Неизмѣненъ, одинаковъ,
Рѣжешь времени потокъ.

Взоръ опустишь, руки сложишь...
Въ мысляхъ — молнійный изломъ.

Замодишь и изнеможешь
Предъ невѣждой, предъ глупцомъ.

Нѣтъ, не мысли, — иглы молній
Возжигаешь въ мозгъ врага.

Стройной рифмой пресполни
Вихрей пьяные рога,

16

СОЗИДАТЕЛЬ.

Потрясая строгимъ тономъ
Звѣзды строющій эонъ...

Гдѣ-то тамъ... за небосклономъ
Засверкаетъ новый міръ;—

Тамъ за гранью небосклона —
Небо, небо нашихъ душъ:

Ты его въ земное лоно
Рифмой пламенной обрушь.

Гдѣ-то повую туманность
Намъ откроетъ астрономъ:—

Міра бреннаго обманность —
Только мысль о прожитомъ.

Въ строфахъ — рифмы, въ рифмахъ — мысли
Созидаютъ новый свѣтъ...

Надъ душой твоей повисли
Новые міры, поэтъ.

Все лишь символъ... Кто ты? Гдѣ ты?..
Міръ — Россія — Петербургъ —

Солнце — дальніе планеты...
Кто ты? Гдѣ ты, Деміургъ?..

Ты надъ книгою изогнутъ
Блѣдный оротенъ, духъ...

Грустенъ взоръ. Сюртукъ застегнутъ.
Гордъ, серьезенъ, строенъ, сухъ.

1904. Москва.

ДВЕ СТРАНИЦЫ ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА КНИГИ АНДРЕЯ БЕЛОГО «УРНА» С ПРАВКОЙ АВТОРА, 1929 г.

Собрание К. Н. Бугаевой, Москва

Он успел набрать груды записей, лишь небольшую часть которых систематизировал в предварительном «предчерновом» виде. В мае 1933 г., перед отъездом в Коктебель, составил вчерне же пробный отрывок (24 стр. в лист) рифмы на «ар» — своего излюбленного звукосочетания. В своих поисках рифм Белый нередко переходил к словообразованию и — по тому же принципу — выписывал ряд новых слов. Работа над словарем интересовала его, помимо основной рифмотворческой стороны, еще и как повод снова продумать принципы словообразований и на наглядных примерах показать подвижность и незакрепленность того, что принято считать установленным прочно. Он утверждал, что законов здесь нет, а есть только навыки уха, косность, шаблон; и если говорится: «диковина, штуковина», то вполне можно сказать и «собачевина»; а «облачонки, кулачонок, обла-

чишки, пестримый» имеют такое же право на существование, как «мальчонки, галчонок, людишки, любимый».

Словарь рифм не только не был закончен, но остался целиком в «сырье», в черновых заготовочных сводках, сделанных бегло, скорей как наметки для памяти, чтобы в будущем, если придется серьезно работать, по этим следам пойти дальше к корням языка.

15 августа 1933 г., при разборе своих бумаг, Белый приложил к собранным материалам по рифмам следующую пояснительную записку: «В период от января до мая 1933 г. делал попытки к началу составления словаря рифм; данный материал — пробные наметки; меня интересовала методология составления словаря. Здесь главным образом материал к мужским простейшим рифмам. Женские рифмы даны лишь в пробе; они — не разработаны. Отдельно: опыт составления рифм по звуку согласного, соединяющего (мужские, женские, дактилические и гипердактилические рифмы); взят для опыта лишь звук «эр» (гласные + «р» + гласные)».

ПУШКИН. ГОГОЛЬ

А. Белый много и усиленно исследовал ритмы пушкинских стихов во всех стиховедческих статьях «Символизма», и одна из них целиком посвящена «Опыту описания» стихотворения Пушкина «Не пой, красавица, при мне». В книге «Ритм, как диалектика» (1929) в отдельной главе изучается ритм «Медного всадника», а в приложении дан экскурс на тему «Пушкин и Петербург». По выходе в свет этой книги Белый продолжал работу над исследованием пушкинского стиха и исчислял кривые «Кавказского пленника» (исчисления сохранились).

Но и ранее (1918—1921) он много говорил о Пушкине на публичных лекциях и на курсах по стиховедению в Лито и в Пролеткульте, а 26 октября 1920 г. сделал (в Лито) специальный доклад, посвященный разбору стихотворения «Восстань, о Греция».

В 1925 г. Белый прочитал лекцию «Пушкин и мы», 11 февраля, в годовщину смерти Пушкина, на заседании ГАХН, затем в марте, в переработанном виде, — в студии «Петрушка», и в мае — в Киеве.

Первое выступление сделано по инициативе и настоянию М. О. Гершензона, и запись его сохранилась в виде необработанной стенограммы. «Хаос, вместо текста»,— характеризует ее Белый в списке «написанных и ненапечатанных рукописей», где она фигурирует под названием «Пушкин и мы». Кроме стенограммы, в архиве Белого имеются: 1) план лекции, 2) тезисы к «Слову о Пушкине», 3) конспект.

Одно время А. Белый исследовал также и прозу Пушкина и дал краткий метрический разбор нескольких отрывков из «Капитанской дочки» и «Романа в письмах» с выводом: «Проза Пушкина явно пульсирует ритмом, имеющим склонность оформиться и закрепиться в чеканности метра» (см. указанную выше статью «О художественной прозе», — «Горн», 1919). И еще раз вернулся к пушкинской прозе в очерке «Пушкин и Гоголь» первой главы своего последнего исследования «Мастерство Гоголя»[38].

Интерес к Гоголю у Белого никогда не прекращался, лишь отодвигаясь и временно заслоняясь другими его многочисленными и разносторонними интересами. В той же статье «О художественной прозе» вкратце намечен анализ рифмы, аллитерации и ассонанса у Гоголя. Постановка «Ревизора» в театре им. Мейерхольда произвела на Белого сильнейшее впечатление. 3 января 1927 г. он выступил на диспуте о «Ревизоре» (отчет «Известий ВЦИК», 5 января; «Красная Вечерняя Газета», 4 января; «Правда», 9 января 1927 г.), вскоре напечатал статью «Гоголь и Мейерхольд» (сборник «Гоголь и Мейерхольд», изд. «Никитинские субботники», М., 1927, стр. 9—38) и главкой «Гоголь и Мейерхольд» закончил «Мастерство Гоголя»; позже, в 1932 г., когда МХАТ им. Горького поставил «Мертвые души», Белый был несогласен с трактовкой театра, написал (27 декабря 1932 г.) об этой

постановке статью для «Вечерней Москвы» (не напечатана) и выступил в январе 1933 г. с докладом во Всероссkомдраме. Авторизованная запись доклада напечатана под заглавием «Непонятый Гоголь» в газете «Советское Искусство» 20 января 1933 г., № 4, с оговоркой редакции о «несогласии с некоторыми положениями и методологией т. Белого».

В 1928 г. А. Белый читал курс «О слове» для артистов театра им. Мейерхольда, в котором дал, между прочим, разбор структуры «Страшной мести» Гоголя, основанной на частицах «ни» и «не» (см. «Мастерство Гоголя», стр. 54—68). В конце 1930—начале 1931 г. он перечитывал «Страшную месть» и «Тараса Бульбу», особенно останавливаясь на приемах последнего, и, когда в июле 1931 г. представилась возможность написать книгу для ГИХЛ, Белый остановил свой выбор не на Толстом (был и такой проект), который интересовал его, как мастер композиции, сцепления множества мелких сценок в огромное, стройное целое «Войны и мира», — а на Гоголе. 12 августа 1931 г. Белый составил предварительный (впоследствии изменившийся) план книги для ГИХЛ, а 25 ноября писал из Детского Села Г. А. Санникову: «Работа разрастается так, что нет никакой возможности вогнать интереснейший материал в 12 печ. листов, ибо проделана работа на минимум 25 печ. листов (изучен Гоголь, рассортирован в 100 почти рубриках и выписаны цитаты); три месяца с половиной прошло лишь в чтении Гоголя, изучении сырья: жалко... комкать, когда в деталях вся сила».

Начатая в августе 1931 г. книга «Мастерство Гоголя» была закончена в апреле 1932 г.; вышла в изд. ОГИЗ-ГИХЛ весной 1934 г. (тираж 5 000 экз.), уже после смерти автора [39].

IX. РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДСТВО

Рукописное наследство Андрея Белого мы располагаем по разделам: Стихотворное наследство. Рукописи прозы. Исследовательские материалы. Биографические материалы. Разнородные материалы. Эпистолярное наследство.

Раздел стихотворного наследства, в свою очередь, образует две группы: 1) сборники, поэмы; 2) отдельные стихотворения. Раздел прозы образует четыре группы: 1) рукописи произведений ненапечатанных; 2) рукописи, сильно отличающиеся от печатного текста; 3) рукописи и черновики, в основном не отличающиеся от печатного текста; 4) черновики, первоначальные наброски.

Выше, при обзоре произведений писателя по отделам и видам его творчества, указаны не только напечатанные работы, но, попутно, для ясности круга его тем и циклов, охарактеризованы также и оставшиеся рукописи. Поэтому здесь можно ограничиться одним перечнем материалов, подробнее останавливаясь лишь на некоторых из них.

Большую часть своей жизни А. Белый провел в переездах, как по России, так и за границей. Рукописи он часто оставлял у друзей, у редакторов и издателей, на старых квартирах или же уничтожал и раздаривал. Таким образом, точное выяснение местонахождения его рукописного наследства представляется делом нелегким. Основная часть того, что сохранилось, находится: 1) в рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина (сокращенно—ВБЛ): рукописи, письма и другие материалы, переданные А. Белым в 1921 и 1928 гг., — около 7 000 лл.; 2) в Государственном литературном музее (сокращенно — ГЛМ): рукописи, рисунки, письма и пр., приобретенные у А. Белого в 1932 г.,— около 10 000 лл. и 3) в Библиографическом кабинете при Доме советского писателя (сокращенно — ДСП): главным образом, архив изд. «Скорпион» — около 400 лл. Отдельные рукописи имеются также в архивах издательств и в руках частных лиц. Краткая опись архива А. Белого в ГЛМ дана В. Д. Бонч-Бруевичем в заметке «Новые поступления в Центральный Литературный музей» («Литературное Наследство», 1933, № 7—8). В момент составления настоящего обзора производятся учет и описание материалов, имеющихся в рукописном отделении ВБЛ, и подготовляется бюллетень по архиву писателя в ГЛМ.

СТИХОТВОРНОЕ НАСЛЕДСТВО

1. СБОРНИКИ СТИХОТВОРЕНИЙ. ПОЭМЫ

В ГЛМ: 1) «Зовы времен» — первый том Собрания стихотворений, ред. 1931 г.,— 193 стихотворения. По указанию автора: 48 их них взяты из прежних сборников почти без изменений; 30 стихотворений — «с авторской легкой правкой. 61 стих. настолько переработаны, что сличить их с первоначальным текстом нельзя», а 54 стихотворения совершенно новые. К рукописи приложено «Предисловие к посмертному собранию стихотворений; и проект оглавления предполагаемого второго тома стихов» — «Звезда над урной» («Опись архива», п. 1) — 186 лл. (второй экземпляр этой рукописи — у К. Н. Бугаевой). 2) Собрание стихотворений в двух томах, подготовленное для изд. «Сирин» в 1914 г.— 184 стихотворения. 91 из них автографичны, остальные — вырезки из книг и машинопись, правленная автором. Рукопись неполная. Часть листов (в частности весь 1900 и 1908 гг.) была вынута автором весной 1921 г. для новой переработки стихов к намечавшемуся тогда изданию З. И. Гржебина, а конец второго тома был передан С. М. Алянскому для издания отдельной книгой под заглавием «Зовы» (в 1920 — 1921 гг.?). К рукописи приложен черновой материал по сведению отдельных стихотворений из «Пепла» и «Урны» в поэмы и циклы, 380 лл. 3) рукопись сборника «Пепел», приготовленная для второго издания 1929 г., 114 лл. У К. Н. Бугаевой: 4) рукопись сборника «Звезда» (60 полулистов), приготовленная для изд. «Альциона» и, за исключением стихотворения «Своему двойнику», напечатанная в Государственном издательстве в 1922 г. В рукописи отсутствует стихотворение «Христиану Моргенштерну» («Звезда», стр. 70), но имеется подзаголовок «Родине» и эпиграф:

И яркая зайснилась звезда —
Алмазная, алмазная Венера.

У Р. В. Иванова: 5) первый черновик поэмы «Первое свидание», 103 лл.

2. ОТДЕЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

В ВБЛ: ряд черных и беловых автографов 1898—1918 гг., среди них есть непоявлявшиеся в печати. В ГЛМ большую группу составляют стихотворения в письмах к А. Блоку за 1903—1906 гг. Все они, за исключением трех, вошли в сборники «Золото в лазури», «Пепел» и «Урна». Приводим их по этим сборникам, несколько изменив порядок расположения писем в архиве А. Блока, откуда они поступили в ГЛМ. В пределах года располагаем письма по следующему признаку: 1) письма, датированные Белым; 2) письма с пометкой Блока, указывающей год и месяц или время года получения письма; 3) письма с указанием только года.

В «Золото в лазури» вошли: в письме от 14 июля 1903 г.: 1) «Вечный зов», отр. 1—3, с вариантами в отр. 2; 2) «Начинание» — под заглавием «Мания», с вариантами; 3) «Смерть», отр. 1—2. В письме от 19 августа 1903 г.: 4) «Усмиренный», с вариантом; 5) «Золотое руно» — отр. 1; 6) «Великан» — отр. 4, с вариантом; 7) «Битва гигантов» — под заглавием «Битва», с вариантами; 8) «Старушка» — под заглавием «Воспоминание», с вариантами. В письме 1903 г., весна: 9) «Призыв», с вариантом; 10) «Как невозвратная мечта» — под заглавием «Ожидание», с вариантами; 11) «Владимир Соловьев», с вариантами; 12) «Старинный друг» — отрывок 2, с вариантами; 13) «Уж этот сон мне снился»; 14) «Пролетела весна» — под заглавием «Осень», с вариантами; 15) «Ласка» — в цикле «Бальмонту», отр. 3, с вариантами; 16) «Воспоминание» — под заглавием «Заброшенный дом», с вариантами; 17) «Встреча» — под заглавием «Менуэт», с вариантом; 18) «Объяснение в любви», с вариантами. В письме 1903 г., ноябрь: 19) «Кошмар среди бела дня», с вариантами и с датой: «1903 года, июль». В письме 1903 г.: 20) «А. Блоку» — в цикле «Блоку», отр. 3, с вариантами. В письме 1904 г.: 21) «Безумец», отр. 1—3, с вариантами и с датой: «февраль 1904 года».

В «Пепел» вошли: в письме 1904 г., весна: 22) «Успокоение» (*Ушел я раннею весной*) — в «Пепле» развито в два стихотворения: «Успокоение» и «В темнице» (второй автограф у Н. И. Сизова). В письме 1904 г., май: 23) «Воспоминание» — под заглавием «Арестанты», с вариантами; 24) «Покой безбрежный» — под заглавием «Изгнанник», с вариантами; 25) «Побег» — под заглавием «Странники», с вариантами. В письме 1904 г., осень: 26) «Бегство» — под заглавием «Шоссе»; 27) «На железнодорожном полотне» — под заглавием «На рельсах», с вариантами; 28) «Меланхолия» — переработано (второй автограф — на отдельном листе, см. ниже); 29) «На вольном просторе», без разбивки на строфы и с другим расположением строк. В письме 1905 г., весна: 30) «Раненый», отр. 1—2,— развито в два стихотворения: «Калека» и «Паук»; 31) «Пир» (*На буйном пире я шутил...*) — переработано.

В «Урну» вошло: в письме 1904 г., весна: 32) «Одинокий», с подзаголовком «Учителю и врагу», отр. 1—3; в «Урне» оно развито в три стихотворения: «Маг», «Созидатель», «Поэт» (второй, несколько измененный автограф — в архиве В. Я. Брюсова).

Не вошло в сборники: в письме от 15 апреля 1904 г.: 33) «Крыши, камни, пыль. Звучит...» — текст альманаха «Гриф», 1905, под заглавием «Попрошайка», с вариантами.

Не появлялись в печати: в письме 1904 г., май: 34) «Беззаботный» (*Полно сердцу томиться заботою...*), с шутливой подписью: «Писал Александр Яковлевич Сбелоброк», указывающей на подражание Блоку, Брюсову и Семенову (подпись относится также и к упомянутому выше стихотворению «Побег»). В письме 1906 г.: 35) «А. А. Блоку» (*Я помню — мне в дали холодной...*), с датой: «Париж, 7-го декабря».

На отдельных листах: 1) «Бессонница», с датой: «Январь, 1921» — текст «После разлуки» (шифр 34/2680); 2) «В поле» (*Чернеют в далях снеговых...*), с вариантами против текста «Урны» (шифр 3106); 3) «Меланхолия», с вариантами против текста «Пепла» и автографа в письме к Блоку (шифр 34/2656а, л. 37); 4) «Открылось! Весть весенняя...», помечено: «28 февраля, 1921 г.» — текст «Звезды» (первая строфа стихотворения «Чаша времени»; шифр 1276/23). В ДСП: «Христиану Моргенштерну» — текст «Звезды» (стр. 70). В Институте литературы (Ленинград.): три отрывка из поэмы «Первое свидание»: 1) «Там обесславленные боги» — гл. 1, строки 103—114; 2) «О, меланитовые очи» — гл. 1, строки 200, 199, 202, 201; 3) «Благонамеренные люди...», гл. 3, строки 331—346, с вариантами.

Несомненно, значительное количество автографов находится в руках частных лиц. В настоящее время удалось установить: у О. Н. Анненковой: «Воспоминание» — текст «Звезды»; в архиве В. Я. Брюсова, в письмах Белого: 1) «Старинному врагу» (*Ты над ущельем...*), с датой: «1904 года 9 февраля», с вариантами против текста журнала «Вопросы Жизни», 1905, № 3; 2) «Одинокий» — развито в «Урне» в три стихотворения: «Поэт», «Созидатель», «Маг» (второй автограф в письме к А. Блоку); 3) «Валерию Брюсову» — с датой отправления 25 ноября 1911 г., с вариантом против текста «Урны», где оно озаглавлено «Встреча»; у К. Н. Бугаевой: 1) «Исполняйтесь, огромные дни» — текст журнала «Рабочий Мир», 18 августа 1918 г., № 11; 2—5) записаны в плане 1925 г.: «Променад», с вариантами против текста «Золота в лазури»; «Весенний вечер» — вариация на тему стихотворения «Гроза на западе» («Золото в лазури») — не было напечатано; «Последнее слово... И снова...», с датой: «1899—1924» — не было напечатано; «Я чую по близости поступь гиганта...» — переработано из стихотворения «Пир» («Золото в лазури»); у Н. А. Григоровой: посвященное ей стихотворение «Карма» — текст «Звезды»; в архиве А. А. Кублицкой-Пиоттух: 1) «Каторжник», с вариантами против текста журнала «Золотое Руно», 1906, № 1, где оно озаглавлено «Беглый»; 2) «Поповна» — текст журнала «Золотое Руно», 1906, № 4, где оно озаглавлено «Поповна и семинарист» (оба вошли в «Пепел» с вариантами); 3) «Россия» (*Кипи, роковая стихия...*), с вариантами против текста «Звезды», где оно озаглавлено «Родине»;

в частном собрании: 1) «Вакханалия» — текст «Пепла»; 2—4) подлинник рукописи, с которой печатались в сборнике «Эпоха», I, 1918 (перепечатано в «Звезде»), три стихотворения: «Карма», «Современникам», «А. М. Поццо» (Глухой зимы глухие ураганы...); 5) «Лазурь»—автографическое издание «Книжной лавки писателей», М., 1920, с виньетками А. Б. (Андрея Белого) — текст «Звезды»; у Н. И. Сизова: 1) «Незнакомый друг», с вариантами против текста «Золота в лазури»; 2) «Успокоение» (Ушел я раннею весной...)—с подзаголовком «К Брюсову», с вариантами против текста «Пепла» (второй автограф в письме к А. Блоку); 3) «Да» (Далек твой путь...), с вариантами против текста «Урны», где оно озаглавлено «Я».

Черновые материалы по работе над стихами не сохранились, за исключением 2—3 тетрадей и набросков, начатых на полях книг: «Золото в лазури», «Пепел», «Урна» и др., а также на случайных листах, на оборотах рукописей, повесток, конвертов и пр. (рукоп. отд. ВБЛ, ГЛМ, у К. Н. Бугаевой).

РУКОПИСИ ПРОЗЫ [40]

1. РУКОПИСИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НЕНАПЕЧАТАННЫХ

В ГЛМ: 1) «Путевые заметки», т. II, ред. 1919 г. — 120 гранок, с прилож. рисунка: площадь в Радесе; 2) «Почему я стал символистом», 1928 г., 69 лл.; 3) «Кризис сознания», 1920 г., 100 лл.; 4) «Лев Толстой и культура сознания», 1920 г., 116 лл.; 5) «Москва»— драма, 1926 г.. 211 лл.; 6) «Гибель сенатора», 1924 г., первая редакция драмы «Петербург», машинопись, 157 лл.; 7) «Петербург»— драма, 1925 г., машинопись, правленная автором, 96 лл.; 8) «Начало века». Половина второго и целиком весь третий том, ред. 1923 г., машинопись, 820 лл.; 9) «Основы моего мировоззрения», 1922 г., машинопись, 60 лл.; 10) О проблеме знания и познания, 1922 г., машинопись, 118 лл.; 11) Принцип ритма в диалектическом методе, 1927 г., машинопись, 30 лл.; 12) Конспект и наброски отроческой мистерии-драмы «Антихрист», 1898 г., 9 лл.; 13) Воспоминания о Жоресе, 1924 г., машинопись, 4 лл.; 14) Отрывки из статьи о французских символистах, 1918 г., 9 лл.; 15) Предисловие к предполагавшемуся переизданию романа «Котик Летаев», 1928 г., 3 лл.; 16) «Снежные арабески». Музыка Метнера [1919 г.?], 17 полулистов; 17) Отрывок рукописи «Диалектика ритма» [О ритмическом жесте], ред. 1917 г., 32 лл.

В ДСП: две полемические статьи [1907 г.?], направленные против модернистов и эпигонов символизма: 1) «Довольно!» — 3 лл., и 2) Монолог № 1 «Сорок тысяч курьеров»— с зачеркнутым автором заглавием «Монолог Добчинского», 9 лл.

У К. Н. Бугаевой: 1) «Петербург» — верстка некрасовского издания 1912 г., 9 печ. лл. (144 стр.); 2) статья о постановке «Мертвых душ» в МХАТ им. Горького, 1932 г., 4 лл.; 3) «Дом-музей М. А. Волошина», июль 1933 г. Отзыв, написанный по просьбе М. С. Волошиной, 9 лл.; 4) начало IV тома «Воспоминаний», 1933 г., 209 лл.

У Г. Б. Городецкого: «Ритмический жест» [1921 г.?], машинопись.

У Р. В. Иванова: 1) рукопись, озаглавленная автором: «Петербург. Историческая драма А. Белого. 5 актов. 10 картин. Рукописный текст» [1924 г.], 164 лл.; к рукописи приложены чертежи, рисунки макетов, черновики 11-й картины (2-й редакции) и записка автора: «Для режиссуры и артистов» [1925 г.], 23 лл.; 2) «Почему я стал символистом», 1928 г., машинопись, правленная автором, 134 лл.; 3) «Петербург» — верстка некрасовского издания 1912 г., 9 печ. лл. и 5 гранок (стр. 145—169) с надписью корректора: «Исправив верстать. 22/XII, 1912».

В частном собрании: 1) «Бакст» (без года, почерк не позже 1909 г.). Предназначалась к печати, но не была принята; на последней странице карандашная пометка неизвестной рукой: «не пойдет», 7 лл.; 2) текст приветствия Г. Гауптману по случаю его 60-летия. Рукопись на немецком языке, 1 л.; 3) «Слово благодарственное, сказанное Томасу Манну, читавшему в «Доме искусств» (в Берлине) в пользу голодающих», — машинопись, по-немецки, с авторской надписью в заголовке и подписью в конце (то и другое по-русски), 1922 г., 1 л.; 4) машинопись

по-немецки с авторской надписью по-русски: «Мною составленный текст обращения по поводу русского голода», 1922 г., 2 лл.; 5) «Комментарий Бориса Бугаева к первым письмам (переписки) Блока к Бугаеву и Бугаева к Блоку», 5 декабря 1926 г., 38 стр. Составлен в связи с намечавшимся в 1926 г. в изд. М. В. Сабашникова опубликованием частей этой переписки, относящейся к 1903—1904 гг. и носящей теоретический характер.

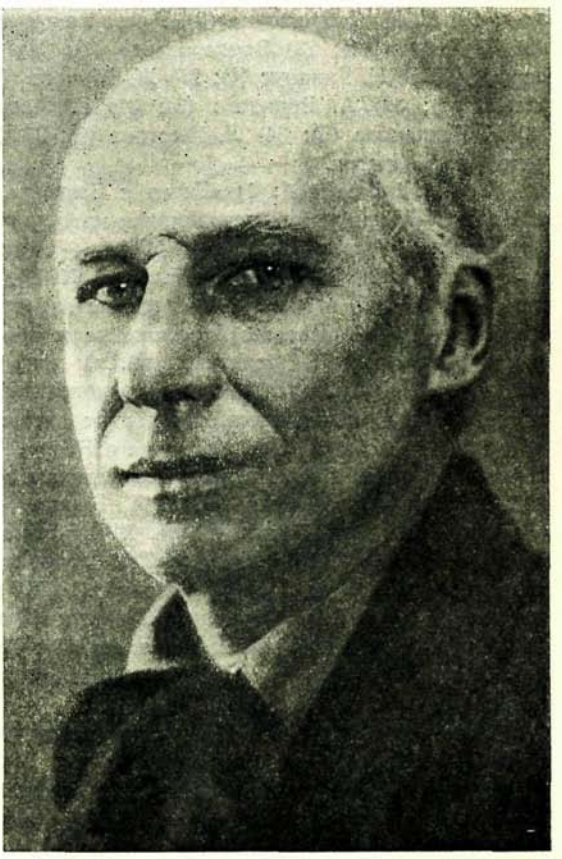
2. РУКОПИСИ, СИЛЬНО ОТЛИЧАЮЩИЕСЯ ОТ ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА

В ГЛМ: 1) вторая редакция «Начала века», 1930 г., машинопись, правленная автором, 658 лл.; 2) «Путевые заметки», 1911 г. Рукопись составляют автографы, гранки 1912 г. типографии Мамонтова в Москве и машинопись; и то и другое правлено автором, 180 лл.; 3) «Пробуд», 1928 г. Первая глава первой редакции романа «Маски», машинопись, 85 лл.

У К. Н. Бугаевой: «Ритм, как проблема, и «Медный всадник», 1927 г. Первая редакция книги «Ритм, как диалектика». Сильно отличаются «Введение» и первая глава, отсутствуют «Приложения», машинопись, 148 лл.

У И. С. Зильберштейна: печатный экземпляр «Петербурга», правленный автором в 1919 г. для несостоявшегося издания Издательства писателей в Москве.

У Р. В. Иванова: 1) Схема романа «Петербург» (1912) и рукопись, озаглавленная автором: «Отрывки из романа «Петербург». А. Белого». Предисловие и 9 главок: Вместо предисловия (1). 1. Петербург (4); 2. Аполлон Аполлонович (8); 3. Подъезд (4); Невский проспект (10); 5. Странная осень (4); 6. День чрезвычайностей (9); 7. Сон сенатора (4); 8. Летний сад (3); 9. Софья Петровна (9). В скобках обозначено число полулистов. На обороте: «Вместо предисловия» — начало письма к В. Брюсову: «Получил решение «Русской Мысли» — теми же чер-



АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
Фотография 1933 г.
Собрание К. Н. Бугаевой, Москва

нилами и почерком. Повидимому, рукопись эта — экстракт из самой первой редакции (для «Русской Мысли»). 2) Другая рукопись первоначального текста «Петербург» заключает в себе четыре полных главы романа и начало пятой главы второй (некрасовской) редакции. Главы первая и вторая совпадают с печатным текстом некрасовского издания. 3) Экземпляр «Серебряного голубя», изд. «Скорпион», 1910, правленный автором в 1914 г. для несостоявшегося издания «Сирина». 4) «Путевые заметки». Корректуры для несостоявшегося издания «Сирина», 14 форм.

3. РУКОПИСИ И ЧЕРНОВИКИ, В ОСНОВНОМ НЕ ОТЛИЧАЮЩИЕСЯ ОТ ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА

В ГЛМ: 1) «На рубеже двух столетий», 246 лл.; 2) «Мастерство Гоголя», 225 лл.; 3) «Москва», 212 лл.; 4) «Маски», 314 лл.; 5) «Ветер с Кавказа», 168 лл.; 6) «Ритм, как диалектика», 159 лл.; 7) «Пепел», 114 лл.; 8) «Утопия», 13 лл.; 9) «Дневник писателя», 1919 г., 49 лл.; 10) «Армения», 38 лл.; 11) «О смысле познания», 54 лл.; 12) «Начало века», редакция 1932 г. Машинопись, правленная автором, с автобиографическими вклейками и вкладками. Экземпляр, приготовленный для ГИХЛ, 738 лл.; 13) «Как я пишу», 1930 г., машинопись, 15 лл.

В ДСП: 1) рассказ «Адам» (17); 2) два отрывка из романа «Серебряный голубь»: «Житье бытье» и «Гуголево» (65); 3) «Мраморный гений», главки из «Кубка метелей» (4). Статьи: 4) Путевые заметки, отр. 4. Пестрый сфинкс (18); 5) Сфинкс (42); 6) Обломки миров (4); 7) Литератор прежде и теперь (6); 8) Вольноотпущенники (5); 9) Теория или старая баба (7); 10) Литературный распад (8); 11) Ибсен и Достоевский (17); 12) Художник оскорбителям (4); 13) Разъяснение В. Иванову (4); 14) Символизм в современном русском искусстве (47); 15) Шарль Бодлэр (12); 16) Смерть или возрождение (7); 17) Гоголь (50) — и, без первого листа, 18) о Л. Андрееве (6); 19) Гоголь и Мейерхольд, машинопись (22). Некролог: 20) Н. И. Стороженко (3). Рецензии на книги: 21) Л. Аксельрода (1); 22) А. Бебеля (1); 23) Вандервельде (1); 24) А. Волынского (4); 25) А. Галунова (2); 26) З. Н. Гиппиус (4); 27) Ж. Жореса (1); 28) К. Каутского (2); 29) В. Оствальда (1); 30) А. Ремизова (3); 31) Г. Риккерта (2); 32) И. Скартаццини (1); 33) Г. Челпанова (2); 34) Л. Шестова (6); 35) Эльцбахера (4). В скобках обозначено число листов.

У К. Н. Бугаевой: 1) «Ветер с Кавказа», машинопись, правленная автором, 263 лл; 2) «Между двух революций», машинопись, слегка правленная автором.

У Р. В. Иванова: 1) «Петербург» — сириновская редакция 1913 г., 607 лл.; 2) «На перевале. III. Кризис культуры» [1920]. Рукопись с пометкой автора: «Копии нет», 80 лл., и гранки, правленные автором, 46 форм; 3) экземпляр «Котика Летаева». Первая часть: а) посвящение и предисловие, 2 лл., б) авторская корректура верстки, 5½ печатных лл., в) машинопись, полный текст, правленный автором, 133 лл. Вторая часть: а) рукопись VI главы, 56 лл., б) рукопись «Эпилога», 4 лл., в) машинопись, правленная автором, 39 лл., и г) гранки, правленные автором, 14 форм; 4) «Воспоминания о Блоке». Текст журнала «Эпопея», №№ 1—4. Цензурный экземпляр для предполагавшегося издания «Эпохи», П. [1924?], 827 стр.; 5—11) статьи: «Поэзия Блока», 1917, 29 лл.; «Учитель сознания (Л. Толстой)», 1920; «На перевале. I. Весенние мысли. II. Революция и сознание современности» [1918], 29 лл.; «Так говорит правда» [1922], 22 лл.; «Песнь солнценосца» [1918], 5 лл.; «Гоголь» [1909], машинопись, 7 лл.; 12) «Воспоминания о Блоке». Текст журнала «Записки Мечтателей», 1922, № 6, машинопись, 237 лл.; 13) «Записки чудака» [главка 10]: Писатель и человек. 14 полулистов; 14) «Эпопея. Записки чудака». Один лист рукописи, 1 форма гранок, 22 лл. машинописи, правленной автором.

В частном собрании: 1) «Проблема культуры», 12 лл.; 2) «Психология и критицизм» — напечатано в «Символизме» под заглавием «О границах психологии», с некоторыми изменениями, 25 лл.; 3) «Египет» — текст журнала «Современник», 108 лл.; 4) «Возвращение на родину», 55 лл.

4. ЧЕРНОВИКИ, ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ НАБРОСКИ

В ГЛМ: 1) заготовки, предварительные наброски, ряд творческих вариантов и рисунков к роману «Москва», 650 лл.; 2) то же — к роману «Маски», 757 лл.; 3) черновые наброски, конспекты, материал цитат, диаграммы к лекциям о Блоке, Достоевском, Пушкине, «О слове» в театре им. Мейерхольда и др., около 200 лл.; 4) черновые записи и материалы к незаконченной работе «История становления самосознания», около 100 лл.

У К. Н. Бугаевой: 1) черновая рукопись и материалы к книге «Между двух революций», около 640 лл.; 2—6) черновики и материалы к статьям: «Поэзия Балтрушайтиса» [1920 г.], 20 лл.; «О себе, как писателе», 6 лл.; «Культура краеведческого очерка», 69 лл.; «Поэма о хлопке», 24 лл.; «Энергия», 70 лл.; 7) материалы по работе над книгой «Начало века», 1930 и 1932 гг., автографы и машинопись, правленная автором, 451 лл.

У Р. В. Иванова: 1) «Жезл Аарона». Начало черновика, 11 лл., и конец верстки, правленный автором, 6 лл.; 2) черновые наброски к роману «Москва» и рисунки, 35 лл.; 3) наброски, чертежи, библиография к незаконченной работе «История самосознания», 100 лл.; 4) конспекты, записи, схемы, черновые наброски, стенограммы (неправленные) к лекциям и докладам (1919—1920 гг.), около 300 лл.; 5) «Воспоминания странного человека» [1919 г.?]. Черновик «Записок чудака», неполный, полулисты 21 — 47 и 57 — 183; кончается главкой 41-й; на обороте лл. 162—176 с новой пагинацией идет продолжение главки 41-й; 6) первоначальные карандашные черновики «Эпопеи» (Крещеный китаец), 201 лл., и позднейшие чернильные черновики, 75 лл., а также два экземпляра машинописи (68 лл.), один из них правленный автором.

5. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

В ГЛМ: 1) материалы по ритму, охарактеризованные А. Белым, как «Остатки подготовлявшегося исследования о ритме, которого введение есть книга моя «Диалектика ритма», 371 лл.; 2) материалы к книге «Мастерство Гоголя», 663 лл.; 3) материалы по истории движения коллекций в эпоху Великой французской революции [1919 г.], 292 лл.; 4) Библиография по истории античной, новой и новейшей философии и по буддизму, «составленная А. Белым... для нужной ему работы; подбор источников в красках, схемах, выражающих индивидуальный подход к философским течениям» («Опись архива», п. 20), [1926 г.], 99 лл.

У К. Н. Бугаевой: 1) материалы по ритму, 45 лл.; 2) материалы к «Словарю рифм», 1933 г., около 120 лл. разного формата; 3) «Глоссолалия» — неполный черновик, материалы и схемы, 72 лл.

У Р. В. Иванова: 1) Материалы по ритму, 49 лл.; 2) «Глоссолалия» — один лист рукописи и 2 рисунка; 3) материалы о Блоке [1917 г.], 24 лл.; 4) материалы для книги «Мастерство Гоголя», 100 лл., и Собрание сочинений Гоголя (тт. I—XII, изд. Маркса) — экземпляр с пометками для той же книги.

6. БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

В ГЛМ: 1) «Биографические сведения (раккурс дневника) по годам и месяцам» за 1900—1930 гг., 150 лл.; 2) биографические записи, сводки, отрывки из дневников и проч., около 220 лл.

В ДСП: 1) Анкетные сведения для Союза советских писателей, 1931 г., 2 лл.; 2) ответы А. Белого на вопросы секции беллетристов Московского профессионального союза писателей [1918 г.], 2 лл.; 3) «В Наркомсобес. Автобиография Бориса Николаевича Бугаева», 1932 г., 4 лл.

У К. Н. Бугаевой: «Автобиография Андрея Белого», 1932 г., для изд. «Федерация», черновик, 6 лл.

У Р. В. Иванова: дневник 1921 г. (август — сентябрь) [Смерть Блока] и заметка о рецензии С. Боброва на «Седое утро», 29 лл.

7. РАЗНОРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В ГЛМ: 1) Опись архива, 1932 г., 8 лл. (черновики, 12 лл.,—у К. Н. Бугаевой); 2) План Собрания сочинений 1920 г. для изд. Гржебина, 14 лл.

У К. Н. Бугаевой: 1) О томе стихов — план 1925 г., 22 лл.; 2) План посмертного Собрания сочинений, 1925 г., 6 лл.; 3) План романа «Германия», 1931 г., черновик, 2 лл.; 4) Первоначальный план книги «Мастерство Гоголя», 1931 г., 2 лл.

У Р. В. Иванова: Докладная записка в теоретический отдел Института театральных знаний, 1920 г., машинопись, 2 лл.

8. ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Писем А. Белый писал много: и личных, и на теоретические темы, и деловых — официальных. Ни одно из них не появилось в печати. Приводим предварительный список адресатов с указанием количества писем и времени переписки в тех случаях, где это удалось установить: С. М. Алянский — 17 (1918—1932), В. Г. Анненкова — 2 — 3 (1924), М. А. Бекетова — 2 (1917, 1931) — в ГЛМ, Е. Я. Белицкий — 1 (1924), А. А. Блок — 199 (1903—1919), Л. Д. Блок (1904—1906), В. Д. Бонч-Бруевич — 3 (1932), А. А. Боровой, В. Я. Брюсов — 53 (1902—1911) — одно в ГЛМ, Н. В. и А. Д. Бугаевы (родители А. Белого) — сохранились только письма к матери — 160 (1890—1922) — в ГЛМ, и 48 писем — у К. Н. Бугаевой, В. В. Вересаев — 1 (1932), В. В. Владимиров, М. А. Волошин, М. О. и М. Б. Гершензон — 14 (1908—1925), З. Н. и Т. Н. Гиппиус, Ф. В. Гладков — 3 (1933), А. С. Голубкина, А. Б. Гольденвейзер — 1 (1927), М. Горький — 4 (1920, 1931), З. И. Гржебин, Б. П. Григоров — 2 (1915?, 1919), А. Е. Грузинский — 1 (1919) — в ГЛМ, И. С. Ефимов — 1 (1933), А. В. и В. А. Жуковы — тетка и двоюродная сестра А. Белого, В. А. Жуковская, П. Н. Зайцев — 84 (1924—1933), В. И. Иванов, Р. В. Иванов — 174 (1913—1932), С. Н. Кампиони (1911 — 1914?), Е. Н. Кезельман — 6 (1931—1933) — в ГЛМ, Л. Л. Кобылинский (Эллис) — 7 (1910—1911) — в ГЛМ, А. М. Кожебаткин — 32 (1909—1911, 1920?), А. А. Кублицкая-Пиоттух (1905—1920) — одно письмо в ГЛМ, М. А. Кузмин — 2 (1908, 1911) — в Гос. публ. б-ке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, П. А. Кузько — 2 (1921) — в ГЛМ, К. А. Лигский (1921?), Е. Г. Лундберг — 1 (1921) — в ГЛМ, П. Н. Медведев — (1928 — 1930), В. Э. Мейерхольд, Д. С. Мережковский, Э. К. Метнер (1903—1913?), Н. Минский, В. О. Нилендер — 2 (1921, 1932) — в ГЛМ, В. М. Носилов, О. Э. Озаровская — 1 (1929), Б. Л. Пастернак — 2 (1928), П. П. Перцов — 1 (1903) — в ДСП, К. С. Петров-Водкин (1932—1933), А. С. Петровский — 62 (1903—1913, 1931 — 1932) — в ВБЛ, Н. И. Петровская — 1 (1903) — в ГЛМ, Н. Г. Полетаев — 1 (1919) — в ГЛМ, Вяч. Полонский — 1 (1931), С. А. Поляков — 12 (1904—1906, 1925) — в ДСП, одно письмо в архиве В. Я. Брюсова, З. Н. Райх (1932), А. М. Ремизов — 11 (1906—1912) — в Гос. публ. б-ке в Ленинграде, И. С. Рукавишников (1919 — 1921), П. Н. Сакулин — 1 (1930) — в ГЛМ, Г. А. Санников — 26 (1929—1933), М. С. Сарьян — 5—6 (1928—1929), И. А. Сац — 1 (1932) — в ГЛМ, С. А. Соколов (1903—1907), В. И. Соловьев — 1—2 (1931), С. М. и Т. А. Соловьевы — 2 (1917, 1921) — в ГЛМ, Ф. Сологуб — 6 (1905 — 1917) — в Инст. лит., Л., и одно письмо — в ГЛМ, С. Д. и С. Г. Спасские — 26 (1921 — 1933), В. И. Стражев — 1 (1907) — в ДСП, Н. А. Табидзе — 6 — 7 (1928 — 1933), С. А. Толстая-Есенина — 1 (1931), Б. В. Томашевский — 2 (1933), А. А. Тургенева (1909,1916—1921), Е. Ю. Фехнер (1921—1923), А. А. Фортунатов — 1 (1928), Г. И. Чулков, М. С. Шагинян — 9 (1908—1909?), Н. Л. Шварц — 1 (1919) — в ГЛМ, К. А. Сюнненберг, Н. Е. Эфрос и др.

Какие-то письма Андрея Белого находились в 1910—1911 гг. в отделе рукописей и редких книг при городской публичной библиотеке г. Томска,— см. «Сибирское Слово» (Томск), 1 февраля 1911 г., № 25.

Из более крупных, имеющих литературное или биографическое значение переписок удалось просмотреть: письма к С. М. Алянскому, издателю «Алконоста» и журнала «Записки Мечтателей»,— связаны с произведениями, печатавшимися или

намеченными к печатанию в 1918—1921 гг.: «Записками чудака», «Путевыми заметками», «Глоссолалией», «Кризисом культуры»; есть о размещении статей, о корректурных недоразумениях, жалобы на набор, искажающий ритм; в письмах 1931—1932 гг., когда Алянский заведывал Издательством писателей в Ленинграде,— о романе «Германия» (ныне архив Алянского в Литературном музее).

Ранние письма к А. А. Блоку (1903 — 1904) представляют большой интерес для уяснения мировоззрения Белого и Блока и для всей эпохи символизма; все письма в целом имеют исключительное значение для биографии обоих писателей, для истории их взаимоотношений, их творчества, в частности, для истории печатания «Петербурга» в изд. «Сирин»; есть много сообщений об издательствах и журналах, в которых участвовали Белый и Блок. В письмах ранних годов — ряд автографов со стихами Андрея Белого (см. выше, стр. 628).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ
Фотография 1934 г.
Собрание К. Н. Бугаевой, Москва

В письмах к В. Я. Брюсову (у И. М. Брюсовой, одно в ГЛМ), кроме лично-биографических моментов,— деловые отношения с изд. «Скорпион», журналами «Весы», «Золотое Руно», затем (1910—1911) с «Русской Мыслью»; материалы к истории печатания «Симфоний», «Золота в лазури», стихов периода «Пепла» и «Урны», отклики на книги Брюсова, Бальмонта и др.; есть и автографы стихов (см. стр. 629).

Письма к матери, А. Д. Бугаевой, охватывают период от детских лет писателя до года смерти А. Д.; в отношении общественных и литературных высказываний особенно интересны письма 1906—1907 и 1914—1916 гг.; есть и рисунки, в частности, шутливые зарисовки Жореса (1907).

Письма к М. О. Гершензону (у М. Б. Гершензон)— главным образом, деловые записки, в связи с сотрудничеством в «Критическом Обозрении» (1908 — 1909); из более поздних интересно письмо от 21 июня 1919 г. из Карачева — о книгах, прочитанных для переработки «Путевых заметок», о предисловии к предполагавшемуся переизданию романа «Петербург»; одно письмо к М. Б. Гершензон, от 25 марта 1925 г., после смерти М. О.

Главным образом, ряд деловых записок, телеграмм и писем к А. М. Кожебаткину, секретарю изд. «Мусагет», в связи с корректурами «Символизма», «Луга зеленого», статьями для них и другими работами для изд. «Мусагет» (путевые фельетоны и пр.); беглые впечатления из Италии, Африки; об отрицательной роли европейцев в Тунисии и Египте; о денежных затруднениях; в последнем письме [1920?] — о сборнике «Звезда».

Письма к А. С. Петровскому богаты материалами личной жизни; о встречах с Блоками, Соловьевыми и др.; впечатления от Африки, о денежных затруднениях во время поездки, о «Мусагете», «Сирине» и «Петербурге»; в последних письмах (1931 — 1932) — о жизни в Детском Селе, о работах и книгах последнего года.

К С. А. Полякову, редактору журнала «Весы»,— литературные предложения, о делах по изданию книг в изд. «Скорпион» и о статьях для журнала «Весы», а также приветствие в день 25-летия изд. «Скорпион» (9 декабря 1925 г.) с подписью: «От старого скорпионовца» (черновик в ГЛМ).

Письма к Г. А. Санникову относятся к последним годам жизни А. Белого и интересны личными настроениями этого периода, последними жизненными и литературными планами; ряд деловых записок.

Из писем к Сологубу наиболее интересно письмо 1908 г., в связи с недовольством адресата статьей Андрея Белого «Далай-лама из Сапожка» (о творчестве Сологуба); в письме 1916 г., из Швейцарии, просьба помочь в устройстве литературных дел.

Из писем к Н. А. Табидзе — в связи с пребыванием на Кавказе и планами новых поездок; есть о работе над «Масками».

Здесь же можно отметить, что в ГЛМ имеется около 200 писем к Андрею Белому. Другое, гораздо более полное собрание находится в ВБЛ.; общее количество писем достигает 2 000; время написания, главным образом, 1902—1909 гг., но есть и более поздние письма; количество корреспондентов около 150.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Поэма называлась «Крестоносцы» и являлась подражанием «Освобожденному Иерусалиму» Торквато Тассо.

[2] См. составленный А. Белым в 1927 или 1928 г. «Список пропавших или уничтоженных автором рукописей». Текст в частном собрании.

[3] В газете опечатка: «Золы», вместо «Зовы».

[4] Рукопись в частном собрании.

[5] В книге «Между двух революций», Издательство писателей в Ленинграде, 1934, стр. 19, А. Белый указывает: «Около трех тысяч стихов».

[6] А. Бурнакин.

[7] В журнале опечатка: «Тоска по вам».

[8] См. выше, стр. 576.

[9] Об этом малоизвестном журнале см. Толстой А. Н., Нисхождение и преображение, «Мысль», Берлин, 1922, стр. 8. Там сообщается, что № 2 (и последний) журнала не был выкуплен в типографии.

[10] Поэма была прочитана автором 24 июня 1921 г. на открытом заседании Вольно-философской ассоциации в Петрограде.

[11] Были в рассказе «Куст» и биографические переживания, связанные с отношением к близким в то время людям, — см. «Между двух революций», стр. 138.

[12] См. «Воспоминания о Блоке»,— «Записки Мечтателей», 1922, № 6, стр. 73, и «Начало века», стр. 307—308.

[13] Подлинник письма Брюсова в архиве Ф. Сологуба, в б. Пушкинском доме в Ленинграде.

[14] Пяст В., Встречи, 1929, стр. 152.

[15] Подробно — К. Н. Бугаевой, А. С. Петровскому и др., кратко — в четвертом, незаконченном томе «Воспоминаний».

[16] В письмах к А. С. Петровскому: «По уши сижу в романе» (Брюссель, 24 мая 1912 г.); «Сижу в романе» (Штуттгарт, ноябрь 1912 г.); «Зависим от переговоров с «Сирином» (27 февраля 1913 г.); о том же в ряде писем к А. Блоку.

[17] Между прочим, это единственная статья А. Белого в этой газете, не считая двух «Писем в редакцию», напечатанных в №№ 58 и 62 от 5 и 11 июля 1907 г.

[18] В журнале «Mercure de France» (1925, 1 мая, t. 179, p. 829.—Bienstock I. W., Lettres russes) есть сообщение о том, что «Петербург» переведен на французский язык и скоро должен выйти из печати. Издание, повидимому, не осуществилось.

[19] Этот экземпляр «Петербурга» приобретен И. С. Зильберштейном.

[20] А. Белый — трудно переводимый писатель. В статье «О себе, как писателе», написанной в марте 1933 г., он высказался по этому поводу: «Мои языковые стремления частью отрезали меня от заграничной аудитории; роман мой «Серебряный голубь»... еще кое-как переводим; перевод же романа «Петербург» на немецкий язык вышел из рук вон плохим, несмотря на культурность переводчицы; и это потому, что ритмы сложнее в нем, языковые особенности более выпуклы; о романе «Москва» в немецкой прессе писали: этот роман не переводим; на предложение о переводе на английский язык симфонической повести «Котик Летаев» я ответил молчанием; передо мною встала картина искажения ритмов и деформации слов».

[21] Отрывки «Котика Летаева», напечатанные в «Русских Ведомостях», № 280, от 4 декабря 1916 г., вариантно соответствуют тексту изд. «Эпоха», 1922, стр. 173—175, 139, 147, 194, 124—125, 108, 202, 177, 125—128, 101—102, 104—106, 196—197, 184—186.

[22] Перепечатана в журнале «Современные Записки», Париж, 1922.

[23] В одном из ранних черновиков повесть озаглавлена «Воспоминания странного человека».

[24] В объявлениях о сочинениях А. Белого в конце книги «На перевале. II Кризис мысли», 1918, значится: «Дневник чудака». Роман. Хроника современной души (Готовится)».

[25] О возможности издать отдельной книжкой «Возвращение на родину», прервав его печатание в «Записках Мечтателей», и идет речь в письме А. Белого к М. О. Гершензону от 21 июня 1919 г. (из Карачева): «С Алянским у меня была переписка, мѣня огорчившая; ему очень больно уступить «Чудака», ибо он на нем строил журнал, а мне нельзя ему уступить, ибо тогда я останусь без денег и без возможности писать «Чудака»...». Письма об этом есть в архиве С. М. Алянского.

[26] Эмбрион этой темы можно найти на страницах дневника 1916 г., переработанных в «Кризис жизни», где Белый писал: «Не забуду я никогда: еще будучи гимназистом, я нашел на столе у отца два почтеннейших кирпича, испещренных внутри крючковатыми знаками интегралов и функций; это были два руководства: одно называлось «О внешней баллистике» (о движении ядра внепушечного жерла); другое же называлось «О баллистике внутренней». Две почтенных науки об уничтожении себе подобных блистательно развивались; и бескорыстное открытие Лейбница (дифференциальное исчисление) применили таки мы к войне... И знай Лейбниц, что в лучшем из миров открытие его ляжет в грядущее массовым истреблением людей, колоссальнейшей бойнею мира, — как знать: может быть, свое открытие сжег бы он» («Кризис жизни», стр. 12).

[27] В бюллетене «Советская Книготорговля», 5 декабря 1931 г., стр. 6, сообщается о романе «Маски» — размер 27 печ. лл., тираж 3 000 экз.

[28] В бюллетене «Советская Книготорговля», 5 декабря 1931 г., № 2, стр. 6, появилась заметка о романе «Германия», намечающая предварительный размер его (15 печ. лл.) и тираж (5 000 экз).

[29] Письмо к А. М. Кожебаткину из Луцка с почтовой датой 7 июня 1911 г.

[30] В списке «Написанных и ненапечатанных рукописей Андрея Белого» (1928) второй том «Путевых заметок» состоит из пятидесяти одной главки; главки эти перенумерованы и соответствуют геликоновским гранкам, но в них отсутствуют: между 9-й и 10-й главками отрывок «Кобра», между 16-й и 17-й — «Знакомство с Али Джалюли», между 36-й и 37-й — «Сады», между 45-й и 46-й — «Саккара».

[31] «Республика негров Франции». Примечание редакции: «Нижеследующая остроумная сатира известного русского писателя написана в 1912 г. Содержащиеся в ней пророчества приобрели в настоящее время особенно актуальное значение».

[32] В «Новой Русской Книге», Берлин, 1923, № 3—4, сообщается в отделе «Судьба и работы русских писателей», что А. Белый перерабатывает для отдельного издания «Воспоминания о Блоке», — они «составят большой труд, который выйдет в свет в четырех томах под заглавием «Блок и его время».

[33] Именно в это время Блок пишет матери: «А. Белого я не видал. Кажется, мы не выносим друг друга взаимно», — «Письма Александра Блока к родным», т. I, изд. «Academia», 1927, стр. 236, письмо № 193 от 24 ноября 1908 г.

[34] Приводятся в порядке их появления в печати.

[35] О работе над Толстым см. ниже, в разделе «Цикл «кризисов».

[36] 12 февраля 1917 г. в Религиозно-философском обществе в Петрограде состоялся доклад А. Белого «Александрийский период и мы в освещении проблемы

«Восток или Запад». «Программа» доклада вполне соответствует второй половине книги «Кризис мысли».

[37] В объявлении о новых изданиях, напечатанном в книге «К. Чуковский. Книга о А. Блоке», «Эпоха», 1922, значится: «А. Белый. Книга о поэтическом смысле». По плану 1920 г. она должна была составить т. XVIII Собрания сочинений А. Белого и предназначалась сперва к напечатанию в изд. «Полярная звезда». Возможно, что это была одна из промежуточных редакций ритмического жеста.

[38] См. также доклад В. А. Дружкиной «Андрей Белый — «пушкинист», прочитанный 15 февраля 1923 г. в пушкинском семинарии при Исследовательском институте языка и литературы 1-го МГУ («Пушкин», сб. I, Гос. изд., М., 1924, стр. 328).

[39] На последней странице «Мастерства Гоголя» опечатка: «Подписано к печати 21 декабря 1934 г.», следует читать: «1933 г.»; в апреле 1934 г. книга уже поступила в продажу.

[40] Здесь и ниже оговариваем только машинопись. Список наш, по необходимости, не является исчерпывающим; так, например, при перечислении разнообразных материалов, имеющихся в ГЛМ, мы приводим лишь основные; относительно остальных принуждены ограничиться суммарными указаниями.